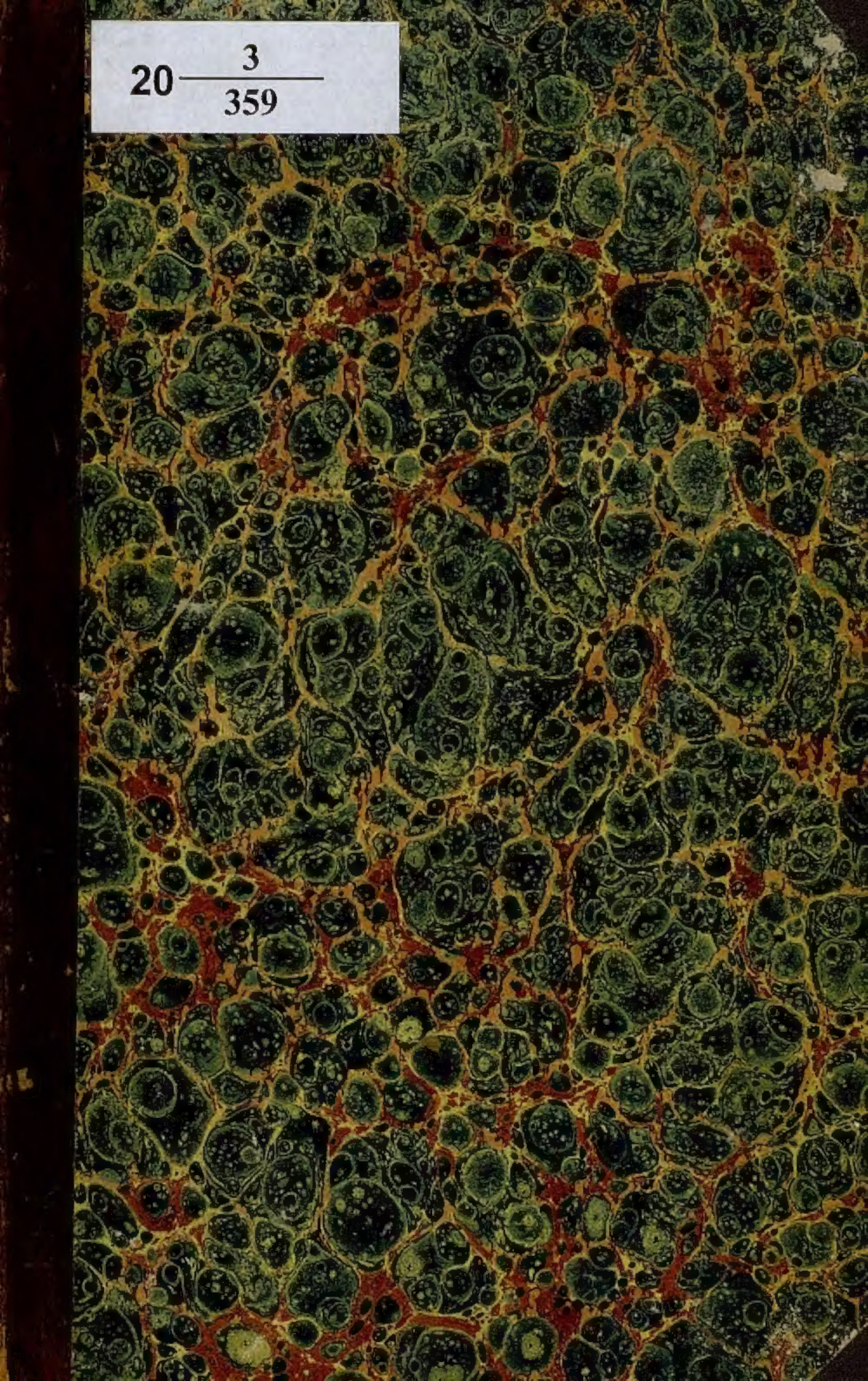

Иером. Иларіона

Изъ книгъ Іером. Иларіона

ДУША И АНГЕЛЪ--НЕ ТѢЛО, А ДУХЪ

Противъ брошюръ:

«Слово о смерти»

и

«Прибавленіе къ Слову о смерти.»

ТАМБОВЪ.

Въ Типографіи А. А. Студенецкаго.

1867.

(Перепечатано изъ Тамбов. Епарх. Вѣдом.)

Съ дозволенія цензуры. 7 Сентября 1867 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

——⋄⋄——

Печатаемыя статьи получены Редакціею при слѣдующемъ письмѣ. — "Препровождаю къ вамъ письмо ко мнѣ доктора — католика, записанный мною разговоръ мой въ нѣсколькихъ собесѣдованіяхъ, письмо сего старца ко мнѣ и заключительный разговоръ съ нимъ. Предметъ всѣхъ этихъ статей одинъ — опроверженіе ложныхъ мнѣній, выраженныхъ въ брошюрахъ: *Слово о смерти* и *Прибавленіе къ сему слову*, будто душа — тѣло, и Ангелъ — тѣло. Полагаю, что вы не побрезгуете ими, и прилагаю мое прошеніе — напечатать ихъ въ вашихъ Вѣдомостяхъ, подъ однимъ общимъ заглавіемъ: *Душа и Ангелъ—не тѣло, а духъ.*"

Есть у меня одинъ знакомый католикъ, докторъ на пенсіи, старецъ, отложившій уже житейскія попеченія и объ одномъ спасеніи души помышляющій. Онъ бываетъ у меня и беретъ книги для прочтенія. Между другими попалось и *Слово о смерти* съ Прибавленіемъ къ нему.

Помните, конечно, что когда вышло *Слово о смерти*, гдѣ въ видѣ примѣчанія было сказано, что Ангелъ—тѣло и душа — тѣло, какой-то журналъ духовный возражалъ, что такъ нельзя думать. На эти возраженія сдѣлано опроверженіе, напечатанное сначала тоже въ журналѣ другомъ; а потомъ отдѣльною брошюркою,—подъ заглавіемъ: *Прибавленіе къ слову о смерти.* Здѣсь говорится, что мысль о духовности души и Ангела взята съ Запада, гдѣ она появилась недавно; дѣлаются выписки изъ Бержье, и потомъ его мысли опровергаются Словомъ Божіимъ, писаніями отеческими, и нѣкоторыми соображеніями. — Такъ, вотъ эти-то брошюры попались нашему знакомцу. Возвращая ихъ, онъ

написалъ ко мнѣ письмо, въ которомъ защищаетъ свою церковь и своего богослова, Бержье, затронутыхъ въ тѣхъ брошюрахъ. Находя сіи замѣчанія дѣльными, я тогда же хотѣлъ послать ихъ къ вамъ въ Редакцію, но остановился, изъ опасенія раздражить грустныя пренія, и въ надеждѣ, что мысли брошюръ пройдутъ незамѣченными. — Но когда кто-то, пиша противъ спиритовъ, въ одномъ журналѣ, котораго имени не прописываю, приводитъ въ подтвержденіе своихъ мыслей мнѣніе брошюръ, будто ученіе авторитетно уже доказанное, тогда я снова взялся за письмо доктора, чтобъ, просмотрѣвши, послать его къ вамъ.—

Когда я читалъ его, зашелъ ко мнѣ извѣстный вамъ старецъ изъ многоученыхъ, и у насъ зашла бесѣда о содержаніи брошюръ долгая. Не довели мы ее до конца, какъ старецъ заболѣлъ, и я просилъ его докончить разборъ брошюръ письменно, что имъ и сдѣлано. Когда, по выздоровленіи, онъ зашелъ ко мнѣ, мы еще нѣсколько словъ перемолвили о томъ же.

Поминаю о такомъ ходѣ происхожденія статей собственно за тѣмъ только, чтобъ остановить вниманіе на послѣднемъ разговорѣ нашемъ. Извѣстно, что авторъ брошюръ есть лице достоуважаемое, и вами, и мною, и старцемъ, и многими другими. Между тѣмъ, старецъ мысли брошюръ разбираетъ очень строго, можно сказать, безпощадно. Вотъ въ послѣднемъ-то нашемъ разговорѣ старецъ и поставилъ себѣ цѣлію—оградить чувства уваженія къ автору, не смотря на строгость къ брошюрамъ, извѣстнымъ подъ его именемъ. И я смиренно прошу всѣхъ, кому придется читать строки сіи, не подозрѣвать насъ,—и старца критикующаго, и меня передающаго его замѣтки, въ неуваженіи къ достойному всякаго уваженія лицу. Потерпите, — въ концѣ всего увидите, что мы и маніемъ очей не касались лица автора. Вся строгость суда падаетъ на мысли брошюръ.

Обсуждаются сіи мысли съ тою цѣлію, чтобъ отвратить опасность заблужденія въ тѣхъ, кои стали бы понимать ихъ, какъ послѣднюю, законченную уже мысль автора о душѣ и Ангелахъ, чего они въ самомъ дѣлѣ не представляютъ. Руководительницею во всемъ была одна любовь къ истинѣ, и предлагаемое есть плодъ сей любви. Забота была объ одномъ — указать правую сторону, въ надеждѣ, что правдѣ вездѣ открытъ радушный пріемъ. Не дивно, что найдутся и вражескіе взгляды неодобренія. Не отвратимъ лица отъ студа заплеваній. Только молчать не будемъ, считая молчаніе неумѣстнымъ, послѣ того какъ Сама, молчавшая въ нужное время, Истина, ниспосланіемъ огненныхъ языковъ, открыла дверь немолчному провозглашенію истины.

ПИСЬМО КАТОЛИКА, ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ, О БРОШЮРАХЪ: — СЛОВО О СМЕРТИ И ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ НЕМУ.

Изумили меня эти двѣ статейки ученіемъ о тѣлесности естества Ангеловъ и душъ человѣческихъ. Читая слово о смерти, я, было, и вниманія не обратилъ на сію мысль; потому что она тамъ высказана будто мимоходомъ; я же былъ весь занятъ загробнымъ состояніемъ, которое скоро чаю и самымъ дѣломъ испытать. Думалъ, что это — случайная оговорка, никакъ не ожидая, чтобъ такой ученый, какого показываетъ *слово о смерти*, могъ держаться такихъ странныхъ понятій. Но вотъ, прибавленіе къ сему слову выступаетъ со всею тяжестію эрудиціи на защиту прежде мимоходомъ высказанной мысли, противъ обличенія неправости ея, высказанной кѣмъ-то. Значитъ, это уже неоговорка, но укорененное убѣжденіе. При всемъ томъ, однакожъ, полагаю, что это не есть общее убѣжденіе всѣхъ вашихъ богослововъ и навѣрно —не ваше, тѣмъ меньше ученіе Россійской церкви, и еще менѣе —ученіе всей церкви Восточной, а есть частная мысль сего именно писателя, и, можетъ быть еще, нѣсколькихъ лицъ, состоящихъ подъ его вліяніемъ. — Сдѣланное уже возраженіе оправдываетъ мое предположеніе, и я увѣренъ, что ваши богословы, если замѣтятъ и сочтутъ важною эту новость, воздадутъ ей должную справедливость.

Вотъ, и я хочу сказать слово-другое въ защиту нашей церкви и нашего богослова, которые тутъ затронуты, и нарочно для этого пишу письмо сіе.

Вы знаете, что я не имѣю нерасположенія къ вашей церкви, чту все ваше, — и объ одномъ воздыхаю, чего ради доселѣ состоятъ въ разладѣ наши церкви, двѣ родныя сестры: сошлись бы, поцѣловались и сказали одна другой: ну, сестра, забудемъ все старое, станемъ жить за одно, какъ было въ старину. Но никакъ не могу сносить равнодушно, когда кто либо относится неблаговолительно къ моей церкви, такъ сердце и заговоритъ, и не даетъ покоя, пока съ кѣмъ не переговоришь. И я очень радъ, что теперь же вамъ имѣю случай передать мою жалобу. Не поскучайте выслушать.

Опровергать самое ученіе не берусь; это не мое дѣло. Понуждаюсь только высказать мою жалобу на послѣднюю особенно брошюру за неправое ея слово о нашей церкви и ея несправедливость къ нашему богослову — Бержье, изъ котораго дѣлаетъ она выписку.—

Первая жалоба. Брошюры не разъ повторяли замѣтку, будто наша Западная церковь недавно приняла неправое (по ихъ мнѣнію) ученіе о совершенной невещественности Ангеловъ и душъ человѣческихъ. Какъ историческую оговорку, можно бы пропустить безъ вниманія эту замѣтку. Но она обидна тѣмъ, что поставлена въ связи съ обычнымъ у вашихъ писателей нареканіемъ на нашу церковь, что въ ней все будто новизны. У васъ всегда такъ бываетъ, что мало какую разность замѣтитъ кто въ ученіи своемъ съ ученіемъ, котораго держатся на Западѣ, тотчасъ кричатъ: Западная церковь ввела новизну; Западная церковь не давно приняла такое ученіе, не вникнувъ въ дѣло, какъ слѣдуетъ, и не провѣривши его свидѣтельствами.—Такъ поступила и брошюра. Вотъ и обид-

но. Обидно потому, что тутъ тѣни нѣтъ правды и обвиненіе произносится съ плеча—голословно. Если недавно, пусть скажетъ—когда, и докажетъ. Неопредѣленность выраженія и означаетъ, что она сама не знаетъ навѣрно того, что говоритъ, а пишетъ догадочно. Что это такъ—ясно какъ день, изъ замѣтки при 12-й выпискѣ изъ Бержье, въ Прибавленіи къ *Слову о смерти.*—Вотъ выписка: «Невѣрующіе говорятъ, что до Декарта философы и богословы приписывали духамъ пространство.» Послѣ сихъ словъ брошюра дѣлаетъ такое наведеніе: «Это показываетъ, съ котораго времени Западная (*) церковь приняла нынѣшнее мнѣніе ея о духахъ. Писатель ея не оспориваетъ этого.» — Каково доказательство! Изъ того, что невѣры, обыкновенно верхогляды и на Западѣ, какъ и у насъ въ Россіи, ни

(*) Мимоходомъ замѣчу, что въ брошюрахъ безъ различія употребляется выраженіе: *Западная церковь, Западные богословы.*—У насъ это строго различается. Что всею церковію принято, разно съ тѣмъ мудрствовать никто не смѣетъ. А что богословы въ своихъ системахъ пишутъ, такъ много и такого, что строго не опредѣлено церковію, а оставлено на свободу думать такъ или иначе. Въ отношеніи къ симъ предметамъ богословы разногласятъ между собою безнаказанно и спорятъ. Церковь не преслѣдуетъ ихъ разногласія. На этомъ основаніи наши богословы всегда оговариваютъ, что есть догматъ, и во что обязаны мы вѣровать. И, ставши на этомъ твердою ногою, начинаютъ уже богословствовать. Такъ и Бержье сдѣлалъ въ своемъ Лексиконѣ богословскомъ. Подъ словомъ *душа* (l'ame), давши ей опредѣленіе, тотчасъ въ скобкахъ поставляетъ, чему обязаны мы вѣрить въ отношеніи къ душѣ, цитуя, на какомъ соборѣ какой пунктъ принятъ нашею церковію, именно: что душа

во что дѣльно не вникающіе, говорятъ, и что Бержье не счелъ нужнымъ опровергать ихъ мнѣнія, нелѣпость котораго для всѣхъ тамъ такъ очевидна, брошюра выводитъ свое *«показываетъ»*...... Какъ вамъ покажется, а я нахожу это очень недоказательнымъ.— [illegible]

Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, у насъ на Западѣ между католиками есть мнѣнія новыя, несогласныя съ ученіемъ вашей церкви. Не спорю. Но въ отношеніи къ укору, высказанному въ брошюркахъ, я достовѣрно знаю и докажу, что онъ лишенъ всякихъ основаній. Ученіе о духовности естества Ангеловъ и душъ человѣческихъ, противоположное мнѣнію, проповѣдуемому въ сихъ брошюрахъ, не ново на Западѣ, и не недавно принято нашею церковію. Оно было всегда въ ней, и не въ ней одной, но, полагаю, и въ вашей церкви. Я той увѣренности, что духовность естества Ангеловъ и душъ человѣческихъ есть догматъ, раскрытый, утвержденый и хранимый Христіанствомъ, и общъ всему Христіанскому міру, независимо отъ раздѣленія церквей, образовавшихся по настоящее время. Но пускаться въ сію область богословствованія мнѣ не по силамъ. Считаю своимъ дѣломъ обличать только ложь словъ: *не давно принято Западною церковію.*

человѣческая есть чистый духъ (Латер. 4 собор.); что она безсмертна (Латер. соб. 5); что у каждаго человѣка одна душа (Константинопольскій 4-й); что она свободна (Тридент. Засѣд. 6 кан. 4); что она не существуетъ прежде своего тѣла (Констант. 2-й).—Брошюра же, какъ вижу, сдѣлала выписку изъ какого-то вашего богословія,—и тотчасъ взываетъ: вся Православная церковь учитъ. У насъ такъ не водится.— Но это я замѣчаю мимоходомъ.

Недавно—не предполагаетъ далекаго времени; но этотъ терминъ можно и расширять и сокращать, смотря по нуждѣ. Брошюра недавность сію опредѣляетъ временемъ Декарта, процвѣтавшаго, какъ сама замѣчаетъ, во 2-й половинѣ 17 вѣка.— Стало быть, за 200 л., по ея мысли, значитъ *недавно;* и стало быть, если доказатъ, что ученіе сіе было у насъ за 300 и 400 лѣтъ, то уже совѣстно будетъ сказать—*недавно*. А если доказать, что оно было у насъ за 500 и 600, то по праву можемъ утверждать, что оно не недавно у насъ, а *давно-давно*.

Прочитавши это—*недавно*, пошелъ я рыться въ своихъ книгахъ, не найду ли чего.—Передаю вамъ все, что нашелъ.

Первая попавшаяся мнѣ книга была Thomae Aquinatis Summa theologica. Думаю себѣ, кому лучше сказать правое слово объ Ангелахъ какъ не ангельскому доктору,— и не ошибся.—Отыскиваю вопросъ объ Ангелахъ: это 50-й вопросъ.

Пунктъ первый: Совершенно ли невещественъ Ангелъ? Вотъ это намъ и надо. Читаю — о семъ первомъ пунктѣ; ходъ мысли таковъ.

Повидимому, Ангелъ не совсѣмъ невещественъ. Ибо

1. то, что невещественно только въ отношеніи къ намъ, а не и въ отношеніи къ Богу, не есть не вещественно просто—безъ всякихъ ограниченій. Но Дамаскинъ, во 2 кн. о православной вѣрѣ, въ главѣ 3-й недалеко отъ начала, говоритъ, что Ангелъ нетѣлесенъ и не матеріаленъ только по отношенію къ намъ, а въ сравненіи съ Богомъ онъ оказывается тѣлеснымъ и матеріальнымъ; слѣдовательно, онъ не есть не тѣлесенъ просто, безъ всякихъ ограниченій.

2-й пунктъ не представляетъ особенности стою-

щей нынѣ вниманія.

3. Сверхъ того Амвросій, въ книгѣ о святомъ Духѣ, въ главѣ 7-й, говоритъ: «всякое твореніе описуется извѣстными предѣлами своего естества. Но быть описываему есть свойство тѣлъ; слѣдовательно всякое твореніе тѣлесно. Ангелы же суть творені яБожіи, слѣдовательно Ангелы тѣлесны.—

«Но этому противорѣчитъ то, что говорится въ 103 пс. въ ст. 4.-мъ *Творяй Ангелы своя духи.*— Почему вотъ какъ надлежитъ говорить.—

«Необходимо положить, что есть нѣкоторыя твари нетѣлесныя. Ибо преимущественное намѣреніе Божіе въ сотвореніи вещей есть благо, состоящее въ уподобленіи Богу. Совершенное же уподобленіе есть уподобленіе дѣйствія причинѣ, когда дѣйствіе похоже на причину въ томъ, чѣмъ причина производитъ дѣйствіе, какъ, напр., теплота производитъ тепло. Но Богъ производитъ всякую тварь умомъ и волею. Посему для совершенства вселенной требуется, чтобы въ ней были нѣкоторыя разумныя твари. Разумѣніе же не можетъ быть дѣйствіемъ тѣла, и никакой вообще тѣлесной силы: такъ какъ всякое тѣло подчинено неумолимому закону необходимости и внѣшнихъ вліяній и ограниченій. Почему необходимо положить, что есть нѣкоторыя твари нетѣлесныя, ради совершенства вселенной.»

Но древніе, не имѣя понятія о силѣ разума и не полагая различія между чувствомъ и разумомъ, думали, что въ мірѣ ничего нѣтъ, кромѣ того что постигается чувствомъ и воображеніемъ. Но такъ какъ и воображенію подлежатъ только тѣла, то они полагали, что нѣтъ никакихъ другихъ существъ, кромѣ тѣлъ, какъ говоритъ философъ (*Аристотель* in 4 phуsyc. text. 52 et 57). Отъ нихъ

произошло и заблужденіе Саддукеевъ, говорившихъ, что нѣтъ духа» (Дѣян. 23, 8).

«Тѣмъ уже самымъ, что разумъ выше чувства, разумно показывается, что есть нѣкоторыя нетѣлесныя существа, однимъ разумомъ постигаемыя.»

«Утверждаясь на семъ, вотъ что должно сказать въ отвѣтъ на изложенныя въ началѣ мнѣнія.

На 1-е: — Духовныя существа составляютъ средину между Богомъ и тварями тѣлесными. Средина же, по сравненію ея съ одною крайностію, кажется другою крайностію, какъ напр. теплая вода, въ сравненіи съ горячею, кажется холодною. И въ этомъ-то смыслѣ говорится, что Ангелы, по сравненію съ Богомъ, суть матеріальны и телѣсны, а не потому, чтобъ въ нихъ было что нибудь тѣлесное.

На 3-е: Описуемость предѣлами мѣстными свойственна тѣламъ; но описуемость предѣлами естества — terminis essentialibus, ограниченностію свойствъ и силъ есть свойство общее всякой твари, какъ тѣлесной, такъ и духовной. Почему тотъ же Амвросій, въ 1-й книгѣ о Духѣ Святомъ, въ гл. 7, говоритъ: «хотя нѣкоторыя существа не ограничиваются мѣстами, подобно тѣламъ, не смотря, однакожъ, на то, они не чужды описуемости естества (ограниченности свойствъ и силъ).»—

Вотъ вамъ ученіе о духовности Ангеловъ, за 600 л. предъ симъ (Ѳома Акв. родился 1227 г. ум. 1274) изложенное въ богословской системѣ, которая доселѣ для нашихъ богослововъ служитъ краеугольнымъ камнемъ въ ихъ богословствованіи. Такъ какъ же говорить, что оно недавно принято у насъ?

Но надѣюсь еще раньше указать слѣды тогоже ученія у насъ. Прежде, впрочемъ, кончу выпи-

ску уже всего, что есть у нашего ангельскаго доктора объ Ангелахъ и душахъ.—Сдѣлаю, впрочемъ, краткое извлеченіе его мыслей, потому что слово въ слово будетъ слишкомъ многорѣчиво.

Вопросъ 51. *Объ отношеніи Ангеловъ къ тѣлу.— Во 1-хъ, нѣтъ ли у Ангела тѣла, какъ естественной Его части?—*

На основаніи того, что, во 1-хъ, Оригенъ (въ книгѣ о Началахъ, глав. 6—къ концу) одно Божеское естество почитаетъ совершенно чистымъ отъ всякаго сочетанія съ веществомъ, и что, во 2-хъ, Григорій (въ бесѣдѣ на Богоявленіе) Ангеловъ называетъ разумными животными,—животное же всякое состоитъ изъ тѣла и души,—можно бы подумать, что у Ангеловъ есть тѣло, какъ естественная ихъ часть.

Но этому противорѣчатъ слова Діонисія (въ гл. 4-й о Бож. именахъ—стат. 3.), что Ангелы не только невещественны, но и безтѣлесны.

Предпочитается послѣднее. Ибо нельзя допускать, чтобъ было естественною необходимою принадлежностію извѣстнаго рода существъ то, что не требуется для нихъ по существенному ихъ характеру и значенію. Такъ напр., имѣть крылья не есть существенная необходимость для животной природы вообще, почему не всѣ животныя и имѣютъ ихъ. Ангелы суть разумныя твари. Но разумѣніе не есть дѣло тѣла или какой либо тѣлесной силы. Почему не слѣдуетъ полагать, чтобъ имѣть тѣло было естественною необходимостію для разумнаго существа, поколику оно есть разумное существо. Хотя у нѣкоторыхъ разумныхъ существъ и есть тѣла, но это не потому, что они разумныя существа, а по чему-то другому. Такъ душѣ че-

ловѣческой нужно быть соединенною съ тѣломъ; потому что она является на свѣтѣ несовершенною —неразвитою, какъ еще potentia въ кругу разумныхъ тварей, и имѣетъ нужду для пріобрѣтенія познаній входить въ сношенія съ чувственными вещами посредствомъ чувствъ тѣлесныхъ.—На семъ основаніи надо полагать, что не всѣ разумныя твари соединены съ тѣломъ, а есть свободныя отъ сего соединенія. Мы и называемъ такія—Ангелами.

Что, послѣ сего, касается до мнѣнія Оригена, то извѣстно, что у него не всѣ понятія были чисты. Къ числу ихъ можно отнести и это. Въ языческомъ мірѣ, если иные лучшіе умы и доходили до понятія о невещественности разумныхъ тварей, то едва ли были допускавшіе безтѣлесность ихъ. Понять сіе было имъ столько трудно, что иные самаго Бога почитали душею міра, который будто составлялъ тѣло Его. Отъ этого послѣдняго мнѣнія Оригенъ уберегся, потому что оно такъ очевидно противно ученію христіанскому; мнѣніемъ о союзѣ невидимыхъ духовъ съ тѣломъ увлекся. Григорій же своимъ выраженіемъ—*разумное животное* хотѣлъ только сказать, что безплотные духи суть живыя твари, ибо и разумности свойственна своя жизнь—и конечно высшая, чѣмъ другія извѣстныя намъ жизни!

Во 2-хъ. Что же думать о явленіяхъ Ангеловъ? Ангелы ли принимаютъ на время дѣйствительныя тѣла, или явленія сіи суть видѣнія тѣхъ, кои сподоблялись сего?

Нельзя думать, чтобъ Ангельскія явленія были видѣнія. Ибо видѣнія предполагаютъ особое—необыкновенное состояніе чувствъ и воображенія ви-

дящихъ и совершаются въ духѣ ихъ—внутри. Подобнаго же состоянія нельзя безъ различія присвоять всѣмъ, когда Ангелы видимы были не однимъ, а многими. Такъ Ангелы, явившіеся Аврааму, видимы были не имъ однимъ, но и Саррою, и вѣроятно, всѣми домашними; Ангелы у Лота видимы были всѣми гражданами; а сколькими былъ видѣнъ Ангелъ, сопровождавшій Товію?! Во всѣхъ сихъ и подобныхъ случаяхъ, очевидно, что видимый видится не внутри, въ воображеніи, а является внѣ — чувственно, и видится отъ всѣхъ чувственными очами, какъ и другія видимыя существа. Явиться же и видимымъ быть такимъ образомъ можетъ только дѣйствуемое тѣло.—

Если теперь, какъ доказали, Ангелы не суть тѣла по существу своему и не соединены съ тѣлами, какъ естественными своими частями: то, являясь видимыми тѣлесно, они совершаютъ сіе не иначе какъ принимая на себя временныя дѣйствительныя тѣла.

Вопросъ 52-й. Что сказать объ Ангелахъ по отношенію ихъ къ мѣсту? 1-е *Находятся ли Ангелы въ извѣстномъ мѣстѣ?*—

Находятся. Но надобно знать, что *быть въ извѣстномъ мѣстѣ* иной смыслъ имѣетъ въ отношеніи къ тѣлу, и иной въ отношеніи къ Ангелу — духу безплотному.—Тѣло протяженно и занимаетъ свое мѣсто все сплошно. Ангелъ не имѣетъ протяженія, или того количества одна внѣ другой лежащихъ частей. У него есть свое количество интенсивное—virtualis. Почему быть въ извѣстномъ мѣстѣ для него значитъ дѣйствительно являть свою ангель-

скую силу въ томъ мѣстѣ, какъ говоритъ и Дамаскинъ: «Ангелъ есть тамъ, гдѣ дѣйствуетъ» (о прав. вѣрѣ кн. 2, гл. 3, и книг. 1 гл. 13).

2-е) *Можетъ ли Ангелъ быть разомъ во многихъ мѣстахъ?*—

Не можетъ; ибо Дамаскинъ говоритъ (о прав. вѣрѣ кн. 2. гл. 3), что когда Ангелы на небѣ, то ихъ нѣтъ на землѣ. Ангельская сила ограничена, и не можетъ простираться на все, а воздѣйствуетъ на одно что нибудь опредѣленное. Посему, такъ какъ быть въ мѣстѣ для Ангела значитъ явить силу свою въ томъ мѣстѣ, явить же силу сію онъ можетъ только гдѣ нибудь опредѣлительно, а не во всемъ или многомъ; то слѣдуетъ, что Ангелъ не можетъ быть въ одно время во всѣхъ или многихъ мѣстахъ, — и что потому, когда онъ находится въ одномъ мѣстѣ, то его нѣтъ въ другомъ. Вообще есть три вида отношенія къ мѣсту. *Тѣло* описуется мѣстомъ и наполняетъ его. *Ангелъ* не описуется мѣстомъ и не наполняетъ его, но опредѣляется только мѣстомъ, то есть, только есть такъ въ немъ, что въ тоже время нѣтъ его въ другихъ мѣстахъ. Богъ не описуется и не опредѣляется мѣстомъ, но есть всегда вездѣ весь—непостижимымъ для насъ образомъ.

Вотъ это — объ Ангелахъ. Теперь о душахъ. Какъ природа падшихъ духовъ не измѣнилась паденіемъ, то объ нихъ и не толковалъ намъ древній богословъ съ тѣхъ сторонъ, какими мы занимаемся теперь.

Вопросъ 75. — О душѣ человѣческой.

Пунктъ 1 и 2. *Душа есть ли тѣло?*—Не есть тѣло. Ибо Августинъ (въ 6 трак. о Троицѣ гл. 6) говоритъ,

что душа проста и *не разливается по пространству мѣста, подобно массѣ какой;* и въ другомъ мѣстѣ (10 трак. о Троицѣ гл. 7): кто смотритъ на душу какъ на субстанцію и субстанцію нетѣлесную, тотъ видитъ вмѣстѣ, что тѣ, кои почитаютъ ее тѣлесною, потому впадаютъ въ это заблужденіе, что навязываютъ ей то, что не принадлежитъ къ существу ея.

Душа есть субстанція разумная и свободно дѣятельная. Ни разумѣніе, ни свободная самодѣятельность не можетъ быть принадлежностію тѣла или какой либо тѣлесной силы; слѣдовательно душа не тѣлесна.

Что душа познаетъ тѣлесныя вещи, — изъ сего не слѣдуетъ заключать, что она должна быть подобна симъ вещамъ, то есть, тѣлесна; но достаточно признать, что она сходна съ сими вещами potentia, то есть, что законы и формы ея разсудка сходны съ законами и формами бытія тѣлесныхъ вещей и явленій, въ нихъ происходящихъ. Такое только устройство души и дѣлаетъ ее способною познавать все. Но еслибъ она была вещественна, то не могла бы познавать всего: ибо, будучи вещественною, она была бы опредѣленной вещественности; будучи же такой вещественности, она и познавала бы только ту часть вещественнаго міра, съ которою сходно вещество, составляющее ее саму. —

«Душа, говорятъ, движетъ тѣло и, слѣдовательно, касается его. Если касается, то и тѣлесна». Но есть дѣйствіе на тѣло механическое — и тогда необходимо прикосновеніе тѣлесное, и есть дѣйствіе динамическое—virtualis, — и тогда нѣтъ необходимости въ тѣлесномъ прикосновеніи, и оно мо-

жетъ быть совершаемо существомъ нетѣлеснымъ.

Ограничиваюсь этимъ извлеченіемъ, котораго, думаю, достаточно для того, чтобъ видѣть воззрѣніе на душу нашего доктора, съ основаніями его.

Тутъ полное ученіе о духовности души и Ангеловъ со всѣми прикосновенными вопросами. Но, основываясь на ученіи одного этого лица, я все еще не могу сказать, что также давне и ученіе всей нашей церкви. Пусть даже будетъ извѣстно, что всѣ, и современные ему и послѣдующіе, богословы шли такъ: и тогда нельзя еще утверждать, что это есть ученіе всей нашей церкви и что потому оно также въ ней давне; чтобъ быть ученіемъ церкви, ученіе какое либо должно быть утверждено и объявлено извѣстнымъ церковнымъ образомъ.—Вотъ этого и буду еще искать.

Беру другую книгу, богословіе Perrone,—учебникъ въ очень многихъ нашихъ семинаріяхъ. Нахожу статью объ ангелахъ. Читаю. «Многіе изъ древнихъ думали, что Ангелы облечены какимъ-то тонкимъ тѣломъ; но со времени 4-го Латеранскаго собора это мнѣніе совсѣмъ почти исчезло.»—

За тѣмъ ставится положеніе: *Ангелы суть чистые духи, никакого не имѣющіе тѣла.* Изложеніе ученія о семъ начинается такъ: «положеніе сіе извѣстно изъ 4-го Латеранскаго собора, который противъ Манихсевъ, въ изложеніи вѣры, говоритъ, «что единъ Богъ есть начало всего. Онъ создалъ твари духовныя и тѣлесныя — Ангеловъ и міръ, а потомъ человѣка, состоящаго изъ духа и тѣла».... Вотъ это уже не мнѣніе частнаго лица, хоть и ученаго богослова, а соборное опредѣленіе. Тутъ голосъ нашей церкви! — И время этого собора надо считать временемъ, съ котораго у насъ начали, не колеб-

лясь, учить о духовности Ангеловъ.

Когда же былъ этотъ соборъ? Perrone не указалъ. Отыскиваю Ceillier, 14-й томъ его Всеобщей исторіи отеческихъ писаній и соборовъ, — и нахожу, что 4-й Латеранскій соборъ былъ въ 1215 году, при папѣ Иннокентіи 3-мъ; вижу и самое изложеніе вѣры — сокращенно.....

Вотъ предѣлъ, съ котораго у насъ начали рѣшительно говорить о духовности Ангеловъ и душъ человѣческихъ. И вотъ почему Ѳома Аквинатъ, не много спустя, такъ рѣшительно излагаетъ такое ученіе въ своей — Theologia summa!.

Но правда ли, что до сего времени у насъ колебались въ семъ отношеніи, и не склонялись ни на ту, ни на другую сторону?—

Поищу какого нибудь извѣстнаго писателя, жившаго прежде сего времени. Вотъ Бернардъ. — По index отыскиваю — lib. V. de Consideratione, въ Patrol. cur. compl. t. LXXXII. p. 791. 792. *cap. III.* «Твоя часть — духъ, выше котораго ничего уже не найдешь ты, что бы не было духъ. Богъ есть духъ; духи суть и Ангелы святые. Но только и есть выше тебя.»—*Cap. IV.* «Вознесись теперь, богомысліе мое, горѣ—въ Іерусалимъ небесный, и начнемъ внимательно разсматривать неизслѣдимое. — И во 1-хъ, кто тамъ граждане?— Духи, мощные, словесные, блаженные... совершенные въ своемъ родѣ,—*эоирно-тѣлесные*..... чистые умы.... Вотъ что вычитали мы, и что содержимъ вѣрою!»

Это не такъ еще ясно. Сноска отсылаетъ меня къ 5-му слову на Пѣсни Пѣсней.— Обращаюсь туда. Тутъ вотъ что (tom. слѣд).

§ 2. «Что и пренебесные духи имѣютъ нужду въ тѣлахъ, на то наводятъ слѣдующія слова пи-

санія: *не вси ли суть служебніи дуси, въ служеніе посылаеми за хотящихъ наслѣдовати спасеніе* (Евр. 1 14). Ибо какъ могутъ они исполнять сіе служеніе безъ тѣла, когда относятся къ лицамъ живущимъ въ тѣлѣ?» —

§ 7. «Но эти ангельскія тѣла естественны ли для духовъ небесныхъ, какъ естественны для людей свои тѣла; такъ что Ангелы, будучи животные, какъ люди, только безсмертные, чего люди еще не имѣютъ, съ такою притомъ властію надъ тѣломъ, что могутъ, когда и какъ хотятъ, измѣнять ихъ видъ и форму, сгущая и одебѣляя ихъ, по природѣ своей утонченныя и для насъ неосязаемыя и невидимыя; *или* Ангелы, чисто духовныя существа, принимаютъ на себя тѣла, когда бываетъ нужно, и опять, по исполненіи своего дѣла, слагаютъ ихъ, разлагая опять въ то вещество, изъ котораго взяты,—разрѣшенія сего не требуй отъ меня. Отцы разно объ этомъ думали, и я, не имѣя основаній склониться на ту или другую сторону, сознаю свое въ семъ отношеніи невѣдѣніе.»

Тутъ ясно колебаніе. Но колебаніе не о томъ — тѣлесно ли естество Ангеловъ, но о томъ: имѣютъ ли Ангелы естественное у себя тѣло, или принимаютъ его на время, будучи въ томъ и другомъ случаѣ существами духовными? Въ послѣднемъ не было никакого колебанія. Не одинъ ли впрочемъ этотъ учитель колебанія въ рѣшеніи сего вопроса, когда у другихъ онъ былъ рѣшенъ такъ, или иначе? — Нѣтъ, не одинъ. Сноска отъ Бернарда препровождаетъ къ Magister sententiarum, — увѣряя, что и онъ оставлялъ этотъ вопросъ нерѣшеннымъ. Сдѣлаю извлеченіе и изъ него, чтобъ не говорить ничего голословно (Patr. cur. com. t. 192 p. 667).

Этотъ вотъ какъ начинаетъ: «между учеными обыкновенно вращается вопросъ: *есть ли у Ангеловъ, тѣла?* — Одни рѣшаютъ его положительно, что Ангелы имѣютъ тѣла тонкія, которыя огрубляютъ, когда нужно являться людямъ, чтобъ быть видимыми и осязаемыми. А другіе говорятъ противное, — что Ангелы безтѣлесны, и только по временамъ принимаютъ на себя тѣла, по повелѣнію Бога, и, исполнивъ свое дѣло, опять слагаютъ ихъ. — И я не умѣю рѣшить сего вопроса.»

Вопроса—о невещественности естества души и Ангеловъ и не ставятъ ни Бернардъ, ни Петръ Ломбардъ, потому что это было общеизвѣстно.—

Бернардъ умеръ въ 1153 г., Петръ Ломбардъ не много послѣ.—Стало, лѣтъ за 50 до собора. Теперь ясно, что до 4-го Латеранскаго собора у насъ колебались въ ученіи объ Ангелахъ самые извѣстные ученые и святые; а послѣ 4-го Латеранскаго собора колебанія прекратились. И вскорѣ послѣ него Ѳома Аквинатъ излагалъ уже свое ученіе съ рѣшительною положительностію. Но опять замѣчу, что относительно духовности естества ангельскаго никакого не было колебанія. Это рѣшительно всегда всѣ исповѣдывали. Недоумѣвали только о томъ, какъ разумѣть видимыя явленія Ангеловъ. Нужно ли для объясненія ихъ допустить, что у Ангеловъ есть естественныя имъ тѣла, или они на время ихъ принимаютъ?

Но чтобъ Ангелы и души были по естеству тѣлесны и вещественны, это никогда и не слышно было между нашими учеными, и до показаннаго соборнаго опредѣленія.

Такъ вотъ видите, какъ недавно принято у насъ ученіе о совершенной безтѣлесности Ангеловъ

и душъ. Согласитесь послѣ сего, что моя жалоба основательна и что брошюры ваши взводятъ на нашу церковь напраслину и клевещутъ. Вы извините меня, что я описываю вамъ всю процедуру, какъ дошелъ до сего оправданія нашей церкви въ новизнѣ, это мнѣ доставляетъ удовольствіе, а при избыткѣ чувствъ языкъ всегда многорѣчивъ.—

Вторая жалоба. Вторая моя жалоба — въ защиту Бержье.— Прочитавши выписки изъ него въ *Прибавленіи къ слову о смерти,* всякой скажетъ: какой это жалкой богословъ Бержье! Во всѣхъ пунктахъ выписокъ одну мысль переворачиваетъ на разные лады. Доказательствъ почти нѣтъ; а если есть какія, то высказываются сквозь зубы — нѣмотствуя. Ктому же есть въ иныхъ пунктахъ мысли, противныя общей, безъ оговорокъ; есть мысли совсѣмъ сторонніе, безъ указаній, къ чѣму онѣ идутъ. Такимъ образомъ подается невыгодная мысль о нашемъ богословѣ, какъ о человѣкѣ съ нестройною головою, бездоказательномъ, путающемся въ словахъ. Но вѣдь онъ у насъ изъ первыхъ. Какъ же можно это стерпѣть? Вотъ и жалуюсь!—

Жалуюсь на то, что неправо поступлено съ знаменитымъ нашимъ писателемъ. Слѣдовало выставить его мысли всѣ сполна, въ стройномъ порядкѣ, со всѣми доказательствами, и потомъ опровергать. А то выписано кое-что, и притомъ ни то, ни се. Для брошюры, конечно, это очень выгодно, какъ выгодно въ борьбѣ поставить своего противника такъ, чтобъ удобнѣе было подкосить его подъ ножку. Но слѣдуетъ ли такъ?— Думать себѣ думай всякъ, какъ хочешь; но будь справедливъ къ другимъ мыслителямъ. Что жалоба моя справедлива, увидите изъ прилагаемаго изложенія его мыслей

о духовности Ангеловъ и душъ человѣческихъ со всѣми доказательствами. Извлекаю изъ Encyclopedie theologique—Migné.—t. XXXIII et XXXIV, изъ статей l' ange, l' esprit.—

1) Мысли Аб. Бержье — о душѣ.

Душа есть духовная субстанція, которая въ человѣкѣ мыслитъ и есть начало жизни. Духовность души доказывается а) откровеніемъ, б) ученіемъ отеческимъ и в) соображеніемъ разума.

а) Первая истина, внушаемая намъ откровеніемъ, есть та, что Богъ все сотворилъ словомъ Своимъ, или однимъ дѣйствіемъ воли Своей. Изъ сего видно, что Онъ есть Духъ чистѣйшій. Но тоже откровеніе учитъ, что человѣкъ сотворенъ по образу и подобію Божію (Быт. 1, 26 и 27); слѣдовательно человѣкъ не есть только тѣло. Въ немъ должно быть начало мыслящее и свободно-дѣятельное, чтобъ отражать въ себѣ образъ и подобіе Божіе.

Сказано также, что Богъ образовалъ тѣло человѣка изъ персти земной, вдунулъ въ лице его дыханіе жизни. Дыханіе же Вседержителево есть научающее, поучаетъ Іовъ (XXXII, 4). Но разума наши священные писатели никогда не приписываютъ матеріи. Вотъ двѣ субстанціи въ человѣкѣ ясно различаемыя: перстное тѣло и духъ отъ Бога, духъ мыслящій, себя сознающій, свободно дѣйствующій, то есть, такими одаренъ качествами, которыя никакъ не могутъ принадлежать матеріи.

Такъ отъ самаго Адама начали различать душу, какъ духъ, и тѣло, какъ матерію; слѣды чего —у всѣхъ народовъ. Тѣмъ паче оно выражается въ словѣ Божіемъ и въ народѣ, коему ввѣрено было слово Божіе, исповѣдуется постоянно до Хри-

ста Спасителя, и отъ Него передается Христіанству. Нѣтъ нужды приводить всѣ мѣста, сюда относящіяся. Довольно указать на изрѣченіе Екклезіаста (12. 7): *И возвратится персть въ землю, якоже бѣ, и духъ возвратится къ Богу, иже и даде его,* — и на слово Господа: *Духъ есть Богъ: и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися* (Іоан. 4, 24). Послѣднимъ изрѣченіемъ вмѣстѣ отрицается всякое кривое толкованіе слова — *духъ*, какъ бы какой тонкой матеріи. Если, въ отношеніи къ Богу, онъ здѣсь означаетъ совершенно невещественное существо, то тоже долженъ значить онъ здѣсь и въ отношеніи къ человѣку. Нѣтъ никакого основанія давать здѣсь два ему смысла (l' esprit стр. 534. l' ame. 174).

б) Святые отцы, всѣ исповѣдуя Бога Творцемъ, не могли допускать, чтобъ Онъ былъ въ какомъ либо смыслѣ веществомъ. Эти два понятія несовмѣстны. Въ ученіи о душѣ человѣка, наиболѣе опираясь на то, что онъ созданъ по образу Божію, они утверждали, что тѣло, какъ бы оно тонко ни было, никакъ не можетъ быть подобно чистому духу, и что слѣдовательно душа духовна вслѣдствіе Богоподобія. Всѣ они также приписывали душѣ разумность, свободу, безсмертіе, — качества, которыя никакъ не могутъ принадлежать тѣлу.

Приводить свидѣтельство всѣхъ отцевъ о духовности души недостанетъ времени. Преимущественно сильны въ семъ отношеніи Августинъ въ своей книгѣ de qualitate animæ, въ кн. 10 о Троицѣ гл. 10; Аѳанасій В., Св. Златоустъ, Григорій Назіанзинъ, Максимъ и другіе многіе.

Невѣры, наводившіе нареканіе на св. Отцевъ, будто признававшихъ душу тѣломъ тонкимъ, или

искажали мѣста, взятыя изъ ихъ писаній, или криво толковали ихъ, или брали мѣста изъ книгъ, ложно имъ приписываемыхъ. Добросовѣстное изученіе св. Отцевъ не оставитъ никакого сомнѣнія въ ихъ единодушномъ ученіи о духовности души. (l'ame—174. 175.)

Прибавлю еще слѣдующія мысли Мозгейма въ его нотахъ на Кудворта (intellec. c. 5 cât. 3, § 21). Древніе философы различали въ человѣкѣ двѣ души: *чувственную*, которую признавали тонкимъ тѣломъ, и *разумную, нетѣлесную, безсмертную*. Когда умираетъ человѣкъ, обѣ эти души отдѣляются отъ тѣла, пребывая впрочемъ между собою соединенными навсегда, безъ смѣшенія, однакожъ. Мозгеймъ замѣчаетъ, что св. Отцы заняли это ученіе у древнихъ философовъ. Пусть и было такъ. Все же значитъ, что въ человѣкѣ есть совершенно духовная субстанція, чуждая всякой тѣлесности. (l'esprit, стр. 589).

в) И мѣста Писанія и св. Отцы даютъ мѣсто слѣдующимъ соображеніямъ, приводящимъ къ признанію невещественности души. 1) *Я* сознаю самъ себя,—сознаю, что я есть я, а не другой кто, и притомъ во всѣ моменты жизни моей; сознаю, что дѣйствую самостоятельно, свободно, вслѣдствіе разсужденія и выбора. Вотъ дѣйствія, къ которымъ матерія существенно неспособна. Съ другой стороны несомнѣнно, что никакому мудрецу нѣтъ возможности объяснить изъ тѣлеснаго механизма явленій духовныхъ,—мыслей, чувствъ, желаній,—онѣ истекаютъ изъ сродной себѣ силы—чисто духовной. 2) Для образованія и прочности человѣческихъ обществъ необходимо признавать цѣну и аподиктическую неотложность нравственнаго поря-

дка. Нравственный порядокъ со всѣми своими законами коренится въ духѣ, независимо ни отъ какихъ вещественныхъ условій. Если стоятъ общества, то потому, что есть духъ, и что признается сила его и требованія его. Вотъ почему 3) матеріалистическое ученіе, въ какомъ бы тонкомъ видѣ оно ни являлось, всегда считалось носителемъ пагубныхъ послѣдствій для человѣчества; чувство внутреннее отвращается отъ него, и человѣчество всегда вопіяло противъ матеріалистовъ, поражая ихъ презрѣніемъ. Это — насилователи общаго смысла (l' esprit. стр. 583.)

2) Мысли Бержье объ Ангелахъ.

Ангелъ—субстанція духовная, разумная, первая по достоинству между тварями.

а) Послѣ того, какъ духовность души доказана, духовность Ангеловъ не требуетъ особыхъ доказательствъ.

Въ Словѣ Божіемъ въ весьма многихъ мѣстахъ говорится о духахъ добрыхъ и злыхъ, которые говорятъ, дѣйствуютъ, разсуждаютъ, совѣтуютъ, исполняютъ повелѣнное, вообще являютъ такія дѣйствія, которыя никакъ несвойственны тѣлу, какъ бы утонченнымъ его ни предполагали, это и есть Ангелы. (L'esprit стр. 584).

б) Такъ духовность ихъ несомнѣнна, и была признаваема всѣми отцами. Но въ мнѣніяхъ объ образѣ ихъ бытія, при сей духовности, Св. отцы расходились. Одни думали, что Ангелы, всегда пребывая внутренно-чистыми духами, совнѣ облечены весьма тонкими тѣлами, таковы: Тертулліанъ, Оригенъ, Климентъ Александрійскій и др. Другіе приписывали имъ совершенную духовность, свободную отъ всякаго сочетанія съ веществомъ, таковы, по указанію Петавія,

изъ греческихъ отцевъ: Титъ Бострійскій, Дидимъ, Св. Василій Великій, Св. Григорій Нисскій, Св Григорій Назіанзинъ, Евсевій Кесарійскій, Св. Епифаній, Св. Іоаннъ Златоустъ, Феодоритъ, и др. многіе; изъ латинскихъ писателей: Марій Викторій, Лактанцій, Св. Левъ, Юмелій Африканъ, Св. Григорій Великій и др.

в) Къ сему приложимъ слѣдующее соображеніе: стройный порядокъ, царствующій въ мірѣ, не могъ произойти случайно или по какой либо слѣпой необходимости; думать такъ противно здравому смыслу. Необходимо потому признать, что онъ есть произведеніе Разума Творческаго, или Духа—Бога. Но если есть Духъ творецъ, никакихъ нельзя предположить препятствій къ тому, чтобъ Онъ далъ бытіе другимъ духамъ низшаго порядка. Простое притомъ обозрѣніе тварей доводитъ до признанія бытія сего рода существъ. Мы знаемъ твари тѣлесныя, знаемъ тѣлесно-духовныя; должны быть твари чисто духовныя. Сего требуетъ гармонія міра. Сверхъ того Духъ—Творецъ есть и промыслитель. Для исполненія промыслительныхъ Его распоряженій, помимо общаго всѣхъ устроенія, должны быть окрестъ престола Его служебныя силы—разумныя, чтобъ разумѣть и разумно исполнять поручаемое, то есть, должны быть служебные духи, въ служеніе посылаемые. Они могутъ быть или постоянно облечены тѣломъ, или временно облекаемы въ него всякой разъ, когда нужно, какъ думали и отцы, но существо ихъ должно быть духовно, ибо разумность несовмѣстна съ вещественностію самою тонкою (L'esprit стр. 585 и 586).

Вотъ вамъ мысли Бержье въ общей связи. Я

старался, сколько можно, быть сжатымъ. Но и изъ сего краткаго извлеченія вы можете увидѣть, какою крѣпкою отличаются доказательностію онѣ. Сличите теперь съ этимъ содержаніе выписокъ въ *Прибавленіи къ Слову о смерти*. Смотрите, какая огромная разность. Въ какомъ свѣтломъ видѣ является здѣсь намъ Бержье. Тутъ онъ полный богословъ—свѣтило нашего богословія. А тамъ что?!! Вотъ я и счелъ себя обязаннымъ поставить его, какъ онъ есть. Въ выпискахъ брошюры весьма немного взято изъ этихъ мыслей; а въ опроверженіе не взята во вниманіе почти ни одна. А по моему такъ слѣдовало — поставить ихъ въ семъ стройномъ порядкѣ и потомъ опровергать мысль за мыслію. Я не утверждаю, чтобъ у Бержье предметъ былъ исчерпанъ вполнѣ и изложенъ обстоятельно, этого и требовать отъ него незаконно: ибо онъ писалъ лексиконъ, гдѣ обыкновенно все помѣщается въ видѣ обзоровъ; подробнѣйшее же развитіе предоставляется своеличному труду читателей.—Но предметная мысль доказана имъ достаточно. Опровергателю духовности души и Ангеловъ не довольно сказать, что мнѣніе сіе взято съ Запада; но надо вмѣстѣ обличить западныхъ въ заблужденіи, а чтобъ обличить ихъ въ заблужденіи, надобно разорить всѣ основанія, на которыхъ держится ихъ ученіе. Вотъ это и ожидается. Пока же это не сдѣлано, наша правда стоитъ, и ложь брошюры не можетъ величать себя истиною, и тѣмъ менѣе истиною вселенскою.

Этимъ я кончилъ свое дѣло сполна. Вотъ вамъ мой отпоръ вашимъ. Мнѣ нѣтъ нужды, что рѣчь моя негласна. Я спокоенъ, что высказался хоть предъ вами. Съ меня и этого довольно. По силѣ

моей дѣйствую. Но не скрываю, что не чуждо было бы желаній моего сердца, еслибъ вы нашли возможность огласить мой протестъ.—

2. РАЗГОВОРЪ СЪ СТАРЦЕМЪ О ТОМЪ ЖЕ.

a) Вводный.

Когда прочитывалъ я эти замѣтки, приходитъ ко мнѣ одинъ монахъ, изъ ученыхъ. Учился онъ въ университетѣ, и потомъ, оставя мудрость земную, посвятилъ себя изученію св. отцевъ и служенію Богу въ иночествѣ. Какъ вниманіе у меня занято было содержаніемъ замѣтокъ, то невольно склонилъ я разговоръ на этотъ предметъ, и пошла бесѣда широкая. *Старца* этого только затронь.

Я. Смотрите-ка, говорю, что пишетъ намъ общій съ вами знакомецъ—докторъ!—

Старецъ. А что такое?

Я. Разсказываю ему все, какъ было и есть,—и содержаніе замѣтокъ.—

Старецъ. Дѣло! Какіе хитрецы эти католики. Будто не его дѣло касаться главной мысли статьи, своихъ только защищаетъ; а между тѣмъ успѣлъ выставить солидныя основанія духовности души и Ангеловъ, коими почти всѣ пункты статьи опровергаются.

Я. Развѣ вы знаете статью ту?

Стар. Какъже. Я читалъ ее. Вѣдь это давно было, года два если не больше, какъ она появилась. Непріятно было очень встрѣтить такое ученіе.

Я. Да непріятно. Но еще больше непріятно, что ученіе это принялось и уже теперь выставляется, какъ дѣло рѣшенное и всѣми признанное.

Стар. Какъ? гдѣ?

Я. Сказываю ему журналъ и номеръ журнала.

Стар. Я не успѣлъ еще прочитать этого номера; былъ занятъ.—И опять тотъ же журналъ!!! —Чтоже это такое?—И редакторъ не сдѣлалъ никакой замѣтки?

Я. Нѣтъ.

Стар. Не понимаю. Да, вѣдь это просто Бюхнеровщина!. Матерія—сила. Что дѣятельнѣе—души или Ангелы? Это — приснодвижныя существа. Если они—тѣло, то на что лучшаго доказательства, что штафъ—крафтъ. Скажи это Бюхнеру: обнялъ бы и разцѣловалъ этотъ журналъ, какъ чадо свое разлюбезное. Да, чадо и по прямой линіи. Ахъ! какъ досадно! . . . .

Я. Подите-жъ.

Стар. Да, нѣтъ. Вѣдь этого нельзя такъ оставить. Надо говорить и говорить, писать и писать. И тогда еще меня брало ретивое, и я сталъ уже было готовить кое-что, но потомъ остановился. Пройдетъ, думалъ я, и затихнетъ; а подыми споръ, шумъ пойдетъ на весь міръ, — сколько соблазну?! На, вотъ, прошло!!

Я. Напрасно вы такъ подумали. Вѣдь тамъ выставлены доводы не совсѣмъ легкіе. Вы не могли не предположить, что не всякій читающій разберетъ, гдѣ правда, и что, стало быть, будутъ пристающіе къ сей сторонѣ.

Стар. Не всякій читающій разберетъ. Такъ вышло. А мнѣ-то думалось: какой читающій не разберетъ. Это между прочимъ и отбило охоту спорить. Что толковать о томъ, что день — день, и ночь—ночь. . . . .

Я. Неужто вы думаете, что духовность души

и Ангеловъ такъ наглядна?

Стар. Она не наглядна такъ сама въ себѣ; но точно такъ наглядна по вѣрѣ въ нее и по яѣности сознанія ея въ душахъ вѣрующихъ.

Я. Неужели такъ?!—И однакожъ, вотъ нашелся человѣкъ, принявшій противную мысль, и выступившій съ нею предъ лицемъ всѣхъ.

Стар. Запутался въ доводахъ и, не разобравши хваленій ихъ, увлекся.

Я. А вы думаете, легко развесть всю эту кашу аргументацін? Припомните, сколько написано.

Стар. Написано-то много. Но, помнится, только мысли три-четыре есть, на которыхъ стоитъ остановиться, — и то немного.

Я. А я иначе думаю. Вы вѣрно забыли. Я недавно просматривалъ эту статью снова, и нахожу, что она не лишена вѣса и убѣжденія.

Стар. Убѣжденія, пожалуй, но не вѣса.—И убѣжденія-то потому только, что она ударяетъ для своей защиты въ такія струны сердца, звуку которыхъ мы не можемъ не внимать и не подчиняться.—И ударяетъ незаконно.

Я. Что вы подъ симъ разумѣете?

Стар. Разумѣю страхъ Божій, когда говорятъ, что впадешь въ богохульство; наше благоговѣніе предъ голосомъ церкви и св. Отцами, нашу готовность признать истиннымъ то, на что какимъ либо образомъ подается намекъ отъ Свят. Сунода, нашу нелюбовь къ западнымъ ученіямъ, изъ опасенія какъ нибудь запутаться въ нихъ.

Я. Почему же вы думаете, что все это затронуто незаконно? Вѣдь всѣ эти убѣжденія приложены тамъ къ особымъ мыслямъ, которыя, какъ кажется, имѣютъ свои основанія?

Стар. Сколько разъ уже вы повторяете: основанія—основанія. Какія тутъ основанія?! Дайте-ка мнѣ, гдѣ эта статья! Вотъ я вамъ покажу, что тутъ никакой нѣтъ основательности; ни одна мысль не доказана, какъ слѣдуетъ.

Я. Извольте; и я очень радъ, что вы хотите это сдѣлать. Я признаю неосновательною мысль о тѣлесности души и Ангеловъ; но изъ доводовъ не всѣ могу распутать. Вотъ, вы мнѣ поможете въ этомъ.

Стар. Съ удовольствіемъ. Дайте, я пробѣгу эту статью снова, и кое что перелистую и поприпомню.

Я отдалъ ему обѣ брошюры, и старецъ распрощался.

Такъ кончилась наша первая бесѣда.—

б) О началахъ, какихъ держатся брошюры.

Прошло дня два; приходитъ мой старецъ, и мы снова начали рѣчь.—Послѣ обычныхъ переходовъ къ предуказанному уже предмету, старецъ началъ.

Стар. Какъ будемъ разбирать, — подъ рядъ, строка за строкою, или собрать лучше въ одно всѣ положенія, подающія поводъ думать о тѣлесности души и Ангеловъ и потомъ произносить о нихъ свое сужденіе?

Я. Я предпочитаю послѣднее. Брошюра велика. Рѣчь затянется надолго, и порядокъ въ ней трудно будетъ соблюсти.—

Стар. И я также думаю. Къ тому же въ статьѣ не все относится къ предмету. Видимо, что она составлена была съ цѣлію доставить назида-

тельное чтеніе, а не съ тѣмъ, чтобъ изслѣдовать предметъ по ученому.

Я. Ваша правда. Но не будетъ ли этотъ способъ укоризненнѣе, и не подастъ ли повода думать, что мы себѣ на умѣ,—не все выставляемъ, какъ есть?

Стар. На чтоже?—Статья у всякаго въ рукахъ, пусть смотритъ. Я постараюсь не оставить ни одной мысли неотвѣченной. Вотъ посмотрите какъ!

Кончивъ выписки изъ Бержье (что нужно бы сказать о самыхъ выпискахъ, довольно сказаннаго сосѣдомъ нашимъ) и, собираясь критиковать его, брошюра говоритъ (стр. 12. Приб. къ слову о смерти): «Западный писатель думаетъ основать свое мнѣніе на Св. Писаніи, на отцахъ церкви и на наукѣ. Въ этихъ трехъ отношеніяхъ мы обязаны представить удовлетворительное опроверженіе.» Хотя потомъ брошюра не держится сего порядка въ изложеніи своихъ мыслей, тѣмъ не менѣе, однакожъ, мы не будемъ далеки отъ ея плановъ, если мысли ея соберемъ подъ эти три рубрики.—

Я. Прекрасно. А то правду сказать, сколько ни читаешь брошюры, все въ головѣ остается какая то путаница.

Стар. Начнемъ-те приводить въ строй эту путаницу, и дѣлать ей выправку.—На первомъ мѣстѣ хочу указать на особенную заботу брошюры мнѣніе свое выставить, какъ догматъ св. церкви. Этого силится она достигнуть всѣми неправдами.

Я. Это очень замѣтно. Но въ этомъ я ничего не вижу укорнаго. Отрадно быть увѣреннымъ, что образъ моихъ мыслей освящается голосомъ церкви.

Стар. Такое стремленіе нетолько не укорно,

но есть сущая необходимость для всякаго здравомыслящаго христіанина, желающаго содержать одну истину безпримѣсную. Только надо законнаго при этомъ держаться пути. Иначе можно нахватать много мнѣній,—въ качествѣ догматовъ, тогда какъ они не догматы.

Я. Я не вижу, какъ эта замѣтка идетъ къ брошюрѣ.

Стар. Припомните, какой критерій для вселенской, непреложной истины.

Я. Тотъ, чтобъ извѣстная истина была утверждена голосомъ вселенской церкви.

Стар. Да. Голосъ же вселенской церкви слышится главнымъ образомъ въ опредѣленіяхъ вселенскихъ соборовъ и утвержденныхъ ими соборовъ помѣстныхъ. Но какъ соборы не всего касались, то относительно многихъ непреложныхъ истинъ голосомъ церкви можетъ служить единодушное согласіе въ нихъ всѣхъ св. отцевъ, по слѣдующему положенію: что всегда, всюду, всѣми было исповѣдуемо, то непреложно истинно. Тотъ и другой голосъ указываетъ Богооткровенную истину, догматъ, обязательный для всѣхъ, отступленіе отъ котораго есть ересь. Къ симъ двумъ можно присоединить еще катихизисы, соборно утвержденные для наставленія въ правилахъ вѣры всѣхъ православныхъ христіанъ. Таково Православное Исповѣданіе Петра Могилы, соборами русскихъ и восточныхъ пастырей пересмотрѣнное и утвержденное, и отчасти Пространный Катихизисъ Высокопр. Митр. Филарета. Говорю-*отчасти;* потому что онъ только Россійскою церковію авторитетно признанъ за изложеніе вселенской истины; Греческою церковію хотя принятъ онъ для преподаванія въ училищахъ, но

авторитетно сю не утвержденъ, а молчаливо принятъ. Молчаливо же принятое нынѣ, завтра гласно может быть отмѣнено. — Подводите теперь подъ эти правила образъ доказыванія, котораго держатся брошюры, и увидите, что онѣ шли не правымъ путемъ.

Я. Но вѣдь, въ нихъ не разъ говорится, что таково ученіе православной церкви, указывается на одобреніе Св. Сvнода и Греческой церкви и на согласіе св. отцевъ.

— *Стар.* Посмотрите же теперь, на сколько доказательны всѣ эти утвержденія. На стр. 19 *Прибавленія къ слову о смерти* — пишется: Догматическое богословіе православной каѳолической церкви, принятое, *по опредѣленію св. Сvнода*, въ учебное руководство во всѣхъ россійскихъ семинаріяхъ и переведенное съ тою же цѣлію на Греческій языкъ... излагаетъ ученіе объ Ангелахъ такъ и такъ... Послѣ сей выписки дѣлается такое заключеніе: *таково ученіе православной церкви о сотворенныхъ духахъ*. Вотъ это-то заключеніе и не выходитъ изъ сказаннаго прежде. Какъ на нѣчто особенно вѣское, ударяется въ семъ мѣстѣ на слѣдующіе термины: *Догматическое богословіе православной церкви*, — догматическое богословіе, принятое въ руководство по опредѣленію Св. Сvнода, догматическое богословіе, переведенное съ сею цѣлію на Греческій языкъ. Но при всѣхъ этихъ уважительныхъ моментахъ, въ богословіи извѣстнаго богослова можетъ содержаться частное мнѣніе, ему собственно принадлежащее, не раздѣляемое ни Св. Сvнодомъ, ни Греческими учеными, ни даже преподавателями богословія въ семинаріяхъ. Почему и говорю, что заключеніе-то не выходитъ.

Всему свѣту извѣстно, что системы богословскія, какимъ бы ученымъ и святымъ лицамъ ни принадлежали, не бываютъ чужды субъективныхъ —личныхъ воззрѣній автора. Почему пусть богословіе какое именуется изложеніемъ догматовъ православной церкви, всегда тутъ подразумѣвается: какъ они изучены, поняты, усвоены и излагаются такимъ-то богословомъ.—Если такъ, то уже никакъ нельзя заключить,—поелику то и то содержится въ православномъ такомъ-то богословіи, то оно есть вселенская истина. Въ семъ богословіи дѣйствительно можетъ содержаться одна вселенская истина; но потому только, что оно взялось представить сію чистую истину и обязано это сдѣлать, не слѣдуетъ, чтобъ оно уже дѣйствительно было непогрѣшимо и содержало одно ученіе вселенское. Ибо при всемъ стараніи богослова, онъ не можетъ удержаться отъ своихъ воззрѣній частныхъ, особенно въ тѣхъ пунктахъ, относительно которыхъ не слышенъ внятный голосъ церкви. Почему всякое богословіе должно имѣть внѣшнее удостовѣреніе о томъ, что все въ немъ содержащееся есть догматъ, или ученіе вселенской церкви.

Я. Брошюра это сознавала и прибавила къ титлу— Богословіе православной церкви— то, что это Богословіе, по опредѣленію Св. Сѵнода, принято въ руководство въ нашихъ семинаріяхъ.

Старец. И точно,—это обстоятельство даетъ сему богословію особенный вѣсъ, но вѣсъ случайный, а не безусловное достоинство непрерывной истинности У насъ въ семинаріяхъ ни одинъ учебникъ не можетъ быть введенъ безъ опредѣленія Св. Сѵнода,—значитъ ли, что симъ гарантируется непреложная истинность всего содержанія учебни-

комъ? Никакъ; это только значитъ: вотъ учебникъ, наиболѣе нынѣ употребленный къ дѣлу; завтра явится другой, который покажется лучшимъ; его введутъ, хоть онъ будетъ и отличенъ отъ перваго. И когда вводится учебникъ, не предписывается — и на іоту не отступать отъ его буквы, но оставляется преподавателямъ свобода, при семъ руководствѣ—преподавать наилучше.—Такъ они и дѣлаютъ. И это какъ въ отношеніи ко всѣмъ учебникамъ, такъ и въ отношеніи къ догматическому богословію.—Вотъ я недавно нарочно спрашивалъ одного молодаго священника изъ богослововъ,—какъ у нихъ преподанъ пунктъ объ Ангелахъ.—Онъ сказалъ, по совсѣмъ не такъ, какъ въ богословіи. Какъ же, говорю ему, въ учебникѣ богословія напечатано вотъ какъ?—Это, говоритъ, у насъ помѣщается въ примѣчаніи. И мы это понимаемъ не такъ, что душа и Ангелы суть тѣло, а что имѣютъ тѣла, въ существѣ оставаясь духомъ чистымъ, безпримѣснымъ. Полагаю, что очень многіе, если не всѣ, такъ думаютъ.—Давно ли введенъ этотъ учебникъ?!! Прежде преподавалось Богословіе Ѳеофилакта, тоже по опредѣленію Св. Сvнода и то же озаглавливалось: *Православной Восточной церквы догматы, или христіанское ученіе о томъ, во что должно вѣровать*. Это часть первая.—Какъ же посему, богословіе съ утвержденія Св. Сvнода должно было вѣровать объ Ангелахъ? Членъ 3—о дѣлахъ Божихъ въ царствѣ природы; § 39 примѣч. 3. «Изъ Св. Писанія узнаемъ объ Ангелахъ, что они суть—а) субстанціи, Богомъ сотворенныя; б) *невидимы и чужды всякой матеріи и потому духовны.*» и проч. А вотъ и о душѣ человѣческой тамъже § 37.—«Тѣло человѣка Богъ образовалъ изъ земли,

а душу, или духъ, совершенно чуждый матеріи, отъ Себя вложилъ въ сіе тѣло.» Вотъ учебникъ, введенный Св. Сνнодомъ, и совсѣмъ отличный отъ нынѣшняго въ ученіи объ Ангелахъ.—Но что было прежде, то можетъ повториться послѣ. Завтра представитъ кто другой учебникъ лучшій, и онъ будетъ введенъ, хотя бы въ немъ содержалось что нибудь и различно отъ нынѣшнаго учебника, даже въ этомъ спорномъ нашемъ пунктѣ объ Ангелахъ. Да вотъ недалеко,—Богословіе пр. Макарія, напечатано тоже съ разрѣшенія Св. Сνнода, 15 лѣтъ было имъ преподаваемо въ С. П. Б. Академіи, и доселѣ, чай, преподается. А объ Ангелахъ не то, что въ догматическомъ богословіи, на которое ссылается брошюра.—

Я. Такъ по вашему одобреніе Св. Сνнода ничего не значитъ?

Старецъ. Нѣтъ, не ничего не значитъ. Но не значитъ того, чего хочетъ брошюрка. Не все разрѣшаемое Св. Сνнодомъ гарантируется имъ; не во всемъ этомъ онъ отвѣтенъ; не на все, съ разрѣшенія его публикованное, можно ссылаться, какъ на лично имъ одобренное.

Вѣдь наша цензура духовная не все сама разрѣшаетъ. Есть много книгъ, кои прежде разрѣшенія представляются въ Св. Сνнодъ и уже съ разрѣшенія его разрѣшаются цензурою. И на всякую частную мысль сихъ книгъ будто можно ссылаться, какъ на одобренную Св. Сνнодомъ?!! Чтобъ указать относительно чего либо авторитетное одобреніе Св. Сνнода, надобно, чтобъ отъ него изошло относительно сего частное опредѣленіе.

Еслибъ въ отношеніи къ пункту, о которомъ у насъ рѣчь, Св. Сνнодъ опредѣлительно поста-

новилъ, чтобъ объ Ангелахъ непремѣнно учили такъ и такъ, тогда бы это было авторитетное утвержденіе. Но когда вообще система богословская принята въ учебникъ, то этимъ сказано только, что нынѣ лучше учиться богословію по сей системѣ. Всякой же уже самъ по себѣ разумѣй, что и въ учебникѣ этомъ, какъ въ системѣ извѣстнаго богослова, могутъ быть частныя воззрѣнія.

Я. Вы хотите сказать, что когда какая книга разрѣшается Св. Сνнодомъ, то чрезъ это мысли, содержащіяся въ сей книгѣ, не получаютъ удостовѣренія въ томъ, что они суть ученіе православной церкви. Этимъ разрѣшеніемъ дается только знать, что книга не содержитъ въ себѣ мыслей противныхъ вѣрѣ, и можетъ быть читаема православными.

Стар. Точно такъ. Въ книгѣ могутъ быть истины входящія въ составъ ученія православной церкви, но что онѣ дѣйствительно таковы, онѣ должны имѣть на то другія основанія, а не то одно, что книга разрѣшена Св. Сνнодомъ. Это выставить на видъ и имѣется у меня въ мысли. Брошюра напрасно надѣется на этотъ доводъ. Она не разъ и не два ссылается на Св. Сνнодъ, въ намѣреніи придать особенный вѣсъ своему мнѣнію; но вѣдь этотъ пріемъ—необщецѣнный. Конечно, не одна робкая совѣсть можетъ быть вовлечена этимъ въ обольщеніе, пока разъяснитъ кто. У меня былъ такой случай. Проѣзжала тутъ одна монахиня изъ ученыхъ. Зашла рѣчь и объ этомъ. Спрашиваю ее: ну какъ же вы думаете?—Ужъ такъ вѣрно надо, какъ напечатано, Св. Сνнодъ велѣлъ.—Когда я разъяснилъ ей, что никакого повелѣнія отъ Св. Сνнода нѣтъ, какъ бремя какое съ плечь ея снялъ. Ну, говоритъ, слава Богу, когда такъ; буду содержать

по старому. По старому, это значитъ, что она вѣровала противному, какъ значится въ брошюрѣ.

Я. Но подождите. Я не кончилъ своей мысли: Когда Св. Синодъ разрѣшаетъ книгу, значитъ въ этой книгѣ нѣтъ мыслей противныхъ вѣрѣ. Мысль же, что душа имѣетъ тѣло, я считаю противною вѣрѣ, какъ же она пропущена?!

Стар. То-то и есть, что не эта мысль пропущена. Въ семинарскомъ учебникѣ догматики нѣтъ этой мысли; ее выводитъ оттуда брошюра сама, и выводитъ неправильно.

Я. Какъ неправильно? — Тамъ выражается прямая мысль.

Стар. Нѣтъ, — не прямая, а говорится только относительно. Ангелъ въ отношеніи къ намъ — духъ; но если поставить его въ сравненіе съ Богомъ, то онъ оказывается грубымъ и вещественнымъ. Мысль здѣсь та, что Ангелъ есть духъ; но духовность его такъ относится къ чистѣйшей духовности Бога, какъ грубыя, массивныя тѣла относятся къ тѣламъ тончайшимъ, напр. къ эѳиру. Какъ вещественность имѣетъ степени, такъ и духовность имѣетъ свои степени. На первой снизу стоятъ наши души, а потомъ, въ восходящемъ порядкѣ, 9 чиновъ Ангельскихъ, — одинъ другаго совершеннѣе, и одинъ другаго духовнѣе. Но и самая совершенная тварная духовность груба въ сравненіи съ чистѣйшею духовностію Божескаго естества. — Такова мысль догматики, такова мысль и Св. Іоанна Дамаскина, какъ увидимъ послѣ. Эта мысль и пропущена Св. Синодомъ. А что брошюра выводитъ отсюда уже прямую мысль: Ангелъ — тѣло, и душа — тѣло, то она поступаетъ неправильно и впадаетъ въ софизмъ, который обозначает-

ся и въ логикахъ, именно: когда изъ того, что говорится о предметѣ въ извѣстномъ отношеніи, выводится о немъ положеніе безотносительное, то такое заключеніе есть софизмъ.

Я. Такъ вотъ что! теперь мнѣ все ясно; а сразу-то, поди, скоро распутаешь такую мудрость?!

Стар. Хотите ли, — я тѣмъ же путемъ докажу вамъ, что и люди и Ангелы и всякая тварь по природѣ злобны?—Тогда еще яснѣе будетъ хвальнь брошюры.

Я. Хорошо.

Стар. Вотъ смотрите. Господь говоритъ въ Евангеліи: *что Мя глаголеши блага, никто же благъ, токмо Единъ Богъ.* На основаніи сего мѣста можно такъ разсуждать: если между тварями называются иныя благими, то это только въ отношеніи къ злымъ духамъ; а если поставить ихъ въ сравненіе съ Богомъ, безконечно благимъ, то окажется, что они злы, слѣдовательно, всѣ твари, и люди и Ангелы, злы, самая природа ихъ злобна. Это заключеніе точь въ точь таково, какое дѣлаетъ брошюра. На дѣлѣ же такъ и есть, что Богъ есть самая благость; но по самой благости своей, Онъ благоволилъ и тварямъ своимъ разумнымъ даровать въ извѣстной степени благость, которую онѣ и являютъ въ дѣлахъ своихъ другъ къ другу. Такъ и въ отношеніи къ духовности. Единъ Богъ есть духъ чистѣйшій. Но по благости своей Онъ даровалъ бытіе и другимъ духамъ тварнымъ, нисшимъ Себя, кои обладаютъ въ извѣстной степени духовностію и являютъ ее въ своихъ дѣйствіяхъ чисто духовныхъ, — въ мысляхъ и стремленіяхъ.

Я. Ну, вотъ теперь все ясно. Но въ брошюрѣ не объ одномъ Св. Сунодѣ говорится, а поминается

и о Греческой церкви, что и тамъ принятъ тотъ же учебникъ, такъ что выходитъ, будто вся восточная церковь тѣхъ же мыслей, какъ и брошюра.

Стар. Да. Брошюра очевидно имѣетъ въ виду вложить въ умъ читателей такую мысль. На-де смотри, и въ Россіи и въ Греціи такое ученіе внушаютъ тѣмъ, кои готовятся быть пастырями церкви. Стало, что тутъ сомнѣваться? Таково ученіе православной церкви.—Но уже вы знаете, что значитъ у насъ учебникъ вообще—насколько обязательна для преподавателей и учащихся каждая его мысль; знаете также, какая мысль содержится въ учебникѣ относительно предмета, о коемъ трактуемъ. Полагать надобно, что въ томъ и другомъ согласны съ нами и въ Греціи. Стало, нечего на этомъ болѣе и останавливаться. Одно только прибавлю, что нашъ учебникъ и переведенъ и принятъ только въ Аѳинахъ для тамошняго духовноучебнаго заведенія. Но Греція сравнительно со всѣмъ Востокомъ много ли значитъ? Принятъ ли сей учебникъ въ другихъ богословскихъ училищахъ Востока, неизвѣстно. Въ Халкинскомъ константинопольскомъ училищѣ богословскомъ преподавался сокращенный Ѳеофанъ Прокоповичъ. Какъ учители въ Іерусалимское богословское училище берутся изъ Константинопольскаго, то, вѣроятно, и тамъ тотъ же учебникъ. Другихъ же училищъ, кромѣ сихъ тамъ нѣтъ. Стало, никакого особеннаго вѣса это упоминаніе не придаетъ мнѣнію брошюры.

Я. Но вотъ, далѣе, брошюра, вслѣдъ за догматическимъ богословіемъ—учебникомъ, ссылается на авторитетъ Св. Іоанна Дамаскина, и опредѣляя его значеніе, обставляетъ его такими титлами, которыя не могутъ не придавать рѣшительнаго вѣса приво-

димому изъ него свидѣтельству, а слѣдовательно, —тому мнѣнію, которое хотятъ подтвердить тѣмъ.

Стар. Оставляетъ точно; но чрезъ это мнѣнію не прибавляетъ вѣса, когда оно не имѣетъ его само въ себѣ. Ибо прочитайте-ка, что онъ тамъ говоритъ.

Я Читаю: «Св. Іоаннъ Дамаскинъ, одинъ изъ древнѣйшихъ отцевъ, изложилъ ученіе о Христіанствѣ въ систематическомъ порядкѣ.»

Стар. Ну, вотъ первымъ же словомъ и подсѣкаетъ самъ себя. Гдѣ система, тамъ своеличное соображеніе; гдѣ свое соображеніе, тамъ возможность своего мнѣнія, въ томъ или другомъ несогласнаго съ другими. Этимъ титломъ св. Дамаскинъ ставится въ рядъ всѣхъ систематиковъ, хоть есть первый между ними, какъ говоритъ сноска подъ симъ положеніемъ изъ архіепископа Филарета. Но систематиковъ цѣна не вседовлетельна, какъ замѣчалъ я выше. Когда какой систематикъ говоритъ что либо, то нельзя себя удостовѣрять въ истинѣ чего либо такимъ воззваніемъ: а объ этомъ говоритъ такой-то систематикъ. Напротивъ, коль скоро какой систематикъ говоритъ, то скорѣе долженъ раждаться вопросъ: да правду ли онъ говоритъ? Не уступаетъ ли онъ тутъ духу своей системы? Не говоритъ ли такъ потому, что того требуетъ строй его системы, а не потому, что того требуетъ сама истина?—Стало, въ подтвержденіе своего мнѣнія надо указывать другія основанія, а не тѣ, что оно взято изъ системы св. Іоанна Дамаскина.

Я. Но погодите.—Вотъ дальше брошюра говоритъ то, предъ чѣмъ вы должны замолчать. Читаю. «Онъ (св. Дамаскинъ) изучилъ предшествовавшихъ ему отцевъ церкви... Ученіе этихъ отцевъ,

разсѣянное частями въ различныхъ ихъ словахъ и посланіяхъ, онъ совокупилъ во едино.. Ученіе его есть ученіе Св. отцевъ, предшествовавшихъ ему.»

Старец. Надо прибавить, какъ онъ ихъ понялъ и усвоилъ. Собирая ученія отеческія, допускалъ ли онъ соображенія? Допускалъ; это можно видѣть на каждой страницѣ его Изложенія православной вѣры. Вотъ и въ предисловіи къ его изданію сказано: «истины Слова Божія св. Дамаскинъ объясняетъ самимъ словомъ Божіимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ призываетъ въ пособіе и *здравое размышленіе*, просвѣщенное свѣтомъ откровенія..» Ниже: «не только собралъ изреченія отеческія, но и *проникнувъ дальновиднымъ зрѣніемъ* въ самый духъ учителей вѣры, *открылъ* глубины духа разновременныхъ глубокихъ учителей вѣры!»—Видите: *размышлялъ, проникалъ, открывалъ*. Значитъ, было въ дѣлѣ всюду соображеніе свое. Но гдѣ свое соображеніе, тамъ увѣренность въ томъ, что излагаемое ученіе есть ученіе всей церкви, сильно колеблется, ибо при семъ всегда стоитъ мысль, что излагающій ученіе не изъ Св. отцевъ беретъ свои мысли, а къ своимъ соображеніямъ подбираетъ отцевъ, и излагаетъ, слѣдовательно, свои личныя убѣжденія.

Я. Такъ у васъ и св. Іоаннъ Дамаскинъ ничего не стоитъ?

Старец. Нѣтъ, не ничего не стоитъ. Онъ столько стоитъ, что другаго послѣ него стоющаго не было. Не про это рѣчь, а про то, что для подтвержденія того, что извѣстное ученіе есть ученіе Св. церкви, недовольно сказать, что такъ учитъ св. Дамаскинъ, изучившій Св. отцевъ; а надо указать, что ученіе сіе дѣйствительно согласно со всѣми Св. отцами. При всемъ знаніи Св. отцевъ, св. Дамаскинъ все

же есть для насъ одинъ Св. отецъ, а не союзъ всѣхъ Св. отцевъ. Потому, тогда какъ о всѣхъ Св. отцахъ въ совокупности знаемъ и убѣждены, что согласное ихъ о чемъ либо ученіе есть несомнѣнный признакъ вселенской истины, ему единому, равно какъ и каждому Св. отцу, отдѣльно нельзя приписывать такой же важности. Каждый Св. отецъ порознь не былъ непогрѣшимъ, напротивъ могъ погрѣшать, и нѣкоторые дѣйствительно погрѣшали. (см. Введ. въ Бог. Пр. Макарія. стр. 313). Слѣдовательно, ссылка на св. Дамаскина ничего не доказываетъ. И это говорю я про такой случай, еслибъ у него дѣйствительно содержалась мысль, что душа—тѣло и Ангелъ—тѣло. Но, какъ послѣ увидимъ, у него сей мысли совсѣмъ нѣтъ. Напротивъ, если прочитаете всю его статью объ Ангелахъ, вы должны будете придти къ заключенію совершенно противоположному.

Я. Вотъ это именно мнѣ и хотѣлось бы поскорѣе увидѣть, равно и то, что можетъ быть и у Св. Макарія нѣтъ той мысли, какая съ перваго раза выдается при чтеніи извѣстнаго его мѣста.

Стар. Объ этомъ послѣ. А теперь позвольте мнѣ ужъ выставить и послѣднее покушеніе брошюры—придать непререкаемый вѣсъ своему мнѣнію.

Я. А! Помню, помню. Это доводъ отъ подвижничества.—

Стар. Да, да! Поищите и прочитайте.

Я. Нахожу и читаю. Стр. 36: «Эти лица[*] (писатели Св. писанія) просвѣщены были единственно Святымъ Духомъ. Также препод. Антоній Великій былъ неграмотный; очистивъ себя *благочестивымъ подвигомъ*, онъ содѣлался *обителію Бога*, и воз-

вѣстилъ ученіе о духахъ, сообразно тому какъ *духи* были *открыты ему Богомъ.»*—Стр. 37. «Для упомянутаго изученія (Св. писанія и отцевъ, чтобъ понять ученіе о духахъ) нужна нетолько благочестивая жизнь, но и жизнь подвижническая, сосредоточенная, жизнь въ уединеніи... Только отрекшіеся отъ міра и предавшіе себя всецѣло въ служеніе Богу могутъ достичь до опытнаго познанія *падшихъ духовъ въ* приносимыхъ ими *помыслахъ, мечтаніяхъ и ощущеніяхъ*, какъ говоритъ Макарій Великій: только при содѣйствіи внутреннихъ опытовъ дѣлаются доступными для пониманія тѣ мѣста Писанія и отцевъ, которые говорятъ *объ этой невидимой борьбѣ.»* Далѣе, приведши мнѣніе св. Кассіана о высокомъ достоинствѣ отшельничества, она прибавляетъ: «въ такихъ избранникахъ Божіихъ *внутренняя, невидимая борьба* непомѣрно усиливалась, возводила ихъ въ необыкновенный подвигъ, переходила въ видимую. Отцы, возведенные въ такой подвигъ, сподоблялись особенныхъ даровъ Св. Духа, приходили въ высокое духовное преспѣяніе и просвѣщеніе, получали входъ въ невидимый чувственными очами міръ. Дверь въ него *отверзалась* для нихъ *рукою Бога. Таковы* были преподобные *Игнатій и Макарій»*. . .

Стар. Ну что, какъ вамъ кажется?

Я. Не умѣю вамъ сказать; но, прочитавши теперь все снова, нахожу это свидѣтельство поразительнымъ.

Стар. Этого и расчитывалось достигнуть: поразить, чтобъ пораженнаго заставить думать, какъ намъ угодно.

Я. Да нѣтъ. Вѣдь это само собою выходитъ.

Стар. Выходитъ, да совсѣмъ не то, что вы-

водится.

Я. Какъ не то?

Стар. Да вы просмотрите снова все въ рядъ, и увидите.

Я. Смотрѣлъ и смотрю, и не вижу, какъ это не *то*.

Стар. А вотъ какъ! Св. отцы отшельники были вводимы въ брань съ злыми духами, преимущественно невидимую, въ помыслахъ совершающуюся, а иногда и въ видимую. Борясь же и побѣждая при помощи благодати Божіей, они опытно изучили и всѣ секреты сей брани и всѣ пріемы, какіе надо употреблять для самозащищенія и побѣды. Это и есть главный предметъ опытнаго ихъ изученія: тайны, брани и побѣды. Такъ и въ брошюрѣ говорится, что св. подвижники достигали опытнаго познанія не о природѣ духовъ, а о приносимыхъ ими помыслахъ, мечтаніяхъ и ощущеніяхъ.—И далѣе, при помощи сихъ опытовъ, они удобнѣе понимали мѣста Писанія и другихъ отцевъ—не о всемъ, а именно объ этой невидимой борьбѣ. Посему кто хочетъ узнать, что это за брань съ духами, точныхъ о ней свѣдѣній нигдѣ не найдетъ, какъ у св. отцевъ—подвижниковъ. Но у насъ вѣдь рѣчь идетъ не о брани, а о природѣ духовъ борющихъ. Природа сія могла оставаться и оставалась совсѣмъ невѣдомою боровшимся и побѣждавшимъ. Они и не пытали объ ней. Вотъ почему я и говорю, что сіе мѣсто доказываетъ совсѣмъ не *то*, что хотятъ доказать.

Я. Нѣтъ, вы не все берете во вниманіе. Св. подвижники посредствомъ сей брани очищались, восходили на высшую степень совершенства, сподоблялись духовнаго просвѣщенія, или вѣдѣнія таинъ

Божіихъ; а слѣдовательно—вѣдѣнія и о природѣ духовъ.

Стар. Очень возможно и это; но возможно и другое, что Богъ оставилъ ихъ въ невѣдѣніи о сей природѣ. Что имъ дѣйствительно открыто сіе было, надо другое удостовѣреніе. Брошюркѣ очень хочется дать вѣсъ ученію св. Антонія и Макарія, равный вѣсу откровенія. За тѣмъ она говоритъ, что Антонію всѣ духи были *открыты* Богомъ и что вообще для великихъ подвижниковъ, духоносцевъ, какъ ихъ называли, дверь отверзалась въ невидимый міръ рукою Бога. Это точь въ точь, будто актъ Божественнаго откровенія. Но Божественное откровеніе даровано чрезъ извѣстныхъ Богодухновенныхъ мужей, съ которыми потомъ никто не сравнивается въ семъ отношеніи въ церкви, какъ бы кто высоко ни стоялъ по нравственности, слѣдуя во всемъ открытому чрезъ нихъ ученію. Въ приведенномъ уже мѣстѣ преосвящен. Макарія говорится: «при всей своей святости, при всемъ *обиліи духовныхъ дарованій*, св. отцы не были Богодухновенны, подобно св. Пророкамъ и Апостоламъ, и потому писанія отеческія никогда не должно сравнивать съ каноническими книгами св. писанія», то есть, не должно возводить ихъ въ достоинство откровенія. — Вообще смѣшивать совершенства жизни съ совершенствами теоретическаго познанія не должно. Есть сильные по жизни, кои однакожъ очень просты въ познаніи догматовъ, какъ и наоборотъ. Извѣстно сказаніе объ одномъ подвижникѣ, который по простотѣ причащался во всякой церкви, какая ни попадалась, православная или еретическая. Высота жизни не просвѣтила его ума въ семъ отношеніи. Жизнь же его была столь вы-

сока, что онъ удостоенъ видѣнія Ангела, который и далъ ему вразумленіе, какъ должно поступать. А другой, тоже сильный, подвижникъ оставался въ невѣдѣніи о пресуществленіи въ таинствѣ Евхаристіи хлѣба и вина въ тѣло и кровь Господа, и ему нужно было особое вразумленіе свыше.

Я. Такимъ образомъ вы не признаете силы во всѣхъ этихъ пріемахъ брошюры — усилить свое мнѣніе сторонними документами?

Стар. Да. И хорошо вы сказали—сторонними. Они къ существу дѣла не относятся, и ни въ отдѣльности каждый, ни всѣ вмѣстѣ, не имѣютъ цѣны, какой отъ нихъ ожидается. Вотъ ежели бы брошюра могла указать соборное определеніе, или привесть какое либо вѣрное удостовѣреніе, что таковъ голосъ о семъ предметѣ вселенской церкви, тогда и спорить бы нечего. Но соборныхъ опредѣленій о семъ предметѣ не было. Не были возбуждаемы вопросы о семъ, не было и опредѣленій соборныхъ. Только на 7-мъ соборѣ стороною коснулись сего, но такъ, что изъ бывшихъ по сему случаю рѣчей, ничего опредѣленнаго вывесть нельзя; а если выводить что, скорѣе вывесть можно мысль о духовности, а не о тѣлесности Ангеловъ. Въ 5-мъ засѣданіи читался разговоръ съ язычникомъ Іоанна епископа Өессалоникскаго, гдѣ на вопросъ язычника: «а Ангеловъ какъ же вы изображаете»? стоитъ отвѣтъ: «Ангелы, хотя умныя силы, но имѣютъ тонкія тѣла и являлись такъ святымъ» и пр. Св. Тарасій, по прочтеніи всего, сказалъ: «вотъ отецъ сей показалъ, что и Ангеловъ должно живописать, потому что они описуемы и являлись многимъ въ образѣ человѣческомъ.» Св. соборъ сказалъ: «такъ, владыко» (см.

Anast. bibliothec. t. III Patr. t. CXXIX. p. 35). Нельзя изъ этого случая ничего вывесть, потому что въ словахъ св. Тарасія, на которыя изъявилъ согласіе св. соборъ, значится только, главнымъ образомъ, та мысль, что Ангеловъ надо живописать; а что они описуемы и являлись въ образѣ человѣка, есть мысль придаточная, которую имѣлъ ли въ помышленіи соборъ, когда говорилъ: *«да»*,—сказать нельзя. А если и имѣлъ, не видно, какъ понималъ сіе; ибо описуемыми они названы, можетъ быть, потому, что являлись въ образѣ человѣческомъ; а являлись такъ не потому, что тѣлесны или имѣютъ тѣло, а потому, что принимаютъ тѣло. Такъ это мѣсто изъ соборныхъ дѣяній не даетъ никакого определеннаго вывода, тѣмъ болѣе что на этомъ засѣданіи не было составлено никакого общаго постановленія, которое было бы всѣми подписано; тогда какъ въ предъидущимъ засѣданіи, 4-мъ, было составлено общее исповѣданіе и опредѣленіе относительно иконъ, гдѣ значится, что надо изображать на иконѣ Господа Спасителя, Божію Матерь, Святыхъ и *безплотныхъ* Ангеловъ и проч., и опредѣленіе сіе всѣми подписано. Слово — *безплотный,* по прямому смыслу, значитъ тоже, что—*духъ*; и чтобъ придать ему другое значеніе, надобно прилагать особое объясненіе. Если это не сдѣлано, значитъ соборъ утвердилъ безтѣлесность и духовность Ангельской природы.

Я. Да, еслибъ было такъ ясно сіе утвержденіе, всѣ бы и ссылались на него; а то вотъ вы въ первый разъ выставляете его на видъ, и притомъ не просто, а съ своимъ поясненіемъ и выводомъ.

Стар. Я и сказалъ сначала, что изъ сего случая ничего вывесть нельзя. Но если выводить уже,

то скорѣе вывесть можно мысль не въ пользу брошюры.

Я. Странно мнѣ кажется, какъ такой предметъ не обсудили на соборахъ и не оставили о немъ особаго опредѣленія?

Стар. На соборахъ рѣшали недоумѣнія. Объ Ангелахъ же не было никакого недоумѣнія. Всѣ вѣровали, что они суть духи безплотные, и если являлись тѣлесно, то это было неестественное ихъ состояніе, которое, можетъ быть, и объяснять не приходило никому на мысль.

Я. Вотъ это—что всѣ вѣровали и требуетъ подтвержденія.

Стар. Что касается до насъ, то оно у насъ подъ руками. Прочитайте, что пишется въ Православномъ Исповѣданіи и Пространномъ Катихизисѣ, и увидите общую вѣру.

Я. Въ самомъ дѣлѣ. Найдите, прочитаемъ.—

Читаемъ: Православное Исповѣданіе,—отвѣтъ на вопросъ 18: «Богъ есть Творецъ всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ созданій... И создалъ Онъ умный оный міръ... потомъ міръ сей вещественный... наконецъ человѣка, сложеннаго изъ *невещественной и разумной души* и вещественнаго тѣла... Одинъ и тотъ же есть Создатель обоихъ міровъ, *невещественнаго* и вещественнаго.

Отвѣтъ на вопросъ 19: «Ангелы суть *духи*....

Стар. Видите, Ангелы *невидимы*... составляютъ *умный міръ*, противоположный вещественному и суть духи; и души наши невещественны и разумны.— Еслибъ подъ словами: *невещественны, невидимы* слѣдовало разумѣть только, что они не имѣютъ грубой вещественности, осязаемой и видимой, это непремѣнно было бы пояснено (какъ дѣлаетъ съ

натяжкою брошюра), для того чтобъ обучаемые истинамъ вѣры, православные христіане не возъимѣли неправыхъ понятій. Но какъ этого не сдѣлано, то словамъ симъ надо придавать общій утвердившійся смыслъ, тѣмъ болѣе что тутъ же стоятъ слова: *умный міръ, разумная душа,*—термины, которыхъ никто въ свѣтѣ не прилагалъ ни къ какому вещественному тѣлу, какъ бы оно тонко ни было.

Я. Ну-ка посмотримъ въ Пространномъ Христіанскомъ Катихизисѣ.—

Въ пер. членѣ, (стр. 30) Вопр. «Что должно разумѣть въ Сумволѣ вѣры подъ именемъ *невидимыхъ?*—

От. Невидимый или *духовный міръ*, къ которому принадлежатъ *Ангелы*...

Вопр. Что такое Ангелы?

От. *Духи безплотные,* одаренные умомъ, волею и могуществомъ.— (Стр. 33) Вопр. Что такое дыханіе жизни?

Отв. Душа, *существо духовное* и безсмертное.

Стар. Послѣ сего для насъ уже не должно быть сомнѣніе въ томъ, что Ангелы и душа суть *духовныя* существа. Это—не частнаго лица мнѣніе, а голосъ церкви, не Россійской только, но и всей Восточной.—Сюда и слѣдовало обратиться брошюрѣ за освѣдомленіемъ, гдѣ истина, а не ходить околицами. Солидные богословы систематики такъ и дѣлаютъ: за указаніями ученія церкви обращаются прямо или къ соборнымъ опредѣленіямъ, или къ сумволамъ и исповѣданіямъ, или къ признаннымъ всею церковію изложеніямъ вѣры въ катихизисахъ. Такъ поступилъ преосвящ. Макарій въ своемъ Богословіи. Просмотрите-ка, какъ у не-

го говорится объ Ангелахъ-то. Отыскиваемъ въ Богословіи преосв. Макарія трактатъ о мірѣ духовномъ... 1 т. стр. 283 и д. — «Ученіе *православной церкви* о мірѣ... *духовномъ*... можно представить въ слѣдующихъ чертахъ: *Ангелы суть духи безплотные* и проч. Что всѣ эти черты или пункты ученія объ Ангелахъ суть ученіе церкви, подтверждается Православнымъ Исповѣданіемъ и Пространнымъ Христіанскимъ Катихизисомъ,—именно приведенными уже у насъ мѣстами..

Ставъ, такимъ образомъ, твердою ногою на ученіи св. церкви православной, смѣло уже можно было говорить, что все съ симъ несогласное есть частное мнѣніе, а не ученіе церкви. Такъ и говорится далѣе; стр. 289: «Были и такіе, которые имѣли свои частныя мнѣнія касательно природы Ангеловъ: многіе приписывали Ангеламъ, какъ добрымъ, такъ и злымъ, тѣла, хотя тонкія, огненныя, или эѳирныя»..... Въ спискѣ указываются— Іустинъ, Климентъ Александрійскій, Таціанъ,—лица ранняго времени и всѣ съ философскимъ направленіемъ. Были ли такіе, которые учили, что Ангелы тѣло, то есть, что природа ихъ тѣлесна, Преосв. Макарій не указываетъ. Вѣрно онъ не находилъ таковыхъ.—

Далѣе читаемъ на стр. 297 § 65.

§ 65. *Природа Ангеловъ*....

«По природѣ своей Ангелы *суть духи безплотные*.... 1, *Суть духи*; такъ учитъ Св. Писаніе—а) когда говоритъ объ Ангелахъ: *не вси ли суть служебніи дуси*.... (Евр. 1, 14); б) Когда приписываетъ имъ существенныя свойства духа: умъ и волю (1 Петр. 1, 12; Марк. 13, 32; Матѳ. 25, 31; в) когда изображаетъ ихъ дѣйствующими вообще такъ,

какъ могутъ дѣйствовать только существа разумно-свободныя (Матѳ. 18, 10; Пс. 6, 3; Пс. 102, 20; Лук. 15, 10; Гал. 1, 8; 1 Тим. 5, 21). Также точно учили объ Ангелахъ и древніе учители церкви. «Желаешь знать, говоритъ напр. блаж. Августинъ, имя его (Ангела) природы? Это—духъ. Желаешь знать его должность? Это—Ангелъ. По существу своему онъ—духъ, а по должности Ангелъ» (Sermo 1. in Psal. CIII, n. 15). Впрочемъ ученіе отцевъ объ этомъ предметѣ столь несомнѣнно, что излишне было бы его доказывать.

2)..... *Духи безплотные*. И эта мысль, если не прямо выражена въ Св. писаніи, по крайней мѣрѣ, открывается изъ снесенія разныхъ мѣстъ его. Въ одномъ мѣстѣ оно говоритъ, что Ангелы суть *духи* (Евр. 1, 14)—pneumata точно такъ, какъ и о Богѣ говоритъ: *Духъ*—pneuma есть Богъ (Іоан. 4, 24) и проч. И еслибъ Ангелы были облечены какою либо плотію, какъ облечены люди: отъ чего, спрашивается, слово Божіе нигдѣ прямо не упоминаетъ о тѣлѣ Ангеловъ, а называетъ ихъ духами, тогда какъ людей нигдѣ прямо не называетъ духами, но, приписывая имъ духъ или душу, приписываетъ вмѣстѣ и тѣло?

Правда, есть въ Библіи сказанія, что Ангелы не рѣдко являлись людямъ въ чувственномъ образѣ: но и Самъ Богъ, по свидѣтельству Библіи, являлся иногда въ чувственномъ же видѣ. Это значитъ только, что какъ Богъ, такъ и Ангелы, по волѣ Его, по временамъ принимаютъ на себя какой либо видимый для человѣка образъ. Но выводить отсюда, будто Ангелы или Богъ постоянно облечены тѣломъ, было бы неосновательно и проч.

Мысль о безплотности Ангеловъ была самою

господствующею мыслію у Св. отцевъ и учителей церкви. Ее встрѣчаемъ: а) *у св. Аѳанасія:* «Ангелъ есть существо разумное, невещественное (aulon) (de commess. Patris, Filii et Sp. s. n. 51); б) у *Св. Григорія Нисскаго*: «вся тварь разумная раздѣляется на безтѣлесное (asomaton) естество и облеченное плотію; безтѣлесно есть Ангельское естество; другой видъ это мы—люди (orat. in orat. Dom. contra Evnom. Lib. XIII); в) *у св. Златоуста:* сотворилъ (Богъ) Ангеловъ, Архангеловъ и прочія естества безплотныя (къ Стаг. кн. 1); г) *у блаж. Ѳеодорита:* «еслибы образъ Божій состоялъ въ невидимости души, то скорѣе были бы названы образами Божіими Ангелы, Архангелы и всѣ безплотныя и святыя естества; такъ какъ они вовсе не имѣютъ тѣлъ, и обладаютъ совершенною невидимостію (in Genes. qu. XX); д) *у св. Дамаскина* — «Ангелъ есть существо разумное, свободное, безтѣлесное» и проч.—Встрѣчаемъ эту мысль у Василія Великаго, Григорія Богослова, Лактанція, Евсевія, Дидима, Льва Великаго, Фульгенція, Григорія Великаго, и друг.—

Касательно же тѣхъ изреченій отеческихъ, въ которыхъ Ангеламъ приписывается какая либо вещественность или плотяность, надобно замѣтить слѣдующее:

а) Одни изъ древнихъ христіанскихъ учителей, усвояя Ангеламъ тѣлесность, хотѣли сказать только, что Ангелы имѣютъ дѣйствительное (реальное) бытіе: тѣло (soma—corpus) у этихъ учителей означало сущность или существо (usia—substantia) и потому они иногда называли тѣлеснымъ даже Бога, какъ замѣтилъ еще блаж. Августинъ о Тертулліанѣ (de haeres. c. 86). Впрочемъ это видно и изъ сочиненій самаго Тертулліана. Въ одномъ

мѣстѣ онъ говоритъ: *кто станетъ отрицать, что Богъ есть тѣло* (corpus), *хотя Богъ Духъ есть?* (contra Prax. cap. 7) Въ другомъ—самая *субстанція тѣло есть каждой вещи* (Cont. Herm. c. 35). Въ третьемъ: «все, что есть, тѣло есть своего рода.» (De carn. Chris. c. 11).—Здѣсь, слѣдовательно, мысль вѣрная, а неточность только въ словѣ.

б) Другіе называли Ангеловъ тѣлесными въ томъ смыслѣ, что хотя они не облечены плотію, но самая духовность ихъ природы имѣетъ свои границы и сравнительно съ природою Бога, Существа Высочайшаго, является какъ бы дебелою и вещественною. Такъ св. Іоаннъ Дамаскинъ, опредѣливши, что Ангелъ есть существо безтѣлесное, присовокупляетъ: «впрочемъ безтѣлеснымъ и невещественнымъ называется Ангелъ только по сравненію съ нами. Ибо въ сравненіи съ Богомъ, единымъ несравненымъ, все оказывается грубымъ и вещественнымъ; одно Божество всецѣло невещественно и безтѣлесно» (Изл. вѣры. кн. II. гл. 3).—Мысль частная, но благочестивая, происходящая, очевидно, изъ понятія о совершеннѣйшей духовности Божіей и ни мало неисключающая догматическаго ученія церкви, что Ангелы суть духи, необлеченные плотію.

в) Третьи приписывали Ангеламъ тѣлесность въ томъ смыслѣ, что они, какъ существа ограниченныя, необходимо опредѣляются мѣстомъ и не могутъ быть въ одно время вездѣ. «Потому, говоритъ блаж. Августинъ, (De spir. et anim. cap. 18) мы называемъ разумныя природы тѣлесными, что онѣ описываются мѣстомъ, подобно душѣ человѣческой, заключенной въ тѣлѣ.» Значитъ и эта мысль, усвояющая Ангелахъ тѣлесность только въ

смыслѣ переносномъ, не исключаетъ положительнаго ученія о безплотности Ангеловъ.

Послѣ изложенныхъ замѣчаній остается уже самое ограниченное число древнихъ учителей, которые, по видимому, приписывали Ангеламъ тѣло въ собственномъ смыслѣ, хотя и тончайшее, эѳирное или огненное, именно: Іустинъ мученикъ, Оригенъ, Меѳодій, Ѳеогностъ.—Но это мнѣніе ихъ и должно считать только *частнымъ мнѣніемъ* немногихъ.

Стар. Ну вотъ видите, какъ учатъ солидные богословы. Тутъ все такъ вѣско и плотно, что нигдѣ пальца не поддѣнешь.—Въ основу положены пункты, взятые изъ символическихъ книгъ, а далѣе пункты сіи разъясняются и утверждаются словомъ Божіимъ и отеческими писаніями.—

Я. Да, а въ брошюрѣ-то развѣ не тоже самое дѣлается? И тамъ приводятся мѣста Писанія и отеческія изрѣченія. Стало, нельзя думать, чтобъ и тамошнія положенія не имѣли своего вѣса и основательности.

Стар. Я только хотѣлъ перейти къ разсмотрѣнію того, что тамъ приводится изъ Писанія и св. отцевъ. Потому что, если стоитъ обратить вниманіе на мнѣніе брошюры, то именно потому только, что она выставляетъ нѣкоторые доводы изъ Св. Писанія и св. отцевъ.

Я. Но тамъ, кажется, есть еще и соображенія, такъ называемаго, богословствующаго разума, и мнѣ они показались очень впечатлительными.

Стар. Все-все разберемъ; только напередъ отдохнуть надо.

Я. Дѣло. Итакъ до свиданія.

в) Разсмотрѣніе мѣстъ писанія, приводимыхъ брошюрою.—

Приходитъ снова старецъ и прямо за дѣло.—

Стар. Съ чего начать?—Начнемъ съ св. писанія. Найдите въ брошюрѣ и читайте, а мнѣ позвольте дѣлать замѣтки.

Я. Нахожу и читаю; стр. 22: «Свящ. Писаніе не излагаетъ отдѣльнаго, *опредѣленнаго* ученія о духахъ, какъ и о многихъ другихъ предметахъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ ученіе св. Писанія о духахъ— ясно.

Стар. Мимоходомъ замѣчу, какъ это Писаніе, не уча *опредѣленно,* учитъ *ясно.* Гдѣ нѣтъ опредѣленности, тамъ какая ясность? Св. Писаніе учитъ ясно и опредѣленно о томъ, что Ангелы есть, что они суть духи, и что посылаются отъ Бога къ людямъ на помощь имъ въ дѣлахъ спасенія. Но что Ангелы, будучи духами, не имѣютъ тѣла, это прямо не говорится, а выводится изъ снесенія мѣстъ Писанія. И это ученіе для одного можетъ имѣть ясность и опредѣленность, а для другаго будетъ неясно и неопредѣленно, пока они будутъ ограничиваться при семъ однимъ Писаніемъ. Когда же приложитъ къ сему и ученіе, постоянно содержимое церковію, то и это ученіе о безтѣлесности Ангеловъ получитъ у нихъ ясность и опредѣленность рѣшительную.

Я. Читаю: «сотворенные духи называются *безплотными сравнительно* съ нами.»

Стар. Вотъ уже объ этомъ и намека ни малѣйшаго нѣтъ въ Писаніи. И еслибъ нѣкоторые изъ св. Отцевъ, по побужденіямъ намъ неизвѣстнымъ, но конечно безукоризненнымъ, не употребили этой фразы: *сравнительно съ нами,*—мы и по-

мышленія не имѣли бы о сей сравнительной безплотности.—Ну-те-ка, какія мѣста приводятся въ подтвержденіе сей мысли?

Я. Читаю: «*Духъ плоти и кости не имать, якоже Мене видите имуща,* сказалъ Спаситель ученикамъ своимъ (Лук. 24, 39), явившись имъ по воскресеніи въ прославленномъ тѣлѣ, обличая и опровергая помышленіе ихъ, что они видятъ духъ. Сравненіе— *якоже Мене* есть сравненіе съ человѣческою плотію Богочеловѣка.»

Стар. Рѣшительно не понимаю, какъ тутъ можно видѣть мысль о сравнительной духовности Ангеловъ. Вѣдь Спаситель по воскресеніи являлся точь въ точь такъ же, какъ являются Ангелы. Какъ они бываютъ видимы и невидимы—тутъ же въ одномъ мѣстѣ: такъ и Спаситель былъ видимъ, напр. въ Еммаусѣ и тотчасъ сталъ невидимъ. Какъ Ангелъ явился напр. Ап. Петру въ темницѣ, которой двери были замкнуты: такъ и Господь ученикамъ Своимъ явился дверемъ затвореннымъ. Если теперь Господь, когда Апостолы, основываясь на семъ сходствѣ явленія Его съ явленіями Ангеловъ, подумали, что Онъ—духъ или Ангелъ, сказалъ имъ, чтобъ они не смѣшивали Его съ Ангеломъ, приводя въ основаніе то, что духъ,—являющійся Ангелъ,—плоти и кости не имать: то этимъ показалъ, что у нихъ совсѣмъ нѣтъ плоти, даже такой, какая у Него, бывающая видимою и невидимою тутъ же, по Его желанію. У Него плоть, бывающая видимою и невидимою и являющаяся дверемъ затвореннымъ, есть Его плоть. Онъ облеченъ ею, всегда носитъ ее. А у духовъ—Ангеловъ нѣтъ этой плоти, они не облечены ею, не носятъ ея постоянно, хотя и они тоже бываютъ видимы и невидимы, и

являются дверемъ затвореннымъ. Вотъ прямая мысль текста! Она выставляется и въ Богословіи преосв. Макарія, въ приведенномъ мѣстѣ (стр. 298). А ужъ какъ брошюра тянетъ его на свою сторону,—никакъ не могу понять. Къ тому же надобно и то сказать, что это мѣсто само затруднительно для понятія, оно само требуетъ уясненія. Надобно напередъ опредѣлить его мысль, чтобъ выводить изъ него что нибудь. Ибо непонятно, что это за тѣло у Спасителя, имѣющее плоть и кость, и между тѣмъ бывающее видимымъ и невидимымъ и являющееся дверемъ затвореннымъ?—И еще,—кого разумѣлъ Спаситель подъ *духомъ*, у котораго отрицалъ плоть и кость?—Говоритъ: *осяжите*. Но и Ангелы бываютъ осязаемы, когда являются.

Можно и вотъ какъ думать.—Обыкновенно плоть и кость, какъ есть у насъ, не можетъ явиться дверемъ затвореннымъ. Посему, когда Спаситель говоритъ о плоти и кости въ Себѣ, ихъ нельзя разумѣть въ собственномъ смыслѣ; они имѣютъ здѣсь значеніе переносное. Господь хотѣлъ сказать, что тѣло Его имѣетъ стойкость, осязаемость, не есть какъ бы нѣчто въ воздухѣ разливающееся. Но, примѣняя сіе къ являющимся Ангеламъ, нельзя сказать, что они сего не имѣютъ; ибо и они бываютъ осязаемы и дѣйствуютъ на видимые предметы,—напр. камень отваливаютъ. Посему, вѣроятно, когда Спаситель говоритъ: духъ плоти и кости не имѣетъ, т. е. духъ не имѣетъ стойкости, осязаемости,—то указываетъ не на Ангела, а на призракъ. Апостолы подумали, что видятъ призракъ, въ воздухѣ разливающійся, неимѣющій никакой стойкости. Господь и говоритъ имъ: Я не таковъ: осяжите Меня; духа же, т. е. призрака осязать вы не

можете. Вѣроятнымъ можно считать сіе, потому что Апостолы подумали не то, что Ангелъ предъ ними, а духъ; между тѣмъ какъ, когда необычность явленія живаго Ап. Петра поразила услышавшихъ о семъ, они подумали: Ангелъ его есть, а не духъ. Вѣроятно, и здѣсь помышленіе Апостоловъ тоже было, какое имѣли они, когда увидѣли Спасителя, ходяща по водамъ (Мѳ. 14. 26). Но если такъ понять сіе мѣсто; то изъ него никакого нельзя вывесть заключенія, ни относительно тѣлесности, ни относительно безтѣлесности Ангеловъ. Совсѣмъ будетъ тутъ далекая отъ того и другаго мысль. Такъ изъ сего мѣста или совсѣмъ ничего не слѣдуетъ выводить, или если выводить, то выводить мысль, противную мнѣнію брошюръ.

Я. Читаю далѣе: «Св. Василій вел. видитъ такое же сравненіе въ словахъ Апостола: *нѣсть наша брань къ плоти и крови, но... къ духовомъ злобы* (Еф. 6. 12). Св. Василій говоритъ: что же касается естества его (діавола), то оно *безплотное* т. 4. стр. 161), по словамъ Апостола: *нѣсть наша брань къ плоти и крови, но къ духовомъ злобы»* (Бес. —Богъ не есть причина золъ).

Стар. Какое же тутъ доказательство? Никакого нѣтъ. Если бъ у св. Василія вел. была мысль о сравнительной безплотности, онъ прибавилъ бы къ слову: *оно* (естество духовъ) *безплотное* пояснительную оговорку, что эта безплотность у нихъ относительная, сами же они суть тѣло. Но какъ онъ этого не сдѣлалъ, а говорилъ безъ ограниченій, что естество ихъ безплотно, значитъ онъ признавалъ его таковымъ, признавалъ, т. е., что духи не только не суть тѣло по естеству, но совсѣмъ не имѣютъ никакого тѣла. Послѣ мы соберемъ изъ писа-

ній св. Василія вел. полное ученіе о семъ предметѣ, гдѣ видно будетъ, что онъ признавалъ Ангеловъ чистыми духами, созданными тогда, когда не было создано ничего вещественнаго; а теперь ограничимся этимъ замѣчаніемъ, чтобъ только показать, что въ словахъ: *нѣсть наша брань* и пр. никакого нѣтъ указанія на сравнительную духовность духовъ.

Я. Читаю: «Св. Писаніе повсюду свидѣтельствуетъ, что Ангелы являлись, по особенному изъявленію на то воли Божіей..... и т. д.—читаю все, что—на стр. 23, 24, 25, 26, гдѣ упоминается о разныхъ явленіяхъ Ангеловъ, въ разныя времена, разнымъ лицамъ: женѣ Маноя, женамъ мироносицамъ, Корнилію сотнику, Іисусу Навину, Гедеону и пр. и пр. и пр.

Стар. Ну что доказательно?

Я. Не умѣю вамъ сказать. Что-то все смутно въ головѣ, ничего не сообразишь.

Стар. Однакожъ, какую общую мысль оставляютъ всѣ эти собранные во едино факты?

Я. Мнѣ кажется, тутъ одна главная мысль—та, что Ангелы очень многозаботливы и попечительны о насъ и очень скоро готовы къ намъ на всякую помощь и вразумленіе.

Стар. Вотъ это и есть, и больше ничего. Все Писаніе ветхаго и новаго завѣта исполнено описаніями явлений Ангеловъ, равно въ сказаніяхъ о дѣйствіяхъ св. Апостоловъ, о жизни святыхъ святителей, мучениковъ, преподобныхъ и богоносныхъ отцевъ,—во всѣхъ не рѣдко помичается о сихъ явленіяхъ. Но всѣмъ этимъ фактамъ надпись одна: *не вси ли суть служебніи дуси, въ служеніе посылаеми за хотящихъ наслѣдовати спасеніе* (Евр.

1, 14)? Такъ какъ за тѣмъ, между прочимъ, они и созданы, чтобъ пособствовать намъ въ духовныхъ нуждахъ нашихъ: то и посылаются къ намъ и являются, когда нужно. О природѣ же Ангеловъ изъ обстоятельствъ ихъ явленія вывесть ничего нельзя. Вѣдь нельзя сказать такъ: поелику Ангелы являлись въ тѣлесномъ видѣ, то они суть тѣло. Естественный ходъ разсужденія въ семъ случаѣ долженъ быть таковъ: Ангелы въ обыкновенномъ порядкѣ невидимы, но когда являются къ намъ, бываютъ видимы въ тѣлесномъ видѣ. Что это значитъ? Это значитъ, должно отвѣчать, *или* то, что Ангелы, духи невидимые и безтѣлесные, принимаютъ на себя тѣло, когда повелѣніемъ Божіимъ посылаются къ намъ, *или*—то, что они носятъ постоянно, какъ естественную часть своего состава, тѣло, способное быть видимымъ и невидимымъ, осязаемымъ и неуловимымъ, *или*, пожалуй, въ угодность только брошюрѣ,— то, что они суть тѣло. Если къ этому еще четвертаго предположенія прибавить нельзя, то слѣдуетъ потомъ заключить такъ: но ни перваго, ни втораго сказать нельзя. Слѣд. остается вѣрнымъ третье. Брошюра этого не сдѣлала. Стало быть, она не хотѣла подклонить выю свою подъ иго закономъ опредѣленнаго теченія мыслей, и поступила самолично и произвольно.

Я. Мнѣ кажется въ этомъ не велика бѣда. Брошюра по чему нибудь не сочла нужнымъ вести такъ свои мысли. Вотъ вы дополнили ее, и, стало, какъ слѣдуетъ. И мысль брошюры остается на своемъ мѣстѣ.

Стар. Это, что я сказалъ,—то: ни перваго, ни втораго сказать нельзя, по вашему значитъ, и дополнилъ пропускъ! Но вѣдь мало сказать, а надо

доказать. Надо доказать вѣрно и убѣдительно, что невозможно согласиться ни на то, что Ангелы, духи невещественные и безтѣлесные, принимаютъ на себя тѣло, ни на то, что они, будучи внутренно духами, носятъ внѣшнее тонкое тѣло, способное дѣлаться видимымъ и осязаемымъ. Тогда, можетъ быть, и вышло бы мнѣніе брошюры. Но какъ этого не сдѣлано, то ходъ мыслей въ брошюрѣ должно признать погрѣшительнымъ. И грѣхъ этотъ въ логикѣ называется petitio principii,—когда доказываютъ свою мысль тѣмъ, что само еще не доказано, а требуетъ доказательства.

Я. Ну, пусть брошюра этого не сдѣлала и виновата въ томъ, въ чемъ вы ее вините. Но найдется другой, который докажетъ то, что вы считаете недоказаннымъ, и тогда доказательство тѣлесности Ангеловъ изъ ихъ явленій будетъ имѣть свою силу.

Стар. То-то и есть, что ни того, ни другаго доказать нельзя. Потому что, по разсужденію (a priori), и то и другое одинаково возможно; въ словѣ же Божіемъ никакого намека нѣтъ преимущественно въ пользу какой либо изъ нихъ. Невозможно,—то и нелѣпо, и по разсужденію и по указанію слова Божія, только предположеніе брошюры. Сами посудите. Если изъ того, что Ангелы являлись тѣлесно, заключить, что они суть тѣло: то необходимо будетъ заключить, что и Богъ—тѣло; ибо и Богъ являлся тѣлесно. Вотъ смотрите! Къ Аврааму приходятъ три свѣтлыхъ юноши. Одинъ изъ нихъ есть Господь, а другіе два—Ангелы. По видимость и всѣ обстоятельства ихъ явленія одинаковы. Скажите теперь, на какомъ основаніи вы будете заключать, что двое Ангеловъ, явившихся

Аврааму, по тому самому, что явились тѣлесно, суть тѣло; а Господь, вмѣстѣ съ ними точно такъ же явившійся, какъ и они, не есть тѣло? Никакого нѣтъ основанія. Если ваша голова здорова: то вы непремѣнно, допустивши одно, допустите и другое. Т. е. если Ангелы—тѣло: то и Господь—тѣло. Если же этой послѣдней нелѣпости вы допустить никакъ не можете: то должны отказаться и отъ перваго вывода и признать его нелѣпымъ,—признать т. е. нелѣпымъ тотъ выводъ, что поелику Ангелы являлись тѣлесно, то они суть тѣло.—Я взялъ только этотъ одинъ случай; но онъ не одинъ: ибо Господь Богъ являлся видимо неоднократно, съ самаго начала сотворенія человѣка. Богъ заповѣди даетъ первозданнымъ, слышится ходящимъ въ раю и судъ произноситъ надъ согрѣшившими; обличаетъ и осуждаетъ Каина, даетъ повелѣнія Ною, неоднократно является Аврааму, Исааку и Іакову, бесѣдуетъ съ ними и дѣйствуетъ видимо и осязаемо (Ангелъ, боровшійся съ Іаковомъ, былъ Господь; ибо потомъ имя сіе прилагается къ Нему,—а не Ангелъ, какъ полагаетъ брошюра—на стр. 24), является Моусею въ купинѣ и посылаетъ его вывесть Израильтянъ изъ Египта, на Синаѣ словесно изрѣкаетъ заповѣди всему народу, перстомъ пишетъ десятословіе на скрижаляхъ, и пр. Въ ветх. завѣтѣ тѣлесно являлись Богъ Отецъ и Богъ Сынъ. Въ нов. завѣтѣ слышится гласъ Бога Отца на Іорданѣ, Ѳаворѣ и въ храмѣ, и Духъ Святый является то въ видѣ голубя, то въ видѣ огненныхъ языковъ... Видите, сколько въ Писаніи Богоявленій! Думаю, не меньше Ангелоявленій. Если станемъ философствовать какъ философствуетъ брошюра, то, собравши всѣ свидѣ-

тельства Писанія о Богоявленіяхъ, заключимъ: не видите ли, что св. Писаніе со всею очевидностію свидѣтельствуетъ, что Богъ—тѣло тонкое, эфирное, огненное. Да еще и положительное утвержденіе Писаніемъ приложимъ: *Богъ нашъ огнь поядаяй есть.* Противъ такого вывода весь свѣтъ возстанетъ въ одинъ голосъ—и законно. Брошюра же и слова не смѣетъ сказать противъ сего. Она пріобрѣтетъ на это право, когда откажется отъ своего умствованія и сознается, что изъ явлeній Ангеловъ о ихъ тѣлесности заключенія сдѣлать нельзя безъ нарушенія законныхъ порядковъ умствованія, и безъ опасенія дать инымъ головамъ поводъ по сему образу дѣлать выводы о тѣлесности Божеской, которымъ громогласно поперечитъ и умъ и сердце.

Я. Стало быть, по вашему, и всѣ другіе выводы, какіе дѣлаетъ брошюра изъ приведенныхъ ею мѣстъ, оказываются уже неумѣстными.

Стар. Уже само собою. Но прочитайте: можетъ быть и идетъ что, не смотря на то, что главная мысль невѣрна.

Я. Читаю. Стр. 26: «Св. Писаніе со всею очевидностію свидѣтельствуетъ, что духи имѣютъ движеніе, подобное человѣческому.»

Я. Вотъ прекрасно. И нехотя сказалось дѣло. Точно духи, поколику суть духи невещественные и безтѣлесные, имѣютъ движеніе; ибо суть дѣйствительныя существа, существующія среди другихъ тварей и одаренныя способностію дѣйствовать среди нихъ и на нихъ, а слѣд. и двигаться. Дѣйствительное существованіе и дѣйствительное свидѣтельство о своемъ существованіи посредствомъ дѣйствія и движенія не приводятъ неотло-

жно къ мысли, что существо, являющееся таковымъ, есть тѣло. Такъ умозаключать никакого нѣтъ основанія. Подобно человѣкамъ движутся и дѣйствуютъ Ангелы, когда являются въ образѣ человѣческомъ, а пребывая въ себѣ, въ своей сферѣ, они конечно и движутся особеннымъ образомъ.

Я. Читаю. «Св. Писаніе свидѣтельствуетъ, что они находятся въ зависимости отъ мѣста и времени, но гораздо въ меньшей степени, нежели мы.»

Стар. Отъ времени зависятъ никакъ не меньше; относительно же мѣста, надо сказать, не гораздо меньше, а совсѣмъ иначе, нежели мы и всякое тѣло. Они существуютъ и дѣйствуютъ въ извѣстномъ мѣстѣ, и когда существуютъ и дѣйствуютъ въ одномъ мѣстѣ, нѣтъ ихъ въ другомъ. Но бываютъ въ мѣстѣ, не наполняя мѣста, подобно тѣламъ; ибо не имѣютъ протяженія, а слѣд. и пространственныхъ измѣреній. Они бываютъ въ мѣстѣ духовно, какъ изъясняетъ св. Дамаскинъ: «будучи умами, Ангелы и существуютъ въ мѣстахъ мысленныхъ, не ограничиваясь тѣлесно; ибо по естеству не облечены плотію и не имѣютъ протяженія; но духовно присутствуютъ и дѣйствуютъ тамъ, гдѣ имъ повелѣно» (Изл. вѣр. кн. II. гл. 3).

Я. Читаю. «Св. Писаніе свидѣтельствуетъ, что они имѣютъ образъ и видъ».

Стар. Имѣютъ образъ и видъ духовный, умственный, который состоитъ не въ какихъ либо внѣшнихъ очертаніяхъ, а въ соотношеніяхъ духовныхъ силъ и въ образѣ ихъ дѣйствованія. Имѣютъ они сей образъ и видъ, по тому философскому положенію, что forma dat esse rei, for-

ma dat distingui et operari.—Въ семъ смыслѣ само Верховное Существо имѣетъ свой образъ, и Единородный Сынъ Божій есть образъ Vпостаси Отчей. Но, имѣя сей духовный образъ и видъ, они, по естеству своему, не имѣютъ вида и образа тѣлеснаго, подобнаго будто виду и образу человѣка; а только, когда являются, бываютъ видимы наиболѣе въ образѣ человѣческомъ. И вотъ о семъ-то послѣднемъ свидѣтельствуетъ Писаніе; о семъ же, вѣроятно, говоритъ и Макарій великій. Т. е. говорятъ объ образѣ, въ какомъ являются Ангелы, а не объ образѣ ихъ существа. Равно и о движеніи Ангеловъ и о зависимости ихъ отъ мѣста въ томъ смыслѣ, какъ мною изложено, св. Писаніе не говоритъ, а говоритъ только въ сихъ отношеніяхъ объ Ангелахъ, когда они являлись людямъ. Заключеніе брошюры на основаніи сихъ мѣстъ о тѣлесности Ангеловъ, о томъ т. е. что поелику являющіеся Ангелы имѣютъ движеніе и зависимы отъ мѣста, то они суть тѣло, — совершенно незаконно, какъ незаконно вообще изъ явленія Ангеловъ заключать, что они суть тѣло. Движеніе и зависимость отъ мѣста не суть исключительныя принадлежности тѣла, такъ чтобъ можно было благонадежно заключить, что гдѣ они, тамъ непремѣнно—тѣло. Ибо и духу невещественному и безтѣлесному свойственно свое движеніе и свой образъ отношенія къ мѣсту.

Сдѣлаю еще одно замѣчаніе о приведенныхъ брошюрою мѣстахъ Писанія. Приводитъ она на стр. 25: *Ангелы на небесахъ выну видятъ лице Отца Моего небеснаго.* Это за тѣмъ, чтобъ показать, что у Ангеловъ, по свидѣтельству слова Божія, есть свое мѣсто жительства. Что должно думать

о мѣстѣ Ангельскомъ, сказалъ намъ св. Дамаскинъ; но припоминаю, что въ другихъ мѣстахъ брошюры говорится, что у Ангеловъ, какъ и въ душѣ, есть глаза, лице, руки и прочіе члены. Какъ существо Ангеловъ, по брошюрѣ, есть тѣло, то кромѣ тѣлесныхъ глазъ у нихъ нельзя предполагать ничего другаго, напр. ока ума и умнаго зрѣнія. Слѣд. когда Ангелы видятъ лице Отца небеснаго, то, по брошюрѣ, видятъ не инымъ чѣмъ, какъ тѣлесными очами. Мы объясняемъ это видѣніе умнымъ зрѣніемъ,—говоримъ, что Ангелы видятъ лице Отца небеснаго духовно, умно созерцаютъ Его; ибо суть духи умные, невещественные; а брошюра этого не можетъ сказать; ибо у ней самое естество Ангеловъ есть тѣло, хотя тонкое, у котораго умныхъ очей быть не можетъ. Но смотрите, что отсюда выходитъ. Ангелы, естествомъ сущіе тѣло, видятъ конечно тѣлесными очами тѣло Отца небеснаго. Такъ какъ тѣлесными очами можно видѣть только тѣлесное: то слѣдуетъ, что и Отецъ небесный имѣетъ лице тѣлесное, или есть тѣло, какъ есть тѣло Ангелъ, видящій Его. Это заключеніе выходитъ, по методу брошюры, какъ дважды-два, и отказаться отъ него она не можетъ. Остается только приложить нерѣдко употребляющійся въ математикѣ оборотъ: что нелѣпо, слѣд. нелѣпо и положеніе, изъ коего прямо вытекаетъ нелѣпое слѣдствіе; нелѣпо, т. е., думать, что естество Ангеловъ—тѣло съ головою, лицемъ, глазами и прочими членами, какіе обычно видимъ у человѣка.

Изъ того, что слѣдуетъ далѣе въ брошюрѣ на стр. 25: *Въ воскресеніи . . . . яко Ангели Божіи на небеси суть*,—преосв. Макарій, въ у-

казанномъ прежде мѣстѣ, стр. 298, выводитъ заключеніе о безплотности Ангеловъ. И я совершенно согласуюсь съ его заключеніемъ, и навожу, что поелику Ангелы таковы, то не суть тѣло.

Не къ мѣсту также приведено ниже, на той же страницѣ, мѣсто о вторичномъ возвращеніи нечистаго духа въ невнимательную душу съ семью другими духами злѣйшими. Во 1-хъ, это мѣсто, равно какъ и то, гдѣ говорится о легіонѣ духовъ вшедшихъ въ одного человѣка, весьма трудно къ уразумѣнію. Изъ того же, о чемъ трудно составить опредѣленную мысль, какъ выводить что либо опредѣленное? Во 2-хъ, если уже выводить что отсюда, то надо вывесть мысль совсѣмъ противную той, какую хочетъ видѣть брошюра. Не то отсюда слѣдуетъ, что Ангелы зависимы отъ мѣста, а то, что, должно быть, они совершенно независимы отъ него: ибо какъ быть семи духамъ или цѣлому легіону въ человѣкѣ, когда въ немъ нѣтъ пустаго мѣста? Иначе нельзя, какъ быть не занимая мѣста, какъ прежде замѣчено нами объ отношеніи Ангеловъ къ мѣсту.

Ну, теперь кажется, все просмотрѣли о мѣстахъ Писанія.

Я. Нѣтъ еще, я не все дочиталъ; осталось нѣсколько строкъ.

Стар. Извольте-же докончить.

Я. Читаю: «Западный писатель говоритъ, что духи облекаются въ тонкія тѣла, когда являются человѣкамъ. Этого въ Писаніи нигдѣ невидно.

Стар. Въ Писаніи ясно видно, что Ангелы суть силы разумныя, духи невещественные, и что они являются людямъ въ человѣческомъ образѣ. Разсуждающему о семъ естественно спросить, откуда бе-

рется сей образъ, видимый и осязаемый, и потомъ взять у св. Отцевъ одно изъ рѣшеній его, наиболѣе общее и наиболѣе сообразное съ существомъ дѣла, именно то, противъ котораго говоритъ теперь брошюра. Что Писаніе объ немъ не говоритъ, изъ этого нельзя выводить ни pro, ни contra. Сама брошюра сказала, начиная приводить мѣста Писанія, что въ немъ нѣтъ полнаго ученія о духахъ; стало, и ожидать нечего отъ него рѣшенія всѣхъ вопросовъ. Писаніе вообще говоритъ о небѣ и небесномъ съ той наиболѣе стороны, съ которой оно можетъ назидать; вопросъ же о естествѣ болѣе созерцательный. Вотъ онъ и оставленъ не со всѣхъ сторонъ раскрытымъ. Въ семъ отношеніи Писаніе даетъ вѣдѣніе только о томъ, о чемъ не хочетъ, чтобъ мы думали иначе, и видно, что оно не хочетъ, чтобы мы думали, что Ангелъ—тѣло; почему ясно говоритъ, что онъ есть духъ, существо разумно-свободное.

Я. Читаю: «Не видно (въ Писаніи) и того, чтобъ Ангелы *измѣнялись* при явленіи человѣкамъ».

Стар. Разумѣть ли подъ словомъ *измѣнялись* то, что Ангелы временно принимаютъ на себя тѣло, или то, что, постоянно будучи облечены тонкимъ тѣломъ, они огрубляютъ его, являясь человѣкамъ, —ни о томъ, ни о другомъ не говоритъ Писаніе, оставляя на свободу намъ самимъ рѣшить сей вопросъ. Молчаніе не есть ни утвержденіе, ни отрицаніе, и изъ того, что Писаніе не говоритъ объ измѣненіяхъ, какія бываютъ у Ангеловъ, когда принимаютъ они тѣло, не слѣдуетъ заключать, чтобы подобнаго измѣненія не было. Св. Іоаннъ Дамаскинъ говоритъ о семъ въ противность брошюрѣ, именно: «когда, говоритъ, Ангелы по волѣ Божіей

являются достойнымъ, то являются не такими, каковы сами по себѣ, но въ нѣкоемъ преобразованномъ видѣ, такъ что видящіе могутъ ихъ видѣть» (Изл. вѣры кн. 11. гл. 3). Припомнишь, что говорила брошюра о достоинствѣ св. Дамаскина, и невольно скажешь, что его словами она сама себя опровергаетъ.

Я. Читаю: «Писаніе говоритъ, что Богъ отверзаетъ очи человѣка, когда Ему угодно бываетъ допустить человѣка до видѣнія Ангеловъ.»

Стар. Первый вопросъ относительно явленія Ангеловъ, *какъ являются они*, св. Отцы наибольшею частію рѣшали такъ: принимаютъ временно на себя тѣло и видимы бываютъ, и весьма немногіе рѣшали его тѣмъ, что Ангелы имѣютъ постоянно тѣло естественное, которое, измѣняясь, становится видимымъ.. Остается рѣшить второй вопросъ: какъ люди видятъ Ангеловъ? Брошюра рѣшаетъ его такъ: Богъ открываетъ очи ихъ, и видятъ..... Рѣшеніе узко и не обнимаетъ всѣхъ случаевъ. Лучше рѣшить сообразно съ тѣмъ, какъ говорится о семъ въ словѣ Божіемъ. Обыкновенно въ Писаніи говорится: такой-то, или такая-то увидѣла св. Ангела, и въ весьма рѣдкихъ случаяхъ упоминается, что Богъ открывалъ очи, и видѣли. Такъ и рѣшимъ, что обыкновенный порядокъ видѣнія Ангеловъ при ангелоявленіяхъ есть тотъ, что, по снисхожденію Божію къ человѣку, они до того отѣлесняются, что бываютъ видимы, какъ всѣ другіе видимые предметы: въ особенныхъ же чрезвычайныхъ случаяхъ ангелоявленій Богъ особеннымъ дѣйствіемъ открываетъ очи людей, потому паче, что Онъ же въ иныхъ случаяхъ и удерживаетъ сіи очи отъ видѣнія. Бро-

торою же цитуется случай явленія Ангела Валаму (Числ. 22, 21—31), гдѣ видимъ оба способа ангеловидѣнія въ дѣйствіи.—Оселъ видитъ Ангела безъ особеннаго при семъ дѣйствія Божія, вѣрно также, какъ видѣлъ онъ всѣ другіе предметы. Но Валаамъ сначала не видитъ Ангела, а потомъ Богъ открываетъ очи его, и видитъ. Въ отношеніи къ Валааму здѣсь видно особое дѣйствіе Божіе, давшее ему увидѣть Ангела, а въ отношеніи къ видѣнію Ангела осломъ не говорится о семъ особомъ дѣйствіи, потому вѣрно, что его не было: ибо тутъ же, коль скоро явлено особое дѣйствіе Божіе надъ осломъ, тотчасъ же о немъ и помянуто, именно: *отверзе Богъ уста осляти и рече*.. Простое разсмотрѣніе сего мѣста ведетъ прямо къ заключенію, что оселъ видѣлъ Ангела натуральнымъ образомъ, какъ видѣлъ всѣ предметы. Отъ сего же случая законно сдѣлать наведеніе и на всѣ тѣ случаи, гдѣ говорится, что кто нибудь изъ людей видѣлъ Ангела, относя способъ видѣнія Ангеловъ чрезъ открытіе Богомъ очей къ тѣмъ только случаямъ особеннымъ, гдѣ о семъ говорится. Принять же исключительно одинъ послѣдній способъ ангеловидѣнія и простирать его на всѣ случаи никакъ нельзя. Содомляне, напр., видѣли Ангеловъ. Ужели можно думать, что Богъ открылъ имъ очи, когда видѣніе сіе было имъ не на созиданіе? Равнымъ образомъ трудно согласиться, чтобъ симъ образомъ видѣны были Ангелы, когда ихъ видѣло множество людей и добрыхъ и злыхъ, и вѣрныхъ и невѣрныхъ, какъ было, напр. въ отношеніи къ Ангелу, руководившему Товію? Но еще несообразнѣе приложить сей же способъ къ видѣнію нечистыхъ духовъ. Природа у нихъ и по

паденіи осталась ангельская, невидимая въ естественномъ порядкѣ ихъ бытія. Ужели же, чтобъ и ихъ видѣть, отверзаетъ Богъ очи видящихъ? — Быть не можетъ. Въ какихъ страшныхъ и безобразныхъ видахъ они являются? И Богъ станетъ открывать очи, чтобъ видѣть сіи страшилища!! Да не будетъ. Имъ положенъ запретъ, чтобъ они не смѣли являться и возмущать покой людей. Уже это бываетъ по особому попущенію Божію, что они являются. И когда являются, видимы бываютъ натурально. Но если для видѣнія этихъ не открываетъ Богъ очей у людей, а они сами являются и становятся видимыми естественно: то чего ради въ отношеніи къ нимъ однимъ мы допустимъ такую привиллегію? Видѣніе духовъ падшихъ видимо затрудняло брошюру, и она въ слѣдующихъ строкахъ хотѣла что-то особенное сказать о нихъ, но ничего не сказала, кромѣ того, что они по лицемѣрству, злобѣ и лукавству принимаютъ разные и ложные виды, имѣя на то способность естественную. Образъ же видѣнія ихъ людямъ не указанъ особый какой. Какъ было натурально послѣ сего протянуть немного разсужденіе и сказать, что если духи нечистые по естественной способности принимаютъ разные виды, безъ особаго участія высшей силы, то и видятъ ихъ люди по естественной способности, безъ особаго дѣйствія при семъ Божія;—а потомъ прибавить: если этотъ способъ видѣнія духовъ допустимъ въ отношеніи къ духамъ нечистымъ, почему не допустить его къ св. Ангеламъ?!

Я. Читаю. «Западному писателю взойти бы въ разсужденіе, гдѣ хранятся тонкія тѣла, въ которыя облекаются духи для явленія человѣкамъ, ког-

да въ этихъ тѣлахъ не имѣется нужды, потому что, по мнѣнію его, духи облекаются въ тонкія тѣла только тогда, когда имъ предстоитъ явиться человѣкамъ.»

Стар. Въ разсужденіе объ этомъ не одинъ западный писатель долженъ войти, но и всѣ тѣ, кои признаютъ духовъ безтѣлесными. Берусь отвѣтить за себя, а пожалуй и за нихъ, если имъ угодно будетъ согласиться со мною. Спрашивается: гдѣ хранятся тонкія тѣла, въ которыя облекаются духи, являясь людямъ? Отвѣчаю: тамъ же, гдѣ хранилось тѣло Господа, въ которомъ Онъ явился Аврааму, въ которомъ боролся съ Іаковомъ, въ которомъ видимъ былъ въ раю, и пр. Ибо во всѣхъ сихъ и подобныхъ случаяхъ Онъ принималъ тѣло на время, слѣд. гдѣ нибудь его бралъ. Такъ гдѣ Господь бралъ тѣло, тамъ берутъ его и духи, и гдѣ хранились тѣ Господни тѣла, тамъ хранятся и тѣла духовъ.

Я. Но то Господь. Повелитъ, — соберутся вокругъ Его стихіи и образуютъ тѣло; повелитъ снова,—стихіи разрѣшатся и не станетъ тѣла.

Стар. Но Тотъ же Господь, сотворившій духовъ по образу и подобію Своему, могъ даровать и имъ способность собирать вокругъ себя стихіи и облекаться въ видимое тѣло, когда сіе нужно бываетъ для исполненія святой Его воли. Я не вижу тутъ ничего невозможнаго. Не невозможно сіе со стороны Бога: онъ готовъ даровать твари всякое благо, которое она способна вмѣстить. Спрашивается: можетъ ли духъ вмѣстить такую способность? Отвѣчаю: можетъ; ибо онъ есть сила, дѣйствительно существующая среди другихъ тварей, и — сила высшая всего вещественнаго, сколько бы силь-

нымъ и мощнымъ оно ни являлось. Высшее же по естеству можетъ натурально господствовать надъ естествами низшими, и низшія естества должны естественно покорствовать и подчиняться высшимъ. Такъ я полагаю, что духамъ безплотнымъ Богъ даровалъ способность привлекать къ себѣ, когда сіе требуется, извѣстныя стихіи и образовывать изъ нихъ вокругъ себя извѣстную оболочку, и потомъ, когда минуется надобность, отрѣшать ихъ отъ себя и возвращать въ первое состояніе. Симъ способомъ Ангелы образуютъ себѣ какъ тѣло въ видѣ человѣческомъ, въ которомъ обыкновенно являются, такъ и одежду и все, съ чѣмъ и какъ являются; и симъ же способомъ все сіе опять разлагается на свои стихіи. И мнѣ кажется, что этотъ способъ объясненія есть самый простой и натуральный, а главное—обнимающій всѣ случаи ангелоявленій. Возьмите вы магнитъ и помѣстите его среди опилковъ желѣзныхъ, они тотчасъ привлекутся къ нему и облѣпятъ его со всѣхъ сторонъ. Парализируйте какимъ либо способомъ силу магнита,—опилки всѣ отпадутъ и магнитъ останется голымъ. Точно также и у духовъ есть естественная способность привлекать и отрѣшать стихіи. Только, что въ магнитѣ дѣйствуется механически, то у духовъ совершается въ подчиненіи свободѣ и разуму. Душа наша, какъ учитъ св. Григорій Нисскій, сама образуетъ же себѣ тѣло. Но этотъ процессъ образованія очень дливенъ, и притомъ душа, образовавши себѣ тѣло, не имѣетъ свободы по желанію разрѣшить его, потому что есть по естеству своему духъ низшаго достоинства. Духи же высшіе и образуютъ себѣ тѣла и разрѣшаютъ ихъ мгновенно и притомъ по своему

желанію, или Божію изволенію. Еще: душа наша во снѣ, а иногда и на яву воображаетъ себя въ разныхъ состояніяхъ и видахъ. Переношу сіе на духовъ и говорю: что душа можетъ воображать только, то духъ высшій можетъ для себя самимъ дѣломъ производить, конечно по условіямъ своего высшаго духовнаго образа существованія и дѣйствованія и въ подчиненіи всѣмъ правящему Верховному существу.—Такъ объясняю я, откуда берутъ и куда дѣваютъ Ангелы тѣла свои, въ которыхъ являются. Теперь, въ свою очередь, позволяю себѣ спросить брошюру: Ангелы по естеству—тѣло. Но принадлежности ихъ явленія, каковы: одежда разная, разныя орудія—мечъ, напр. или жезлъ, также — разные возрасты—видъ юноши, мужа.... и пр. не принадлежатъ конечно къ естеству. Откуда все это? Пусть объясняетъ, какъ умѣетъ, только напередъ одного не могу допустить, именно, что есть особое мѣсто, гдѣ Ангелы чувственно живутъ, чувственныя имѣютъ жилища, чувственно одѣваются, питаются, взаимно обращаются, хотя эта чувственность признается самою тонкою. На это одно никакъ согласиться не могу. Это по моему грубо, при всей допускаемой утонченности, низко, недостойно ни Бога, ни Ангеловъ.

Я. Теперь кончено все о мѣстахъ Писанія, приводимыхъ въ брошюрѣ въ подтвержденіе своего мнѣнія о тѣлесности ангельскаго естества. Вижу изъ вашихъ словъ, что брошюра ничѣмъ изъ Писанія не доказала, чтобъ Ангелъ былъ тѣло, напротивъ изъ всего почти приведеннаго сію давала основаніе законно выводить совершенно противоположное заключеніе, и вполнѣ съ вами соглашаюсь. Но вѣдь въ Писаніи нѣтъ, кажется, пря-

мыхъ указаній и на то, что Ангелъ есть духъ. Пусть брошюра неправа, ссылаясь на приводимыя ею мѣста Писанія: но имѣетъ ли что въ Писаніи въ свое подтвержденіе и противоположная мысль?

Стар. Да за чѣмъ же мы съ вами перечитывали, что говорится въ Богословіи преосв. Макарія? Тамъ ясно доказано изъ Писанія, что Ангелъ есть духъ и духъ безтѣлесный. Чтоже еще объ этомъ толковать? Коротенько впрочемъ напомню вамъ. Брошюра учитъ, что только одинъ Богъ есть духъ; твари всѣ суть тѣло. Доказывается изъ Писанія, что кромѣ Духа — Бога должны быть духи и твари. Ибо въ Евангеліи отъ Іоанна говоритъ Господь: *Духъ есть Богъ, и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися.* Скажите мнѣ пожалуста: какъ Богу Духу кланяться духомъ, когда между тварями нѣтъ духа? Чтобъ кланяться духомъ, надо имѣть естество духовное: ибо тѣло какъ будетъ кланяться духомъ?—Будетъ дѣйствіе не по причинѣ. Итакъ, по требованію слова Божія, заключаю, что между тварями Божіими должны быть духовныя существа, подобныя Богу по духовности. Этого одного уже и достаточно въ подтвержденіе истины противоположной мнѣнію брошюры. Но когда такимъ образомъ доказано, что слово *духъ*, въ отношеніи къ тварямъ, въ одномъ мѣстѣ Писанія означаетъ духовность богоподобную; то мы не имѣемъ никакого основанія иначе кривотолковать сіе слово, когда оно прилагается къ Ангеламъ и душамъ въ другихъ мѣстахъ Писанія, и разумѣть подъ нимъ какое то тончайшее эфирное тѣло. Такъ, когда говорится объ Ангелахъ: *не вси ли суть служебніи дуси,* никто не имѣетъ права разумѣть подъ сими словами иное что, кромѣ богоподобной духов-

ности. Этимъ замѣчаніемъ теперь и ограничусь. Вы видите, что по Писанію не всѣ твари—тѣло, а должны быть между ними духи, каковы Ангелы, а вслѣдъ за ними и души наши.

Я. Благодарствую. Кажется, вы утомились. Не отложить ли намъ дальнѣйшее изслѣдованіе до другаго времени?

Стар. Хорошо. Я между тѣмъ еще покапаюсь у св. Отцевъ, чтобъ осмотрѣть этотъ предметъ, съ помощію ихъ, поподробнѣе.

Такъ кончилась и сія бесѣда.

г) Разсмотрѣніе свидѣтельствъ св. Отцевъ, приводимыхъ брошюрою.

аа) Свидѣтельства особенной важности,—св. Іоанна Дамаскина и Макарія Великаго.

День-другой спустя, приходитъ опять старецъ, улучивъ свободное время. Не медля, приступаемъ къ дѣлу.

Стар. Теперь намъ слѣдуетъ пересмотрѣть свидѣтельства св. Отцовъ, на которыя ссылается брошюра.

Я. Хорошо. Читать что-ли прикажите?

Стар. Нѣтъ. Читать трудно; потому что отеческія свидѣтельства какъ то не въ одномъ въ ней мѣстѣ. Я самъ буду указывать, если окажется нужнымъ прочитать что.

Я. И это пусть. Извольте начинать. Вниманіе готово.

Стар. Я нахожу во всей брошюрѣ только два вѣскихъ свидѣтельства св. Отцевъ въ пользу ея мнѣнія о тѣлесности естества Ангеловъ и душъ, именно, свидѣтельство св. Іоанна Дамаскина и св.

Макарія вел. Свидѣтельства другихъ св. Отцевъ, приводимыя брошюрою, говорятъ совсѣмъ не то, чего хочетъ брошюра, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ тѣже Отцы ясно произносятъ сужденія, совершенно противоположныя мнѣнію брошюры. Слѣд. стоитъ только отнять силу доказательности первыхъ двухъ свидѣтельствъ, и мнѣніе брошюръ останется и съ этой стороны безъ доказательствъ.

Начинаю съ св. Іоанна Дамаскина. Онъ собственно одинъ есть свидѣтель вѣскій, намѣренно разсуждающій о естествѣ Ангеловъ, тогда какъ св. Макаріи выражаетъ свое мнѣніе мимоходомъ. Мнѣніе св. Дамаскина собственными его словами очень коротко, впрочемъ приведено только въ Словѣ о смерти, а въ Прибавленіи къ сему слову взято изъ догматическаго Богословія—учебника, гдѣ оно, по требованію системы, выражено болѣе перифразомъ. Да въ отрывкахъ что увидишь? Нѣтъ ли у васъ св. Дамаскина? Надо прочитать все въ связи, и откроется, что св. Дамаскинъ совсѣмъ не тѣхъ мыслей, какихъ держатся брошюры.

Я. Есть и еще въ подлинникѣ.

Стар. Тѣмъ лучше. Найдите объ Ангелахъ и читайте.

Я. Нахожу и читаю (кн. 2 о прав. вѣрѣ гл. 3). «Онъ (Богъ) есть Ангеловъ творецъ и создатель, изъ несущаго приведшій ихъ въ бытіе, по образу своему сотворившій ихъ—*естество безтѣлесное, какъ бы духъ нѣкій и огнь невещественный*, какъ говоритъ Божественный Давидъ: *творяй Ангелы своя духи и слуги своя огнь палящъ* (Пс. 103, 4).

Стар. Замѣчайте слова сіи: *естество безтѣлесное, какъ бы нѣкій духъ и огнь невещественный*—св. Дама-

скинъ говоритъ здѣсь точь въ точь словами св. Григорія Богослова, который, помнится мнѣ, сказавши: какъ бы духъ нѣкій и огнь невещественный, и опасаясь, какъ бы кто не введенъ былъ этими словами въ заблужденіе и не приписалъ Ангеламъ какой либо вещественности, прибавилъ: «духомъ же и огнемъ называется естество сіе (Ангельское), частію, какъ мысленное, частію, какъ очистительное (а не какъ, т. е. что нибудь вещественное, хотя и тонкое); потому что и первая сущность (Богъ) пріемлетъ тѣже именованія (Слово 28 въ концѣ. т. 3, стр. 50). Видите, какая мысль у св. Богослова! Какъ въ Богѣ, когда именуется Онъ духомъ и огнемъ, не должно видѣть что либо вещественное, такъ ничего вещественнаго не должно видѣть и въ Ангелахъ. Такова же конечно мысль и св. Дамаскина, т. е. и онъ не видѣлъ въ Ангелахъ ничего вещественнаго.

Я. Читаю. «Итакъ Ангелъ есть естество *мысленное,* присно-движное, самовластное, *безтѣлесное,* Богу служащее, по благодати въ природѣ (своей) безсмертіе пріявшее: каковаго естества видъ и предѣлъ вѣдаетъ одинъ Творецъ. Безтѣлеснымъ же и невещественнымъ называется оно, поколику поставляется въ сравненіе съ нами: ибо все, будучи поставляемо въ сравненіе съ Богомъ, единымъ несравненнымъ, оказывается грубымъ (pachi—толстымъ, массивнымъ) и вещественнымъ. Одно Божество есть собственно невещественно и безтѣлесно.»

Стар. Вотъ это и есть главное мѣсто, на которомъ опираются брошюры и подобные имъ мыслители. На немъ станемъ всѣмъ вниманіемъ, чтобъ опредѣлить, есть ли тутъ ученіе о тѣлесности ес-

тества Ангельскаго, или нѣтъ. Я утверждаю, что такого ученія здѣсь нѣтъ, и утвержденіе сіе вывожу, въ 1-хъ, изъ разсмотрѣнія самаго мѣста, въ 2-хъ, изъ сличенія его съ другими мѣстами тойже главы, и въ 3-хъ, изъ показанія, какъ учили объ Ангелахъ тѣ св. Отцы, изъ которыхъ извлекалъ свое ученіе объ Ангелахъ св. Дамаскинъ, какъ значится и въ брошюрѣ (Приб. къ сл. о см. стр. 22).

1-е. Самое мѣсто говоритъ ли рѣшительно, что Ангелъ—тѣло, какъ хотятъ брошюры? Не говоритъ. Оно говоритъ только, что если поставить естество Ангельское въ сравненіе съ Богомъ, то оно окажется грубымъ и вещественнымъ, пребывая невещественнымъ само въ себѣ (ибо таково главное положеніе ученія объ Ангелахъ), и въ отношеніи къ намъ. Говоритъ: будучи сличаемо, т. е. когда взглянешь на Ангельское естество послѣ созерцанія ни съ чѣмъ несравнимаго Божескаго естества, оно оказывается грубымъ и вещественнымъ; подобно тому,—прибавлю я,—какъ съ ярко—освѣщеннаго солнцемъ надворья вошедши въ не такъ свѣтло освѣщенную комнату, находятъ ее мрачною, или какъ разгоряченную въ горячей водѣ рукою коснувшись теплой воды, находятъ ее холодною. Но какъ здѣсь послѣ тотъ же самый, который въ указанныхъ случаяхъ считалъ комнату темною и воду холодною, признаетъ комнату свѣтлою, когда глазъ освободится отъ впечатлѣнія яркаго солнечнаго свѣта, и воду теплою, когда прохладится разгоряченная рука, признаетъ т. е. что въ комнатѣ нѣтъ отсутствія свѣта, и въ водѣ—тепла, какъ ему показалось: такъ и въ отношеніи къ Ангеламъ, когда смотрятъ на нихъ прямо, не могутъ не признать, что они суть

духи. Такова точно мысль св. Дамаскина. Онъ не отрицаетъ духовности у Ангеловъ и душъ, а утверждаетъ только, что ихъ духовность такова, что если сравнить ее съ Божескою, то она покажется грубою. Вообще и св. Дамаскинъ и другіе св. отцы, когда послѣ созерцанія Бога обращаются умомъ къ тварямъ, не видятъ въ послѣднихъ ничего существенно твердаго, хотя по дару Бога Творца они обладаютъ многими совершенствами. Есть безсмертныя твари; но въ сравненіи съ Богомъ никто не безсмертенъ (св. Дамаск. въ тойже главѣ); есть простыя, но въ сравненіи съ Богомъ ничто не просто (Васил. вел. т. 6. стр. 27); есть благія, но въ сравненіи съ Богомъ никто не благъ; наконецъ, все твореніе имѣетъ бытіе, дарованное ему Богомъ, но въ сравненіи съ Богомъ, Который единъ есть Сый, все есть какъ бы призракъ и ничто. Но какъ въ послѣднихъ случаяхъ не отрицается у тварей ни бытіе, ни простота, ни безсмертіе, въ свойственной имъ степени: такъ и въ первомъ не отрицается невещественность Ангеловъ и душъ, хотя признаются они оказывающимися вещественными, если сравнить ихъ съ Божескимъ естествомъ. Въ тваряхъ Божіихъ бытіе, простота, благость, безсмертіе хотя суть не иначе, какъ по благодати Божіей (разумѣется, конечно, благодать творенія), но все же суть въ естествѣ ихъ, какъ о безсмертіи Ангеловъ утверждаетъ св. Дамаскинъ: «по благодати въ естествѣ безсмертіе пріявшіе». Значитъ, все-же онъ признаетъ Ангельское естество безсмертнымъ.—Такъ точно должно толковать и его понятіе о невещественности Ангеловъ,—что оно въ нихъ есть, хотя есть по благодати и въ извѣстной, совмѣстной съ тварностію степени. Когда

говоритъ онъ, напр. (въ тойже кн. 12 гл. въ ученіи о человѣкѣ), что безтѣлесно, невидимо и безформно одно по естеству, какъ Богъ, а иное—по благодати, каковы Ангелы, демоны, души, какъ сомнѣваться, что онъ признавалъ сихъ послѣднихъ въ своемъ родѣ невещественными и безтѣлесными? Вообще, когда, желая выразить мысль св. Дамаскина о естествѣ Ангеловъ и душъ, прямо говорятъ, что онъ признавалъ ихъ невещественными только сравнительно съ нами, поступаютъ весьма несправедливо. Прямая мысль св. Дамаскина та, что они суть вещества мысленныя, невещественныя, безтѣлесныя; та же мысль, что они таковы сравнительно съ нами, ставится въ оговоркѣ, а это не одно и тоже, что прямо говорить. Въ приведенномъ мѣстѣ онъ прямо говоритъ о невещественности, а потомъ дѣлаетъ оговорку объ относительности сей невещественности. Еще очевиднѣе это выражаетъ онъ, когда въ 12 гл. тойже книги приступаетъ къ ученію о человѣкѣ. «Такъ, говоритъ онъ, Богъ создалъ естество мысленное, т. е. Ангеловъ и всѣ небесные чины». Т. е. преясно, ясно какъ день, внѣ всякаго сомнѣнія, они суть природы мысленной и безтѣлесной. Вотъ его главное положеніе объ Ангелахъ. Прибавка же та (она и здѣсь тотчасъ слѣдуетъ) о сравнительной духовности предостерегаетъ только, какъ бы кто не сравнялъ естества Ангеловъ съ естествомъ Божескимъ: ибо хотя Ангелы Богоподобны, но не единосущны Богу. —Итакъ напрасно брошюры опираются на приведенное мѣсто св. Іоанна Дамаскина. Оно не имѣетъ той мысли, какую хотятъ въ немъ видѣть. Дѣлая же изъ него выводъ о вещественности естества Анеловъ и душъ, допускаютъ фальшь въ умо-

заключеніи, какъ уже и показано было намъ. Вотъ я припомнилъ теперь, какъ она называется, софизмъ, когда дѣлаютъ заключеніе a dicto secundum quid ad dictum absolute.—Кажется такъ.

2-е. Смотрите-ка, что далѣе говоритъ св. Дамаскинъ объ Ангелахъ, и вы согласитесь, что ни подъ какимъ видомъ нельзя въ св. Іоаннѣ Дамаскинѣ предполагать мысль о вещественности Ангельскаго естества. Прочитайте, напр., о томъ, какъ св. Дамаскинъ объясняетъ взаимное общеніе между собою Ангеловъ.

Я. Читаю. «Ангелы суть свѣты мысленные, вторые, отъ перваго и безначальнаго свѣта имѣющіе просвѣщеніе, не нуждающіеся въ *языкѣ и слухѣ*, но безъ членораздѣльнаго (proforikon) слова передающіе другъ другу свои помышленія и желанія.»

Стар. Какая тутъ вещественность? Еслибъ вещественными признавалъ ихъ св. Дамаскинъ, сказалъ бы, что имѣютъ языкъ и очи и прочіе члены, видятъ другъ друга, бесѣдуютъ другъ съ другомъ, другъ друга посѣщаютъ. Вотъ брошюры признаютъ Ангеловъ вещественными, такъ уже и утверждаютъ, что у нихъ есть и голова, и очи и уста, и перси, и руки, и ноги, и волосы, словомъ— все, что и у человѣка.

(Стр. 13 Сл. о Смерти). «Если св. Дамаскинъ ничего такого не допускаетъ, а напротивъ взаимное общеніе Ангеловъ объясняетъ духовнымъ, мысленнымъ образомъ; то очевидно, что онъ и признаетъ Ангеловъ вещественными.» Прочитайте еще, какъ понимаетъ св. Дамаскинъ отношеніе Ангеловъ къ мѣсту.

Я. Читаю. «Какъ умы, они въ мысленныхъ и мѣстахъ суть, не будучи описуемы подобно тѣ-

ламъ: ибо по естеству своему они не имѣютъ вида или образа подобно тѣламъ, не имѣютъ и трехъ измѣреній, но *мысленно* бываютъ присущи и дѣйствуютъ тамъ, гдѣ имъ повелѣно, и не могутъ въ одно и тоже время быть и дѣйствовать здѣсь и тамъ.»

Стар. И это совершенно освобождаетъ естество Ангеловъ отъ тѣхъ грубыхъ формъ, въ какихъ представляютъ ихъ брошюры, основываясь на явленіяхъ и образъ явленія перенося на образъ естества. А св. Дамаскинъ учитъ, что хотя нѣтъ ихъ на небѣ, когда они на землю посылаются, и хотя не могутъ они въ одно и тоже время быть здѣсь и тамъ; но когда бываютъ на какомъ мѣстѣ, то бываютъ не такъ, чтобъ очертывались здѣсь какою либо формою, протяженною въ высоту, длину и широту. Такихъ измѣреній они не имѣютъ, не имѣютъ и никакого вида, какъ свойственно имѣть тѣламъ. Потому только можно сказать: они здѣсь, а не тамъ, что они здѣсь оказываютъ свое, дѣйствіе а не тамъ. Чтобъ не сочли, что я самовольно толкую слова св. Дамаскина объ отношеніи Ангеловъ къ мѣсту, называющаго мѣсто ихъ мѣстомъ мысленнымъ, потрудитесь прочитать, какъ понимаетъ свое мысленное мѣсто самъ св. Дамаскинъ. Это въ 1 книгѣ гл. 13, листика три по выше.

Я нахожу и читаю. «Есть же и мысленное мѣсто—то, гдѣ созерцается и есть мысленное и безтѣлесное естество; гдѣ оно присуще и дѣйствуетъ, мысленно, а не объемлясь тѣлесно или подобно тѣламъ. Ибо оно не имѣетъ вида, чтобъ быть объяту тѣлесно.»

Стар. Ну вотъ, какъ есть безтѣлесное въ из-

вѣстномъ мѣстѣ! Есть, присущъ, дѣйствуетъ, но не занимаетъ его и не обнимается имъ.—Почитайте дальше еще собственно о мѣстѣ Ангельскомъ.

Я читаю. «Ангелъ не содержится въ мѣстѣ подобно тѣламъ, такъ чтобъ принималъ образъ какой, или видъ. Но говорится, что онъ бываетъ въ извѣстномъ мѣстѣ ради того, что мысленно присущъ въ немъ и дѣйствуетъ по своему естеству, и что въ тоже время не бываетъ въ другомъ мѣстѣ, но тамъ мысленно представляется, гдѣ и дѣйствуетъ. Ибо не можетъ онъ въ одно и тоже время дѣйствовать въ разныхъ мѣстахъ.»

Стар. Теперь ясно, какъ день, что если Ангелы не занимаютъ мѣста и не обнимаются имъ, если никакого не имѣютъ протяженія и вида; то они не имѣютъ никакой вещественности, какою бы тонкою ее ни воображали. И дивиться только надо, какъ брошюры, до небесъ превозносившія св. Дамаскина, осмѣливаются въ мнѣніи своемъ объ Ангелахъ идти совершенно поперекъ ему. Св. Дамаскинъ говоритъ, что они не подлежатъ пространственнымъ измѣреніямъ, не имѣютъ вида, не очерчиваются въ какой либо формѣ, подобно тѣламъ; а брошюры что?

(*Стран.* 16 Сл. о смерти, въ примѣч.) «Ангелы подчинены пространству. Понятіе о подчиненіи пространству неразлучно отъ понятія о подчиненіи формѣ... Ангелы по отношенію къ пространству имѣютъ форму (стр. 17).. форма ограниченнаго существа непремѣнно обрисовывается, такъ сказать, самыми его предѣлами, оконечностями; обрисованное такимъ образомъ существо имѣетъ свой видъ». Совсѣмъ напротивъ.—Невольно спросишь: знакомы ли брошюры съ св. Дамаскинымъ? Но опять,

за чѣмъ же онѣ ссылались на него? Уже не за тѣмъ ли, чтобъ прикрыть себя?!! А еще насъ укоряли «Къ сожалѣнію (тамъ же), говорятъ, и у насъ нѣкоторые участвуютъ въ темномъ и неопредѣленномъ мнѣніи..... западныхъ умствователей на счетъ безтѣлесности сотворенныхъ духовъ.»—Да, мы буквально слѣдуемъ ученію св. Дамаскина (и др. отцевъ), какъ это очевидно. Вы же какимъ темнымъ внушеніямъ слѣдуете, напереча во всемъ св. Дамаскину? Восхвалили вы св. Дамаскина, а теперь совершенно ему противорѣчите. А мы умѣреннѣе васъ смотримъ на достоинство св. Дамаскина, между тѣмъ совершенно ему послѣдуемъ. Судите теперь сами, кто изъ насъ послѣдуетъ св. Отцамъ, и кто увлекается своимъ умствованіемъ и воображеніемъ?!—Это я стороною проговорилъ, ради того что брошюры насъ задѣваютъ, будто мы послѣдуемъ какимъ-то темнымъ мнѣніямъ западниковъ, а они — питомцы св. Отцевъ. Такъ и хотѣлось намекнуть читающимъ, что на оборотъ, мы питомцы Отцевъ, а не брошюры.

Но и еще есть одно мѣсто у св. Дамаскина въ нашу пользу, именно—о времени сотворенія Ангеловъ. Прочитайте-ка! Въ тойже 3 гл. кн. 2, къ концу.

Я. Читаю. «Нѣкоторые утверждаютъ, что Ангелы сотворены прежде всякаго творенія, какъ говоритъ и св. Григорій Богословъ: « во 1 хъ измышляетъ (Богъ) Ангельскія, небесныя силы, и мысль стала дѣломъ..». Совершенно согласуюсь съ Богословомъ и я. «Ибо надлежало прежде быть создану мысленному естеству, потомъ—чувственному и наконецъ—человѣку, единому изъ обоихъ».

Стар. Тогоже точно мнѣнія и Василій вел.—

Вотъ три свидѣтеля. При троихъ же свидѣтеляхъ станетъ всякъ глаголъ. Но какой? Конечно не глаголъ брошюръ, а нашъ. Спросимъ ихъ: если Ангелы сотворены прежде всего тѣлеснаго и вещественнаго безъ ограниченія: то какъ можно думать, чтобъ они были тѣло, хотя бы-то тонкое? Не говорятъ св. отцы, что прежде сотворены тонкія тѣла — Ангелы, а потомъ другія тѣла грубыя; а вообще утверждаютъ, что Ангелы сотворены прежде всякой вещественной твари. Слѣд. по ихъ мнѣнію, въ Ангелахъ не должно видѣть рѣшительно ничего вещественнаго.

Я. Теперь все объ Ангелахъ. И я вижу теперь ясно-преясно, что общій выводъ изъ всей главы объ Ангелахъ долженъ быть тотъ, что св. Дамаскинъ совершенно чуждъ былъ, мысли о какой нибудь тѣлесности въ Ангелахъ.

Стар. Да. Теперь остается еще намъ провѣрить мысль св. Дамаскина въ 3 сличеніяхъ его съ тѣми отцами, которыхъ онъ самъ цитуетъ.—Прибавленіе къ сл. о смерти заключаетъ свое восхваленіе св. Дамаскину, которому не стыдится однакожъ рѣшительно противорѣчить слѣдующими словами, стр. 22: «ученіе объ Ангелахъ и вообще о духахъ и душѣ св. Дамаскинъ основываетъ на твореніяхъ *Аѳанасія вел.*, *Григорія Богослова, Ѳеодорита* Исповѣдника и *Немезія,* какъ это видно въ его книгѣ изъ цитатъ.»—Слѣд. если мы найдемъ, что всѣ сіи отцы признавали Ангеловъ и душу совершенно невещественными и безтѣлесными, то таковымъ же должны будемъ признать и мнѣніе св. Дамаскина, не смотря на то, что онъ употреблялъ фразы объ относительной тѣлесности Ангеловъ и душъ.—Давайте пересматривать.

Я. Хорошо. Но едва ли мы найдемъ подъ руками писанія всѣхъ сихъ отцевъ.

Стар. Ну, какія найдемъ, ихъ пересмотримъ. Кое-что буду припоминать самъ и не искавши. Такъ, напр. въ писаніяхъ св. Аѳанасія о естествѣ Ангеловъ ничего не говорится. Сколько ни рылся, ничего не нашелъ. Есть нѣсколько мѣстъ, и сильныхъ, о подчиненіи ихъ Богу—Слову и поклоненіи Ему; о естествѣ ихъ не приходилось ему говорить. Въ Богословіи преосв. Макарія приводится одно изрѣченіе св. Аѳанасія, какое мы уже выписали прежде, именно: «Ангелъ есть существо разумное, невещественное (avlon), пѣснословящее, безсмертное...» (de comm. Ess. P. 5 p. 5); но я не умѣлъ найдти его въ подлинникѣ, а тамъ, можетъ быть, около этого изрѣченія есть и другое что. Въ жизнеописаніи св. Антонія, именно—въ рѣчи преподобнаго къ братьямъ о козняхъ злыхъ духовъ, говорится (т. 3, стр. 233 въ концѣ... съ подлинника): «что удивительнаго, если они, пользуясь тончайшими паче человѣческаго тѣлами (leptoteris chroomeni somasi) и увидѣвъ вступившихъ въ путь, предваряютъ ихъ въ шествіи и возвѣщаютъ о нихъ. Употребленное здѣсь слово: chroomeni—пользуясь,—дастъ намъ право видѣть у св. Аѳанасія ту мысль, что демоны не суть тѣло и не носятъ тѣла, а только временно пользуются имъ, когда нужно, какъ пользуется иной какимъ орудіемъ, которое беретъ, когда нужно, и отлагаетъ, когда оказывается оно ненужнымъ. Не смотря, впрочемъ, на то, что только два изрѣченія можемъ мы привесть изъ св. Аѳанасія, всякій непредубѣжденный согласится, что, судя по нимъ, нельзя предполагать въ св. Аѳанасіи мысли о тѣлесности Ангеловъ.

Я. Изъ этихъ-то мѣстъ точно выходитъ вашъ выводъ; но вотъ въ Прибав. къ сл. о смерти, стр. 28, дѣлается пространная выписка изъ св. Аѳанасія, съ цѣлію показать, что онъ признавалъ духовъ тѣломъ.

Стар. Знаю, что дѣлается такая выписка; но какъ она ни пространна, ни мало не доказываетъ того, что хотятъ ею доказать. Выписка эта взята изъ тойже рѣчи, изъ которой мы предъ симъ взяли одно мѣсто, ясно намекающее на мысль св. Антонія и св. Аѳанасія о безтѣлесности духовъ. Но во всей рѣчи только и есть это мѣсто, которое можетъ быть отнесено къ опредѣленію естества духовъ. Вся же рѣчь св. Антонія совсѣмъ не тѣмъ занимается. Она изображаетъ разныя явленія духовъ злыхъ и козни, какія употребляютъ они для соблазна подвизающихся, и научаетъ, какъ ихъ разгадывать и противостоять имъ. Изъ явленія духовъ, какъ мы рѣшили и при разсмотрѣніи свидѣтельствъ Писанія, выводить мысли о тѣлесности естества ихъ нельзя, безъ нарушенія правилъ здраваго умствованія. Слѣд. вся эта длинная выписка брошюркою сдѣлана напрасно. Только пыль въ глаза пускаетъ многословіемъ.

Пришло мнѣ на мысль попробовать, не *восполнимъ* ли мы недостатокъ свидѣтельствъ св. Аѳанасія о безтѣлесности Ангеловъ, свидѣтельствами его о невещественности души. Если докажется словами св. Аѳанасія, что душа — не тѣло, и это одно будетъ противъ брошюръ, потому что по нимъ, ничего вообще нѣтъ нетѣлеснаго, кромѣ Бога. Дайте-ка мнѣ первую часть св. Аѳанасія въ русскомъ переводѣ. Я буду читать, а вы записывайте мои замѣтки въ текстѣ, очерчивайте скобка-

ми.

Въ Словѣ на язычниковъ св. Аѳанасій счелъ нужнымъ (стр. 50—55) для простыхъ людей вкратцѣ доказать и то, что всякій человѣкъ имѣетъ *душу*, и душу *разумную*; (разумную! — стало, невещественную, хотя бы то тонкаго вещества: ибо веществу и наитончайшему несвойственна разумность) потому что иные, особенно еретики, отрицаютъ и сіе, полагая, что человѣкъ есть не болѣе, какъ *видимый образъ тѣла.* (Это точь въ точь противъ Слова о смерти, по которому (стр. 12) и душа — эѳирное, весьма тонкое, летучее тѣло, имѣющее весь видъ нашего грубаго тѣла, всѣ его члены, даже волосы, его характеръ лица,—словомъ, полное сходство съ нимъ. Слѣд. (—по сей брошюрѣ) —вообще въ человѣкѣ ничего нѣтъ, кромѣ видимаго образа тѣла, то грубаго, то эѳирнаго. Св. Аѳанасій, отвергая ту мысль, что въ человѣкѣ ничего нѣтъ, кромѣ видимаго образа тѣла, отвергаетъ вообще грубую мысль брошюры, что душа вещественна).

Стр. 5. «Первымъ, немалымъ признакомъ того, что душа человѣческая разумна (т. е. духовна, невещественна, по невозможности самому эѳирному веществу приписать разумность) служитъ отличіе ея отъ безсловесныхъ; ибо по естественной привычкѣ называемъ мы ихъ безсловесными по тому самому, что родъ человѣческій разуменъ. А потомъ немаловажнымъ будетъ доказательствомъ и то, что одинъ человѣкъ о находящемся внѣ его мысленно представляетъ, чего нѣтъ предъ нимъ, и опять разсуждаетъ и обсуждаетъ, чтобъ изъ обдуманнаго избрать лучшее (дѣйствія совершенно несвойственныя никакому веществу, какъ бы

тонкимъ его ни воображали). Безсловесныя видятъ то одно, что предъ ними, стремятся къ тому одному, что у нихъ предъ глазами, хотя бы въ послѣдствіи былъ отъ того имъ вредъ; но человѣкъ стремится не къ видимому, а напротивъ того, видимое глазами обсуждаетъ разсудкомъ (т. е. не подчиняется закону взаимовпечатлѣній и взаимовлеченій, царствующему между тѣлами, даже и тонкими, а стоитъ внѣ ихъ; потому что имѣетъ душу совершенно невещественную, и, вслѣдствіе того, способную отрѣшаться отъ законовъ необходимости, какимъ связано все вещественное). Нерѣдко, устремившись уже (человѣкъ), разсудкомъ бываетъ удержанъ, и что имъ обдумано, обдумываетъ снова. Удержите-ка вы что либо вещественное, когда оно возбуждено! Остановите электричество, когда оно уже въ движеніи?! Надобно прекратить токъ, и оно остановится. Но душа, не переставая дѣйствовать въ себѣ, прекращаетъ одно направленіе и принимаетъ другое. Явно, что характеристика ея совсѣмъ не похожа на характеристику силъ вещественныхъ, даже самыхъ тонкихъ). И всякій, если только онъ другъ истины, сознаетъ, что *умъ человѣческій — не одно и тоже съ тѣлесными чувствами* (и душа человѣческая съ тѣломъ и всѣмъ тѣлеснымъ вообще: это противоположности по свойствамъ и дѣйствіямъ). Потому (умъ), какъ нѣчто иное, бываетъ судіею самыхъ чувствъ. Дѣло глаза — видѣть только, дѣло ушей—слышать, устъ—вкушать, ноздрей—принимать въ себя запахъ, рукъ—касаться; но разсуждать, что должно видѣть и слышать, до чего должно касаться, что вкушать и обонять, — не дѣло уже чувствъ; судятъ же о семъ душа и умъ ея.

Есть ли хоть слабая тѣнь подобной распорядительности въ кругу веществъ самыхъ утонченныхъ? Тамъ царствуетъ законъ необходимости, и обсужденіе дѣйствій тамъ неумѣстно. Не явно ли, что гдѣ оно умѣстно, тамъ должна быть сила совершенно невещественная.

Стр. 52. «Душа разсуждаетъ и знаетъ, что дѣлать и какъ поступать. Но сіе свойственно только людямъ, и сіе-то есть разумность человѣческой души, пользуясь которою, отличается она отъ безсловесныхъ, и *доказываетъ о себѣ,* что *она дѣйствительно не одно и тоже съ видимымъ въ тѣлѣ.*» И вообще—со всѣмъ тѣлеснымъ, самымъ даже тонкимъ. Эта способность обсуждать, останавливать и начинать свои дѣйствія по своему усмотрѣнію, давать себѣ и всему своему то или другое направленіе, совершенно не сообразуясь съ тѣмъ, что есть въ тѣлѣ и внѣ тѣла, ясно доказываетъ, что душа совершенно невещественна, потому что ничему вещественному не можетъ приличествовать такая свободная и независимая, извнутри, а не извнѣ опредѣляемая самодѣятельность. Въ веществѣ, тонко ли оно или грубо, все видится неумолимымъ закономъ взаимоотношеній и взаимодѣйствій, который остановить можно только разрушеніемъ вещественнаго тѣла.

«Тѣло часто лежитъ на землѣ, а человѣкъ представляетъ и созерцаетъ что на небѣ. Тѣло часто покоится, безмолвствуетъ и спдитъ, а человѣкъ — внутренно въ движеніи, и созерцаетъ что внѣ его... Чтоже это такое, какъ не разумная душа, которая въ человѣкѣ размышляетъ и представляетъ, что выше его?» — Самодѣятельность, дѣятельность внутри и извнутрь совер-

шенно противоположна веществу. Электричество спитъ. Чтобъ оно стало дѣйствовать, надо его возбудить извнѣ. И возбуждено будучи, оно совсѣмъ не зависитъ отъ себя ни въ силѣ, ни въ направленіи. Душа же присноподвижна и самодѣятельна. Внѣшнія впечатлѣнія — только поводъ къ ея дѣятельности, а не источникъ ея или причина. Осязательное указаніе, что естество души нельзя признавать вещественнымъ.

«Тѣло по природѣ смертно, почему же человѣкъ размышляетъ о безсмертіи, и нерѣдко, изъ любви къ добродѣтели, самъ на себя навлекаетъ смерть? Или, тѣло — временно; почему же человѣкъ представляетъ себѣ вѣчное, и поэтому пренебрегаетъ тѣмъ, что у него подъ ногами, вождедѣваетъ же вѣчнаго? Тѣло само по себѣ (какъ бы тонкимъ его ни воображали) не помыслитъ ничего подобнаго; оно не помыслило бы и о томъ, что внѣ его. Необходимо же быть чему либо другому, что помышляло бы о противоположномъ и неестественномъ тѣлу. Итакъ, что же это опять будетъ, какъ не душа разумная и безсмертная? Не совнѣ, но внутри, въ тѣлѣ, какъ музыкантъ на лирѣ, производитъ она совершеннѣйшіе звуки.»—Если душа— тѣло, пусть и эѳирное, то откуда въ ней эти стремленія, отрѣшаться рѣшительно отъ всего вещественнаго? Откуда у ней стремленіе къ безконечному, когда вещество, еслибъ дать ему мысль, могло бы простираться сею мыслію только дотолѣ, доколѣ достигаетъ само, когда оно не помыслило бы даже о томъ, что внѣ тѣла? Какъ ни тонко тѣло, все оно тяготѣло бы къ тѣлесному: откудажъ эти услажденія умственными созерцаніями и построеніями? Если душа—эѳиръ, свѣтъ же солнце-

чный эѳирнаго свойства: то какъ люди, лучшіе по стремленіямъ, слѣдовательно эѳирнѣйшіе, лишали себя свѣта иногда на цѣлую жизнь? Нѣтъ. Должно быть въ насъ что нибудь совершенно невещественное, что помышляло бы о противоположномъ и неестественномъ тѣлу.

Стр. 54.« Итакъ, думаю, сказаннымъ доселѣ доказано, что въ людяхъ есть разумная душа (совершенно невещественная и чисто духовная). Но... надобно знать, что душа и безсмертна... Если въ словѣ нашемъ доказано, что душа — не одно и тоже съ тѣломъ, тѣло же по природѣ смертно, то необходимо душѣ быть безсмертною, потому самому, что она неподобна тѣлу. И опять, если душа движетъ тѣло, а сама ничѣмъ другимъ не приводится въ движеніе; то слѣдуетъ изъ сего, что душа самодвижна, и, по сложеніи съ себя тѣла въ землю, опять будетъ сама себя приводить въ движеніе... Если бы душа приводима была въ движеніе тѣломъ, то, по разлученіи съ движущимъ, ей слѣдовало бы умереть. А если душа движетъ и тѣло; то тѣмъ паче необходимо ей приводить въ движеніе и себя. Приводя же себя въ движеніе, по необходимости, будетъ она жить и по смерти тѣла; потому что движеніе души не иное что есть, какъ жизнь ея.»—Самодвижность души есть разительнѣйшее доказательство не безсмертія только, но и паче того — что она не есть какое либо тѣло утонченное, эѳирное. Косность, неподвижность (vis inertiae) есть неотъемлемая принадлежность вещества. Электричество пребудетъ въ бездѣйствіи вѣкъ, если не возбудить его; и эѳиръ не свѣтитъ, если не приводится въ сотрясеніе, или, какъ говорятъ, дрожательное состояніе. Но и то

и другое производится воздѣйствіемъ совнѣ. Самодѣятельности и слѣда нѣтъ въ сихъ, видимо очень тонкихъ веществахъ. Откуда же возьмется самодѣятельность въ душѣ, если она по естеству —эѳиръ? И если она самодѣятельна, не значитъ ли сіе непреложно, что она не эѳиръ? И опять, всякое вещество, будучи приведено въ движеніе, движется въ данномъ направленіи и вообще движеніе въ веществѣ опредѣлено однообразною формою, отъ которой отступленіе немыслимо. Посмотрите на дѣятельность души: какая тутъ неисчерпаемость разнообразія?! Что дѣлается, напримѣръ, когда душа разсуждаетъ? Сводитъ представленія, пріобрѣтенныя нерѣдко незнать, когда и какъ; ставитъ одно подлѣ другаго совершенно различное, и открываетъ сходство, или совершенно несходное, и открываетъ различіе; отвлекаетъ то или другое свойство, и его одно разсматриваетъ независимо отъ предмета; нерѣдко разлагаетъ весь предметъ на его черты и потомъ снова слагаетъ ихъ въ яснѣйшемъ уже представленіи цѣлаго; къ дѣйствію пріискиваетъ причину, часто невидимую и безвѣстную, а изъ дѣйствующаго начала выводитъ слѣдствія, которыхъ слѣдовъ нѣтъ еще на опытѣ; построиваетъ цѣпь причинъ и дѣйствій, средствъ и цѣлей; иногда отвлекаясь отъ всего опытнаго, разнообразнаго, созерцаетъ все въ единомъ цѣломъ, и пр. Въ какомъ веществѣ, самомъ тонкомъ и возбудительномъ видѣть можно что подобное? Одна и таже сила, скажемъ, примѣняясь къ видимымъ движеніямъ въ веществѣ, движется прямо и косвенно, отъ себя и къ себѣ, въ верхъ и въ низъ, въ право и въ лѣво, кругообразно, еллиптически, діагонально, подъ

углами, зигзагами, волнами и проч., все это измѣняя во мгновеніе ока и переходя отъ одной противоположности къ другой, безъ потрясеній, имѣя притомъ, возможность самое разгоряченное и разнообразное движеніе прекратить и снова начать... Еслибъ указалъ кто подобную физическую силу, тогда можно бъ сравнить съ нею самодѣтельную душу. Но и тогда, можетъ быть, можно было бы указать на то, что ни одна физическая сила не оставляетъ въ себѣ слѣда прошедшихъ движеній, тогда какъ душа хранитъ въ себѣ всю свою разнообразную дѣятельность, и ея издѣліями питаетъ себя, и отъ того растетъ, крѣпнетъ, полнѣетъ, совершенствуется, и—что еще? Чаетъ быть одобренною, или осужденною отъ Владыки всяческихъ на судѣ Его нелицемѣрномъ.—Всѣ такія проявленія возможны ли въ какомъ либо веществѣ?!! Конечно, нѣтъ. Ну, такъ и бросить надо мысль, будто душа и тѣло—эоиръ...

Стр. 55... «Душа, заключенная въ тѣлѣ и соединенная съ нимъ, не ограничивается малостію тѣла, и не соразмѣряется съ оною: тѣло лежитъ иногда на одрѣ, и какъ бы уснувъ смертнымъ сномъ, пребываетъ недвижимо, а душа, по силѣ своей, бодрствуетъ, возвышается надъ природою тѣла, и хотя пребываетъ въ тѣлѣ, но, какъ бы переселясь изъ него, представляетъ и созерцаетъ, что превыше земли, нерѣдко же, поощряемая чистотою ума, воспаряетъ къ святымъ *и Ангеламъ, пребывающимъ внѣ земныхъ тѣлъ,* и бесѣдуетъ съ ними... Душа имѣетъ понятіе о созерцаніи Бога, и сама для себя дѣлается путемъ, не совнѣ заимствуя, но въ себѣ самой почерпая вѣдѣніе и разумѣніе о Богѣ своемъ.»—О невозможности преднo-

ложить подобныя занятія, стремленія и вѣдѣнія въ существѣ, естество котораго тѣлесно, я уже поминалъ; да это очевидно и само собою. Но останавливаю особенное вниманіе на слѣдующихъ словахъ: «душа нерѣдко, поощряемая чистотою ума, воспаряетъ къ святымъ, *Ангеламъ, пребывающимъ внѣ земныхъ тѣлъ.*»—Какая тутъ мысль?— Та, что святые и Ангелы безтѣлесны, и не только безтѣлесны, но и не тѣлесны, то есть, по естеству невещественны. Замѣтитъ иной: пребываютъ внѣ земныхъ тѣлъ грубыхъ, но не внѣ эѳирныхъ тѣлъ. Скажу на это: пусть такъ,— что Ангелы — не внѣ эѳирныхъ тѣлъ. Это будетъ значить, что они — въ эѳирныхъ тѣлахъ, какъ въ оболочкѣ, облечены ими, носятъ ихъ. Сами же все не суть тѣло эѳирное, а суть духи, облеченные эѳирнымъ тѣломъ. Но и эта мысль противъ брошюръ. Еслибъ брошюры такъ думали, мы, можетъ быть, и не стали такъ много спорить съ ними, а сказали бъ только: какъ хотите; вы такъ, а мы такъ. Но они все твердятъ: душа — тѣло, Ангелъ — тѣло; самое естество ихъ тѣлесно. Вотъ и не удержаться, что бы чаще имъ не повторять, что это нелѣпо. Никто изъ святыхъ такъ не думалъ. И въ приведенныхъ словахъ, видимо, мысль св. Аѳанасія не потворствуетъ ихъ мнѣнію. Но мнѣ видится въ семъ мѣстѣ не эта одна мысль, т. е. что они — духи, но и та, что они — духи безтѣлесные. Беру, во 1-хъ, буквально слова: *внѣ земныхъ тѣлъ*, понимая ихъ такъ: внѣ всякихъ тѣлъ; ибо эѳирное тѣло — выдумка, безъ нужды придумываемая, и никакой ясности собою въ ученіе о духовномъ мірѣ не привносящая. Вывожу, въ 2-хъ, эту мысль изъ сопоставленія въ семъ мѣстѣ Анге-

ловъ съ святыми. Все разсматриваемое нами мѣсто св. Аѳанасія раскрываетъ одну мысль, что душа — не тѣло. Въ сдѣланныхъ нами замѣчаніяхъ приложены пояснительныя мысли, что душа не есть не грубое только тѣло, но даже не эѳирное. И еслибъ св. Аѳанасій зналъ о подобномъ предположеніи, конечно, онъ употребилъ бы обороты рѣчи противъ него. Говорю: обороты рѣчи; ибо мысли его и въ теперешнемъ видѣ совершенно отрицаютъ всякую вообще тѣлесность въ душѣ и утверждаютъ неоспоримо, что душа есть духъ, чуждый всякой вещественности. Но въ предпослѣдней выпискѣ та у него мысль, что душа выходитъ изъ тѣла, какою есть въ тѣлѣ. Но если она, по его ученію, духъ — въ тѣлѣ, то духъ—и внѣ тѣла. Слѣд. св. Аѳанасій признаетъ, что святые отшедшіе, въ теперешнемъ состояніи суть духи чистые. Но если на ряду съ ними поставляетъ онъ и Ангеловъ, то значитъ, признаетъ и ихъ чистыми духами, т. е. не только невещественными, но и безтѣлесными.

Этимъ заключимъ разсмотрѣніе свидѣтельствъ изъ св. Аѳанасія о природѣ душъ и Ангеловъ. Ясно какъ день, что онъ признавалъ ихъ духами. Если св. Дамаскинъ изучалъ природу душъ и Ангеловъ, между другими св. отцами, и по писаніямъ св. Аѳанасія, то онъ никакъ не могъ заимствовать у него мысль, что они суть тѣло въ какомъ либо отношеніи.

Я. Ну, довольно. Я думаю, можно бы и покороче.

Стар. Нѣтъ, не покороче, а надобно какъ можно длиннѣе. Надобно говорить и говорить, безъ умолку, пока не отговоримъ всѣхъ, которыхъ слухъ и мысль повреждены этими рѣчами: Ангелъ

—тѣло, душа—тѣло. Это зло первой руки. Завтра станутъ говорить, пожалуй, что Богъ тѣло. Кто предается воображенію и своеволію своей догадливости, тотъ чего не наговоритъ?—Но я уклонился. Пойдемте теперь къ другому св. Отцу. Кто тамъ слѣдуетъ?

Я. Григорій Богословъ. Вотъ онъ у меня въ рукахъ; сказывайте, гдѣ у него что есть, я буду находить и читать.

Стар. Хорошо. Кстати у меня замѣчено, куда у него должно обращаться за мнѣніями на нашу мысль. Надъ нимъ, впрочемъ, мы недолго помѣшкаемъ, потому что его свидѣтельства отличаются разительною ясностію.— Ужь буду указывать подъ рядъ. Найдите 1 т. въ рус. пер. гл. 6 стр. 229. Тамъ св. Богословъ убѣждаетъ къ миру, между прочимъ, согласіемъ царствующимъ въ Ангельскомъ мірѣ и описываетъ самыхъ Ангеловъ.

Я нахожу и читаю.... «Помыслимъ, во 2-хъ, и о существахъ первыхъ отъ Бога и окрестъ Бога, т. е. объ Ангельскихъ и небесныхъ силахъ, которыя первыя *пьютъ отъ перваго Свѣта* и, просвѣтляемые словомъ истины, *сами суть свѣтъ и отблески* Совершеннаго Свѣта.»

Стар. Если Ангелы суть отблески совершеннаго Свѣта и сами свѣтъ; то какъ назвать ихъ вещественными? Ибо совершенный Свѣтъ, т. е. Богъ есть духъ чистѣйшій: стало, и отблески, Его Ангелы суть духи же.

Найдите-ка теперь 3-й ч. 22-ю стр. и далѣе, сл. 28. Тутъ будетъ яснѣе свидѣтельство.—Св. Григорій доказываетъ, что Богъ не можетъ быть тѣло.

Я нахожу и читаю. «Назовешь ли Божество

тѣломъ? Но какъ же назовешь безконечнымъ, не имѣющимъ ни предѣловъ, ни очертанія, неосязаемымъ, незримымъ?»

Стар. Еще далѣе — стр. 23-я.

Я читаю. «Если же скажешь, что Богъ есть *тѣло невещественное* и притомъ, какъ думаютъ нѣкоторые, пятое и круговращающееся (пусть будетъ допущено и невещественное, и пятое), а если угодно, даже безтѣлесное тѣло, такъ какъ у нихъ слова носятся и составляются произвольно (точь въ точь какъ и въ брошюркахъ): то къ какому роду движимыхъ и переносимыхъ будетъ принадлежать тѣло сіе?... Но что же опять его движеніе?... а потомъ, что движетъ и это самое? — и такъ до безконечности.»

Стар. Какъ всѣ эти вопросы идутъ противъ брошюръ! Если Ангелъ и душа — тѣло, то хотя бъ это было невещественное и безтѣлесное тѣло, св. Богословъ умѣстнымъ находитъ вопросить: что же ихъ движетъ? И если движущее ихъ есть опять тончайшее тѣло, то опять вопросъ: что движетъ и это самое? — пока не остановимся на чемъ либо самодвижномъ, каковымъ не можетъ быть тѣло.

Но читайте и еще далѣе—стр. 24.

Я читаю. «Но если скажутъ, что Богъ есть иное какое нибудь *тѣло*, хотя напр. *Ангельское*, то *откуда извѣстно, что Ангелы тѣлесны, какія у нихъ тѣла?*»...

Стар. Ну, тутъ подъ корень подсѣкается мнѣніе брошюръ. Св. Григорій Богословъ и думать не думаетъ, чтобъ Ангелы были тѣло или тѣлесны, и другихъ вопрошаетъ, откуда вы берете это?.... »Да сего, — прибавляетъ онъ дальше (хоть прямо от-

носительно и Бога, но можно относить сіе и ко всему сказанному выше, слѣд. и къ мысли о тѣлесности Ангеловъ) — да сего ни одинъ изъ богодухновенныхъ не допускалъ; такое *ученіе не нашего двора*». Извольте слушать брошюры!

Можно бы этимъ кончить выписки изъ св. Григорія Богослова: мысль его ясно высказалась. Но вотъ, у меня еще значится то мѣсто (сл. 28, стр. 50), которое мы уже приводили, гдѣ говоритъ онъ, что мысленное и небесное естество (Ангелы) называется *огнемъ и духомъ*, со словъ псалма (103, 4.); и потомъ, чтобъ кто не сталъ разумѣть подъ симъ что либо вещественное, поясняетъ, что духомъ оно называется какъ мысленное, а огнемъ, какъ очистительное; а не потому, чтобъ въ немъ было что нибудь вещественное. Потому что, говоритъ, и первая сущность, т. е. Богъ пріемлетъ тѣже наименованія. И заключаетъ: «впрочемъ, да будетъ оно *у насъ безтѣлесно.*»

Нѣтъ нужды пріискивать и тѣ мѣста, гдѣ Ангелы у св. Богослова именуются такими именами, которыхъ никакъ не могъ бы онъ приложить къ нимъ, еслибъ понималъ ихъ тѣлами. — Перескажу мои замѣтки. — Такъ (ч. 3. стр. 20) онъ говоритъ, что они суть *природы* высшія и *духовныя*, которыя, будучи ближе къ Богу, видятъ Его полнѣе; стр. 50... что они *умныя силы*, или ўмы, природы *чистыя* и *безпримѣсныя*. . . . . ч. 4-я, стр. 275... говоритъ, что второй свѣтъ есть Ангелъ — нѣкоторая *струя, или причастіе Первага Свѣта*; стр. 154... что Ангелы суть существа первыя, *духовныя и чистыя*; стр. 242.... что суть чистые служители непорочные *умы*; стр. 335.... "что суть *умы* приснодвижные, *Божественные духи*.» — Послѣ всего этого нѣтъ со-

мнѣнія, что Ангелы, по ясному ученію Григорія Богослова, суть чистые духи, безпримѣсные, т. е. не только не тѣло, но и неимѣющіе тѣлъ.

Потрудитесь еще пріискать мѣсто, гдѣ обозрѣваетъ онъ все твореніе. Тамъ видно будетъ вмѣстѣ и то, какъ разумѣлъ онъ душу. Это въ 4-й ч. стр. 57 и далѣе.

Я нахожу и читаю. «Поелику для Благости не довольно было упражняться только въ созерцаніи Себя самой, а надлежало, чтобъ благо разливалось, шло далѣе и далѣе.....: то Богъ измышляетъ, во 1-хъ, *Ангельскія и небесныя силы*. И мысль стала дѣломъ, которое исполнено Словомъ и совершено Духомъ. Такъ произошли *вторыя свѣтлости*; разумѣть ли подъ ними *разумныхъ духовъ*, или какъ бы невещественный и безплотный огнь»?

«Поелику же первыя твари были благоугодны Богу; то измышляетъ другой міръ—вещественный и видимый, и это есть стройный составъ неба, земли и того, что между ними..... А самъ Богъ показалъ, что Онъ силенъ сотворить *не только сродное*, но и совершенно чуждое Себѣ естество. *Сродны же Божеству природы умныя*, однимъ умомъ постигаемыя.»— А брошюры твердятъ, что помилуй Богъ думать, что есть что либо сродное Богу, богохульство будетъ.

«Итакъ умъ и чувство, столь различныя между собою, стали въ своихъ предѣлахъ и изразили собою величіе зиждительнаго Слова...... Но еще не было смѣшенія изъ ума и чувства—сего опыта высшей премудрости, сей щедрости въ образованіи естествъ, и не все богатство благости было еще обнаружено. Восхотѣлъ и сіе показать: художническое Слово созидаетъ живое существо, въ которомъ приведе-

ны въ единство то и другое, т. е. невидимое и видимая природа; созидаетъ, говорю, человѣка; и изъ сотвореннаго уже вещества взявъ тѣло, а отъ Себя вложивъ жизнь (что въ словѣ Божіемъ извѣстно подъ именемъ души и образа Божія), творитъ какъ бы нѣкоторый вторый міръ, въ маломъ великій, поставляетъ на землѣ инаго ангела, изъ разныхъ природъ составленнаго, поклонника, зрителя видимой твари, таинника твари умосозерцаемой, царя надъ тѣмъ, что на землѣ подчиненнаго горнему царству, земнаго и небеснаго, временнаго и безсмертнаго, видимаго и умосозерцаемаго.»

Стар. На что яснѣе указанія, что, по св. Богослову, и душа есть чистый духъ? Тѣже мысли у него изложены и въ 3-й ч. стр. 240. И въ стихотвореніи, сл. 7-е о душѣ ч. 4-я, стр. 240. Въ послѣднемъ для насъ то особенно важно, что св. Григорій здѣсь порицаетъ всѣхъ, кои думали, что душа есть какое либо вещество.- «Душа, говоритъ не естество истребительнаго огня, не естество воздуха, не кровавый потокъ, пробѣгающій по тѣлу, не гармонія составныхъ частей тѣла..... У меня не какая нибудь общая, *всѣмъ раздѣленная* и по воздуху блуждающая душа..... И то не умныхъ людей ученіе, а пустая книжная забава, будто душа постоянно мѣняетъ разныя тѣла.»

Послѣ указанія этихъ ложныхъ мнѣній, онъ потомъ излагаетъ свое, которое по изяществу рѣчи и по полнотѣ созерцанія непремѣнно надо намъ прочитать и выписать, хоть въ немъ та же, что прежде, главная мысль. Потрудитесь найти,— стр. 242.

Я нахожу и читаю. «Теперь выслушай наше превосходнѣйшее ученіе о душѣ. А мы постараемся

усладить нѣсколько пѣснь, начавъ ее такъ:

«Было время, когда высокое Слово Ума, слѣдуя великому Уму Отца, водрузило несуществовавшій дотолѣ міръ; Оно рекло, и совершилось все, что было Ему угодно. Но когда все это — земля, небо и море составило міръ, нуженъ сталъ зритель Премудрости —матери всего и благоговѣйный царь земный. Тогда Слово рекло: «пространное небо населяютъ уже чистые и присноживущіе служители, непорочные умы, добрые Ангелы, пѣснословцы, немолчно воспѣвающіе славу Мою. Но земля украшается одними неразумными — животными. Потому угодно Мнѣ создать такой родъ тварей, въ которомъ бы заключалось то и другое; родъ тварей среднихъ между смертными и безсмертными, разумнаго человѣка, который бы увеселялся Моими дѣлами, былъ мудрымъ тайникомъ небеснаго, великимъ владыкою земли, новымъ ангеломъ изъ персти, пѣснословцемъ Моего могущества и Моего ума.»—Такъ рекло Слово, и, взявъ часть новосозданной земли, безсмертными руками составило мой образъ и удѣлило *ему Своей жизни;* потому что послало въ него духъ, который есть *струя невидимаго Божества.* Такъ изъ персти и дыханія созданъ человѣкъ—образъ Безсмертнаго; потому что въ обоихъ царствуетъ естество ума. Посему, какъ земля, привязанъ я къ здѣшней жизни, и какъ частица Божественнаго, ношу въ груди любовь къ жизни будущей.»

Стар. Нужно что прибавлять? Достаточно и предостаточно.—Навожу опять: если св. Дамаскинъ вседушно слѣдовалъ во всемъ св. Григорію Богослову, какъ дѣйствительно и слѣдовалъ, болѣе нежели кому другому; то онъ никакъ не могъ думать, чтобъ душа была тѣло и Ангелъ — тѣло. Э-

то мнѣніе совершенно противоположно ученію св. Богослова.

Но давайте кончать эту работу *поскорѣе*. Кто тамъ еще слѣдуетъ?

Я. Өеодоритъ.

Стар. Этого я не просматривалъ, и не помню, какъ онъ думаетъ о природѣ Ангеловъ и душъ. Есть у васъ этотъ отецъ?

Я. Есть. Вотъ онъ, только не въ рус. переводѣ, а послѣднее изданіе св. Отцевъ Мэня.

Стар. Все одно. Ищите общій указатель предметовъ, содержащихся во всѣхъ книгахъ.

Я нашелъ слово: Ангелъ, и читаю.

Стар. Постойте. Вотъ это что такое: Ангелы у Авраама пищи не вкушали?—Найдите.

Я ищу 1 т. стр. 178. вопр. 69 на кн. Бытія... и читаю: «Писаніе говоритъ, что Авраамъ видѣлъ мужей. Итакъ, если имѣть во вниманіи только букву, то мужи, а не Ангелы вкушали. Если же вникнемъ въ смыслъ, то... (скажемъ, что) Ангелы видимы были вкушающими. Ибо какъ, имѣя естество безтѣлесное, и они, и Владыка ихъ, казались имѣющими тѣла, какими видимы были; такъ и вкушающими они только казались, не влагая пищи въ уста и чрево, ибо не имѣли тѣлъ.

Стар. Ну вотъ, сразу напали. И Ангелы признаны неимѣющими тѣлъ, какъ Господь. Но Господь не имѣетъ тѣла никакого, слѣд. и Ангелы. Достаточно и этого. Но почитайте еще по index-у, не покажется ли что?

Я читаю.. «Ангелы не имѣютъ нужды въ пищѣ»

Стар. Ну-те-ка, ну-те. Смотрите.

Я нахожу 1 т. стр. 258. воп. 29 на кн. Исходъ, и читаю: «Почему пророкъ назвалъ манну хлѣбомъ

ангельскимъ? Потому что Ангелы послужили въ дарованіи ея. Само же *безтѣлесное естество* не имѣетъ нужды въ пищѣ.»

Стар. Вотъ и здѣсь Ангелы безтѣлесны. И нечего кривотолковать, что безтѣлесными признаетъ ихъ Өеодоритъ потому только, что не имѣютъ грубыхъ тѣлъ; ибо въ первомъ случаѣ они названы безтѣлесными наравнѣ съ Владыкою своимъ, у Котораго и тончайшаго нѣтъ тѣла.

Читайте еще. Поищемъ 3-го свидѣтельства.

Я читаю... «Ангелы въ разныхъ видахъ являются, а сами ихъ не имѣютъ.»

Стар. Смотрите — это что?

Я ищу... т. II, стр. 1538, на Даніила гл. 12, ст. 7; читаю: «Знаемъ, что природа Ангеловъ безтѣлесна; а принимаютъ они образы на пользу видящихъ и являются чаще кроткими по снисхожденію, а иногда и строгими для вразумленія.»

Стар. Ну, и довольно съ насъ. При трехъ свидѣтельствахъ станетъ тотъ глаголъ, что блаженный Өеодоритъ считаетъ Ангеловъ безтѣлесными, какъ безтѣлесенъ самъ Владыка ихъ. Заключаю далѣе, что и у него св. Дамаскинъ не могъ почерпнуть мысли о тѣлесности Ангеловъ. И конечно не имѣлъ ея, если не хотѣлъ ничего допускать кромѣ того, что изучилъ въ писаніяхъ своихъ учителей.

Можно теперь, думаю, и остановиться и прекратить дальнѣйшее разсмотрѣніе указанныхъ брошюрою отцевъ и учителей, у которыхъ заимствовалъ свое ученіе св. Дамаскинъ. Довольно и приведенныхъ свидѣтельствъ, чтобъ имѣть намъ право сказать, что св. Дамаскину не у кого было занять мысли о тѣлесности души и Ангеловъ.

Да кто тамъ еще остался?

Я. Св. Максимъ исповѣдникъ и Немезій.

Стар. Немезія не знаю. Видѣлъ я когда-то гдѣ-то его книгу—ученіе о человѣкѣ; но какъ онъ смотритъ на природу души, не имѣю свѣдѣнія. А св. Максимъ Исповѣдникъ о природѣ Ангеловъ ничего, кажется, не говоритъ. Чтоже касается до невещественности души, у него объ этомъ есть подробныя разсужденія въ статьѣ *о душѣ* и въ письмѣ къ Архіепископу Іоанну. Послѣднее такъ и надписывается: о томъ, что душа не тѣлесна. Можно потому, и не приводя мѣстъ изъ св. Максима, присвоить его свидѣтельство въ свою пользу.

Итакъ заключаю относительно мѣста, приводимаго изъ св. Дамаскина, въ доказательство мнѣнія о тѣлесности души и Ангеловъ, что изъ разсмотрѣнія самаго мѣста, изъ соображенія всего вообще ученія св. Дамаскина объ Ангелахъ, изъ совокупности свидѣтельствъ св. Отцевъ и учителей, у которыхъ онъ заимствовалъ ученіе, выходитъ неопровержимо, что св. Іоаннъ Дамаскинъ не имѣлъ мысли о тѣлесности души и Ангела. Потому надобно постановить, чтобъ эти всесторонніе тѣлесники и вещественники не смѣли впередъ указывать на св. Іоанна, какъ на своего патрона и предшественника, проложившаго будто первыя черты темнаго ихъ ученія.

Я. Здѣсь хорошо у васъ вышло. Посмотримъ, какъ-то вы преодолѣете свидѣтельство, приводимое изъ св. Макарія великаго. Оно такъ рѣшительно.

Стар. Оно, точно, рѣшительно. Но имѣетъ ли вѣсъ,—это другой вопросъ. Если даже докажетъ кто, что Макарій точно былъ того мнѣнія, какое съ словами его соединяютъ брошюры, и тогда по-

ставимъ общее положеніе, что частное, одному Отцу принадлежащее, мнѣніе не можетъ выражать ученія Церкви, потому ни для кого необязательно,—и останемся спокойно при своемъ мнѣніи. Возьмите во вниманіе одно то, что ни въ одномъ изданіи св. Макарія не остается это мѣсто безъ особаго примѣчанія. И въ теперешнемъ изданіи Московской Академіи и въ прежнихъ переводахъ (а св. Отцы издаются съ разрѣшенія Св. Сунода) подъ этимъ мѣстомъ стоитъ нота, что мѣсто это должно разумѣть въ смыслѣ не отрѣшенномъ, а относительномъ. Это значитъ, что у насъ никогда этого мѣста буквально не понимали. Брошюры, разбираемыя нами первыя стали придавать ему буквальный смыслъ. Если теперь разсуждать о семъ обстоятельствѣ по началамъ Церкви, гдѣ общность мнѣнія беретъ перевѣсъ, а не частное воззрѣніе: то надобно положить, что у св. Макарія нѣтъ мысли о тѣлесности души и Ангела, потому что доселѣ никто не видѣлъ такой тамъ мысли. Навязывать такую мысль св. Макарію стали первыя брошюры. Это и есть потому ихъ частное воззрѣніе, которое, дивиться надобно, какъ осмѣлились онѣ выставлять въ средѣ православныхъ, изъ которыхъ никто не смотрѣлъ и не смотритъ на сіе мѣсто очами брошюръ.

После сего общаго замѣчанія я ограничусь только разъясненіемъ, почему этого мѣста нельзя понимать буквально. Найдите-ка 4-ое сл. п. 9. и читайте.

Я нахожу и читаю: «Намѣреваюсь, по мѣрѣ силъ своихъ, изречь нѣкоторое тонкое и глубокомысленное слово. Поэтому выслушайте разумно.»

Стар. Ну, вотъ самъ св. Макарій говоритъ, что у него будетъ рѣчь необыкновенная, и приглашаетъ

Изъ уваженія къ читателямъ нашимъ мы не станемъ опровергать подобныхъ *взглядовъ* графа Канкрина на прессу и приводить какіе-либо аргументы въ пользу свободы печати послѣ всего высказаннаго уже въ этомъ отношеніи, начиная съ изреченія Тиверія у Светонія in civitate libera linguam mentemque liberas esse debere (въ свободномъ государствѣ слово и мысль должны быть свободны), до новѣйшихъ разсужденій Милля и Бокля. — Мы замѣтимъ только, что подобные взгляды графа Канкрина очень напоминаютъ собою взгляды доктора Лефевра («Парижъ въ Америкѣ»), а извиненіемъ имъ можетъ служить оговорка того же графа Канкрина: «но если законодальство съ новыми, истинно либеральными и справедливыми началами» не предупредитъ зла... и проч.

Находя необходимымъ ограничить *одно* изъ самыхъ могущественныхъ средствъ къ распространенію образованія въ народѣ, графъ Канкринъ не могъ сочувствовать и другому учрежденію, свойственному всѣмъ образованнымъ народамъ и еще въ большей мѣрѣ нежели пресса охраняющему личность и свободу граждан. Мы говоримъ о судѣ присяжныхъ, введеніе котораго у насъ принадлежитъ, безспорно, къ числу самыхъ важныхъ и благотворныхъ современныхъ преобразованій. Но эта мѣра, встрѣченная всеобщимъ сочувствіемъ, должна была бы повергнуть въ печаль и уныніе графа Канкрина. Могъ ли онъ радоваться введенію присяжныхъ, этому, какъ онъ, выражается, *повидимому* дивному, вновь пріобрѣтенному учрежденію свободы, которое, однако, по его мнѣнію (стр. 125 ч. 1), является не чѣмъ другимъ, какъ вновь оживленнымъ, грубымъ самоуправствомъ прежнихъ варварскихъ временъ, своевременно оставленнымъ и замѣненнымъ разумными судами вездѣ, гдѣ дозволили это обстоятельства времени и правильный взглядъ на вещи!

«Англія одна удержала судъ присяжныхъ, и это потому, что тамъ вообще не предпринимали, какъ это всѣмъ извѣстно, никакихъ мѣръ для улучшенія судебной части за исключеніемъ незначительныхъ измѣненій, совершенныхъ въ послѣднее время. Множество примѣровъ и жалкій ходъ процесовъ во Франціи доказываютъ въ настоящее время на дѣлѣ неудовлетворительность и вредъ учрежденія (суда присяжныхъ), которое такъ часто прощаетъ преступниковъ и осуждаетъ другихъ, нерѣдко невинныхъ, не по судебному, а по своему личному убѣжденію и даже по убѣдительному краснорѣчію другихъ. Нужно замѣтить, что учрежденіе это находитъ очень сильную поддержку въ томъ, что доставляетъ поводъ къ зрѣлищу, къ скандалу и благополучію послушать свое собственное краснорѣчіе. Самое дѣлопроизводство

тутъ вставлены Ангелы? Мы отпали отъ Бога. Чтобъ возсоединить насъ съ Собою, Онъ самъ снисходитъ къ намъ и воплощается. Ангелы же добрые не падали, но всегда пребывали въ единеніи съ Богомъ, а злыхъ возсоединеніе считается невозможнымъ. Какъ же тутъ говорится, что воплотился Богъ ради единенія съ Ангелами? Единеніе съ Ангелами ставится тутъ на ряду съ нами, т. е. воплощеніе было столько же необходимо и для нихъ, какъ и для насъ. Кто такъ думалъ въ Церкви Божіей, и даже внѣ Церкви? Такимъ образомъ открывается, что, говоря такъ, св. Макарій, мужъ духоносный, не зналъ первыхъ начатковъ Хр. Богословія!!! Это — выводъ самый прямой и натуральный. Кто буквально понимаетъ этотъ параграфъ, тотъ не убѣжитъ отъ этого вывода. Буквалисты, или пусть откажутся отъ буквальнаго смысла, чтобъ охранить честь св. Макарія, или, строго держась буквальнаго смысла, въ угоду своему суемудрію, навлекаютъ это пятно на Богоноснаго Отца. Но намъ нечего опасаться такой бѣды. Внимая предостереженію св. Макарія — слушать разумно, мы не понимаемъ буквально ни этого 9-го параграфа, ни слѣдующихъ за нимъ 10-го и 12-го. Во всѣхъ нихъ идетъ иносказаніе глубокое, которое трудно изъяснить. Видна только общая мысль, что любообщительный Богъ всячески какъ бы ухитряется и всячески готовъ умалиться, чтобъ только войти въ общеніе съ разумными тварями. Но въ подробностяхъ многія здѣсь фразы рѣшительно непонятны.

Пусть буквалисты объяснятъ намъ, напр., чего ради здѣсь въ 9-мъ параграфѣ не оттѣняется словомъ, что воплотился Единородный Сынъ Бо-

жій, тогда какъ *точность* выраженія этого требовала? Что также за мысль въ словахъ: оплотворилъ Себя безпредѣльный, чтобъ можно Ему было войти въ единеніе съ душами святыхъ и Ангеловъ?—Стало, воплощеніе было не насъ ради человѣкъ, а ради самаго Бога!! Опять—*души* святыхъ понятны, а души Ангеловъ что такое? Вслѣдъ за симъ Ангелы названы тонкимъ тѣломъ. Стало, по мысли св. Макарія, у тонкотѣлыхъ Ангеловъ есть кромѣ тѣла и души. И это будетъ противъ брошюръ.

Буквалисты знаютъ, конечно, что ѵпостасное соединеніе Божества въ человѣчествомъ есть только въ Господѣ и Спасителѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ. Какъ же въ 10-мъ параграфѣ говорится, что недомыслимый Богъ, входя въ единеніе съ вѣрными душами, бываетъ съ ними ѵпостась въ ѵпостась? Не подается ли этимъ мысль, что Онъ ѵпосно воплощается въ каждомъ вѣрующемъ? И опять, какъ тутъ же сказано, что, умаливъ Себя, Богъ облекся въ члены тѣла, подобно тому какъ душа облечена ими? Это похоже на ересь Аполлинаріеву, по которой вмѣсто души въ Господѣ Іисусѣ Христѣ было Божество. Что такое еще, что въ 12-мъ параграфѣ говорится о Богѣ, что Онъ во что угодно *преобразуется* для душъ достойныхъ и вѣрныхъ, даже въ градъ свѣта—Іерусалимъ, или гору — небесный Сіонъ? (Буквальный смыслъ первыхъ строкъ этого параграфа точно таковъ).—Всѣ сіи мѣста я нарочито собираю во едино, чтобъ показать буквалистамъ, какъ опасно понимать въ буквальномъ смыслѣ всѣ фразы, содержащіяся въ означенныхъ параграфахъ. Буквалисты, строго держась буквальнаго смысла, или сами

должны принять всѣ означенныя еретическія мысли, чтобы явить себя учениками св. Макарія, буквально понимаемаго, или, свою оберегая честь, на св. Макарія навлечь тѣмъ, будто онъ не понималъ самыхъ простыхъ христіанскихъ истинъ. Одно изъ двухъ, — или то и другое для нихъ неизбѣжно. Если же, во избѣжаніе сего неумолимаго слѣдствія, они скажутъ, что тутъ говорится не о воплощеніи Бога Слова, а вообще о приближеніи милостиваго Бога къ разумнымъ тварямъ (какъ, по моему, и должно понимать сіи параграфы); то онѣ должны согласиться, что слово: *оплототворилъ*, многократно здѣсь употребленное, должно понять не въ буквальномъ, а переносномъ смыслѣ. И прекрасно. И мы съ ними совершенно соглашаемся; попросимъ только ихъ не понимать буквально ужъ и того мѣста, гдѣ говорится, что Ангелъ, душа и демонъ—тѣло. Упорствовать нельзя будетъ, ибо чего ради другія мѣста будутъ понимать они не буквально, а это одно буквально? Поступая такъ, они обличатъ въ себѣ предубѣжденіе; а это считается нечестнымъ въ ученомъ кругу. Въ сложномъ словѣ: *оплототворилъ* — esomatopiise стоитъ вѣдь не sarx, а soma. Какъ же это, разъ пять на трехъ страницахъ слово soma — тѣло будетъ имѣть переносное значеніе, а однажды только собственное? Притомъ, удержится это собственное значеніе для того, чтобъ чрезъ это утвердить ученіе, небывалое въ Хр. мірѣ, о тѣлесности Ангеловъ и душъ; тогда какъ въ другихъ мѣстахъ, именно для устраненія понятій небывалыхъ въ Хр. мірѣ, слову сему дается переносное значеніе. Непостижимо, какъ криво тутъ поступаютъ брошюры!! (Можно догадываться, что брошюры

не понимают содержанія сихъ словъ въ буквальномъ смыслѣ, а видятъ здѣсь мысль вообще о приближеніи Бога къ разумнымъ тварямъ.. (см. Приб. къ сл. о см. стр. 15, 16).

Итакъ общій выводъ изъ разсмотрѣнія мѣста, въ которомъ св. Макарій говоритъ, что Ангелъ и душа — тѣло, есть тотъ, что его ни подъ какимъ видомъ буквально понимать не слѣдуетъ.

Я Едва ли можно удовлетвориться такимъ объясненіемъ. Ибо, если не хотите понимать буквально, скажите, какъ надо понимать?

Стар. Сказать это никакъ не обязательно. Отвѣчаю просто: а какъ должно сіе понять, не понимаю. Вѣдь у св. Макарія, не здѣсь только, а во всемъ составѣ его писаній, очень много непонятнаго. Желая, какъ можно болѣе, приблизить въ уразумѣнію высокія истины духовныя, онъ ни о чемъ почти не говоритъ безъ уподобленій. Оттого у него всюду образы и сравненія, которыя нерѣдко никакъ не поймешь, какъ примѣнить въ дѣлу и объяснить себѣ. Потому и читать и пользоваться имъ надобно со всею осторожностію. Возьмите вы первую бесѣду. Въ параграфѣ 2-мъ говорится, напр., что «душа, Духа Божія пріявшая, становится *вся лицемъ, вся окомъ*..... вся исполнена очей, и не имѣетъ никакой *послѣдней* или *задней стороны*, но отвсюду представляется *лицемъ*.» — Видите, какое сравненіе! Его и съ самимъ-то собою не сообразишь. Если она вся — лице, то какъ вся — око? Если вся око, очевидно одно, какъ исполнена очей? Если нѣтъ задней стороны, а и тамъ лице, то какъ одно лице? Если сзади лице и справа лице и слѣва лицо... стало нѣсколько лицъ? Не правда ли, что трудно вообразить самое даже

уподобленіе, а что значитъ оно, еще труднѣе уразумѣть. Но всяко очевидно, что буквально его понимать нельзя. Приходитъ мнѣ на память, что брошюры, опираясь на словахъ св. Макарія въ другихъ мѣстахъ, утверждаютъ, что душа имѣетъ всѣ члены, какъ и видимое тѣло, т. е. голову, глаза, уши, руки, весь станъ, ноги. Онѣ буквально понимаютъ эти фразы св. Макарія, которыя точно встрѣчаются у него. А я буквально пойму приведенное предъ симъ мѣсто и буду твердить: не правда; въ душѣ нѣтъ всѣхъ частей, а она вся — око, или она вся — лице. Еслижъ, чтобъ не пустословить, послѣднее мѣсто надо понять въ переносномъ смыслѣ; то на какомъ основаніи будемъ въ собственномъ смыслѣ понимать мѣсто, брошюрами приводимое, что душа и Ангелъ имѣютъ видъ, какой обыкновенно имѣетъ человѣкъ?— Брошюры такъ хотятъ!? Но имъ, какъ по всему видно, законъ не писанъ. У св. Макарія помнится, и ветхій въ насъ человѣкъ имѣетъ всѣ члены видимаго человѣка. А потомъ, и сатана одѣвается во всю душу и членомъ своимъ къ члену ея прилагается. Да, естественно душа имѣетъ всѣ члены. Сколько же это соберется у грѣшнаго человѣка головъ и рукъ, и ногъ, и прочихъ членовъ? А тутъ еще вотъ что! Въ 1-й же бесѣдѣ, въ параграфѣ 5-мъ говорится о душѣ грѣшной: «движутся въ ней змѣи и страшные черви, т. е. лукавые духи и темныя силы питаются, гнѣздятся, пресмыкаются тамъ, поядаютъ и растлѣваютъ ее.» — Вообразите же изъ всего сего вмѣстѣ, что такое эта душа?!

Я. Что же это? Всѣмъ, что вы сказали, можно подать невыгодное понятіе о св. Макаріи.

Стар. Нѣтъ, не о немъ, а о буквалистахъ. Состояніе грѣшной души и души облагодатствованной, дѣйствія благодати Божіей въ обращеніи, очищеніи и освященіи человѣка, хитрости злыхъ духовъ и изворотливости грѣхолюбиваго сердца никто, думаю, такъ хорошо не понималъ, какъ св Макарій. Какъ самъ ясно ихъ понималъ, такъ хотѣлъ уяснить ихъ и въ сознаніи учениковъ своихъ. И для того высокіе и таинственные предметы духовные облекалъ въ образы. Очевидно, сіи образы и сравненія — не самые предметы. Кто будетъ понимать ихъ буквально, многихъ наберется несообразностей, но виноватъ будетъ не св. Макарій, а самъ читающій! Читай, да разумѣй, что къ чему идетъ. Вотъ и брошюры поняли буквально одно мѣсто, св. Макарія, и твердятъ: Ангелъ—тѣло, душа—тѣло. Такъ-де учитъ св. Макарій, а св. Макарій совсѣмъ такъ не учитъ. Это брошюрамъ угодно видѣть въ немъ такую мысль. На нихъ вся вина кривотолкованія пусть и падетъ. Ликъ св. Макарія, преподобнаго и богоноснаго отца нашего, пребываетъ чистъ и незапятнанъ въ нашемъ сознаніи!

Я. Но неужели же у св. Макарія все образы и онъ никогда не говорилъ о душѣ и Ангелахъ безъ образовъ?! Хорошо было бы, если бъ вы привели такія мѣста, гдѣ онъ говоритъ о семъ не уподобительно.

Стар. Хорошо.—Да вотъ въ первой же бесѣдѣ, въ 17-мъ параграфѣ, говорится: «душа есть *тварь умная*, прекрасное *подобіе и образъ Божій»!!...* Тварь умная! Стало—не тѣло. Образъ и подобіе Божіе? Стало, опять не тѣло, ибо иначе какъ она будетъ образъ и подобіе Бога, кото-

рый не есть тѣло? Богъ духъ есть. Должна быть духомъ и душа — образъ и подобіе Его. А если душа такова, то и Ангелы. И Ангеловъ св. Макарій признавалъ духами. Ибо, говоря напр. о благодатномъ огнѣ въ сердцѣ (въ бесѣдѣ 25, парагр. 10). онъ учитъ: «сей огнь согрѣвалъ сердце Клеопы и спутника его, когда говорилъ съ нимъ Спаситель по воскресеніи. И Ангелы — служебные духи причащаются свѣтлости сего огня, по сказанному: *творяй Ангелы своя духи и слуги своя огнь палящъ»* (Евр. 1. 7). Какъ благодать духовна, такъ и пріемники ея должны быть духовны, т. е. наши души и Ангелы.

Не стану больше приводить подобныхъ мѣстъ. Изъ всего сказаннаго достаточно видно, что св. Макарій не могъ имѣть такихъ грубыхъ понятій объ Ангелахъ и душѣ, какія навязываютъ ему брошюры, свою болѣзнь слагая на чужую голову.

Я. Такимъ образомъ главныя затрудненія, мнѣ думается, преодолѣли. Выражу вамъ свое удовольствіе. Какъ я радъ, что у св. Макарія, тѣмъ паче у св. Дамаскина, нѣтъ этого темнаго ученія, которое проповѣдуется брошюрами! И я вѣдь не думалъ, чтобъ у нихъ была подобныя мысль; но поди же, все оставалась какая-то тѣнь. Теперь я совершенно свободенъ отъ всякихъ недоумѣній. Но, кажется, можно намъ дать теперь себѣ и не большой отдыхъ.

Стар. Не худо. Такъ до свиданія; я не промедлю.

г) Разсмотрѣніе свидѣтельствъ св. Отцевъ, приводимыхъ брошюрою, — св. Василія великаго, Григорія Нисскаго, Кирилла, Іоанна Златоустаго.

Скоро пришелъ старецъ, и я говорю ему: не все вѣдь еще кончено о св. Отцахъ. Тамъ, въ брошюрахъ, указываются многіе другіе отцы, кромѣ св. Іоанна Дамаскина и Макарія вел., и между ними стоятъ великія свѣтила — св. Златоустъ и Василій вел. Нельзя же думать, чтобъ брошюры ссылались на нихъ наобумъ.

Стар. Вотъ ужъ этого оборота рѣчи я отъ васъ не ожидалъ. Едва только кто читать умѣетъ, и тотъ, прочитавши, что приводится въ брошюрахъ изъ сихъ святителей, увидитъ, что они совсѣмъ о другомъ говорятъ въ тѣхъ мѣстахъ, а не о томъ, что разумѣютъ брошюры. Найдите-ка и читайте.

Я. Нахожу и читаю. Стр. 27 Прибав. къ сл. о см. «Западный писатель говоритъ, что св. Василій, св. Аѳанасій, св. Кириллъ, св. Григорій Нисскій, св. Іоаннъ Златоустъ и другіе восточные отцы признавали сотворенныхъ духовъ существами чисто духовными. Справедливо ли это?»

Стар. Совершенно справедливо. Имѣемъ отъ сихъ св. Отцевъ поразительныя свидѣтельства, что Ангелы и души невещественны, а духовны. Но напередъ посмотримъ, что изъ нихъ приводитъ въ свою пользу брошюра.

Я. Читаю. «Св. Василій великій говоритъ, что

касается его (діавола) естества, то *оно безплотное*, по словамъ Апостола: *нѣсть наша брань къ плоти и крови, но къ духовомъ злобы* (Еф. 6. 12.)... Мѣсто начальства его (діавола) — воздухъ, какъ тотъ же Апостолъ сказалъ: *по князю власти воздушныя* (Еф 2, 2.).» Далѣе, въ томъ же словѣ св. Василій говоритъ, что «полчища демоновъ, подчиненныхъ князю ихъ, пребываютъ въ воздухѣ; что подъ словомъ воздухъ надо разумѣть все пространство между небомъ и землею.» (Изъ слова о томъ, что Богъ не есть виновникъ зла.)

Стар. И только изъ св. Василія великаго?

Я. Только. Далѣе слѣдуетъ выписка изъ св. Аѳанасія.

Стар. Ну, судите же сами, что доказываютъ эти слова св. Василія великаго?—Совершенно ничего въ пользу брошюръ, а все въ пользу нашу. Говоритъ онъ, что естество злыхъ духовъ безплотно. Да; потому что они не имѣютъ никакой плоти, ни грубой, ни тонкой, потому, т. е., что суть чистые духи. Что такова мысль св. Василія, — видно изъ текста, который онъ приводитъ въ подтвержденіе сего: *нѣсть наша брань къ плоти и крови....* Какая это брань? Совсѣмъ не плотская, а духовная, въ помышленіяхъ и движеніяхъ сердца совершающаяся. Помыслъ злый всѣвается и помысломъ благимъ отревается. Есть ли тутъ что тѣлесное?— И быть не можетъ. Почему и говоритъ въ другомъ мѣстѣ Апостолъ: *оружія воинствованія нашего не плотскія.. и вся брань происходитъ въ низложеніи помышленій* (2 Кор. 10, 4). Если брань, на которую указываетъ св. Василій въ подтвержденіе своей мысли о безплотности воюющихъ на насъ, есть духовная; то очевидно, что, называя естество

ихъ безплотнымъ, онъ понималъ его чисто духовнымъ. Что мѣстомъ пребыванія духовъ св. Василій, вслѣдъ за Апостоломъ, полагаетъ воздухъ, это ровно ничего не доказываетъ. Ибо гдѣ нибудь надобно быть духамъ. Не въ томъ сила, что они находятся въ извѣстномъ мѣстѣ, а въ томъ, какъ находятся. Объ этомъ Василій вел. ничего не говоритъ; а какъ сіе понимать должно, мы видѣли у св. Дамаскина, т. е. что они бываютъ въ извѣстномъ мѣстѣ умно, духовно, и самое мѣсто, гдѣ они бываютъ, называется умнымъ мѣстомъ; изъ чего видно, что ни подъ мѣстомъ ихъ, ни подъ пребываніемъ въ немъ не должно разумѣть ничего плотскаго и тѣлеснаго.

Итакъ очевидно, что приводимое брошюрою мѣсто изъ Василія великаго не ея мысль подтверждаетъ, а скорѣе нашу. Сказавши это, можно бы перейти къ другимъ свидѣтельствамъ брошюры, посовѣтовавъ ей, если хочетъ имѣть на своей сторонѣ свидѣтельство Василія великаго, поискать другихъ. Но избавимъ ее отъ сего труда, указавъ прямое ученіе св. Василія вел. о духовности души и Ангеловъ; тогда имъ нечего будетъ искать, ибо св. Отецъ противорѣчить самъ себѣ не можетъ.

Потрудитесь-ка найти, какъ св. Василій вел. учитъ о твореніи Ангельскаго міра. Это въ 6-й гл. бесѣд. 1-я стр. 7.

Я. Нахожу и читаю. «Было нѣчто, какъ вѣроятно, и прежде сего міра; но сіе, хотя и постижимо для нашего разумѣнія, однакоже не введено въ повѣствованіе, какъ несоотвѣтствующее силамъ новообучаемыхъ и младенцевъ разумомъ. Еще ранѣе бытія міра, было нѣкоторое состояніе, приличное премірнымъ силамъ, превыспее времени,

вѣчное, приснопродолжающееся. Въ немъ-то Творецъ всяческихъ совершилъ созданія — *мысленный свѣтъ*, приличный блаженству любящихъ Господа, *разумныя* и невидимыя *природы* и все украшеніе *умосозерцательныхъ тварей*, превосходящихъ наше разумѣніе, такъ что нельзя изобрѣсти для нихъ наименованій. Онѣ-то наполняютъ собою сущность невидимаго міра, какъ научаетъ насъ Павелъ, говоря: *яко Тѣмъ создана быша всяческая, аще видимая, аще невидимая, аще престоли, аще господствія, аще начала, аще власти* (Кол. 1, 16).

Стар. Ясно, какъ день, что Ангелы, по св. Василію, не могутъ имѣть ничего вещественнаго и тѣлеснаго. Ибо созданы прежде всякаго вещества. Почему и суть они у него силы премірныя, мысленный свѣтъ, разумныя природы, умосозерцаемыя твари. Эта мысль одинакова у Василія вел. съ Григоріемъ Богословомъ, и встрѣчается у него не разъ, какъ и у того. Стало, это не случайно вырвавшаяся фраза, а обдуманное и въ общую систему ихъ ученія вошедшее положеніе. Основываясь на семъ, мы можемъ всѣ, встрѣчающіяся у Василія вел., выраженія, подобныя вышеприведеннымъ, считать за выраженіе его понятія объ нихъ, какъ о духахъ невещественныхъ и безтѣлесныхъ. А такихъ выраженій очень много. Перескажу ихъ, какъ они у меня замѣчены.

Т. 2, стр. 255, изд. Моск. Акад. «Серафимъ есть нѣкоторая *премірная сила*.» Если премірная сила, то какъ будетъ тѣло и какое либо вещество? Ибо внѣ міра нѣтъ тѣлъ, и нѣтъ никакого вещества. Тоже самое слово приложено у него къ Серафимамъ и немного повыше, на стр. 251. 250 — На стр. 250, сверхъ того, всю совокупность тва-

рей раздѣляетъ онъ на *мысленныя* и чувственныя, какъ и Григорій Богословъ. А на 249 стр. Ангеловъ, посылаемыхъ на помощь святымъ, именуетъ *Божественными* силами. Подъ мысленными тварями, конечно, не разумѣетъ онъ ничего тѣлеснаго и вещественнаго: ибо въ тѣлѣ и веществѣ какая мыслительность; равно какъ и подъ Божественными или Богоподобными силами: ибо въ Богѣ ничего нѣтъ вещественнаго.

Въ 3-мъ т. на стр. 287 Ангельскія премірныя силы названы *чистыми* и *духовными*. Подъ духомъ же, на стр. 264—5, онъ разумѣетъ нѣчто *безплотное, чисто невещественное* и *несложное*.

Думаю, что всякій непредубѣжденный удовольствуется приведенными свидѣтельствами и согласится признать, что св. Василій вел. почиталъ Ангеловъ чистыми духами. Но полагаю, что эти свидѣтельства получатъ еще большую твердость и убѣдительность, если къ нимъ присоединить мѣста св. Василія, въ которыхъ онъ выражаетъ свое понятіе о душѣ, какъ о силѣ духовной, совершенно невещественной. Приведу нѣсколько свидѣтельствъ и объ этомъ.—

Такъ т. 4 на стр. 34, Василій вел. рѣшаетъ вопросы: что мы, что наше и что около насъ? И отвѣчаетъ: «*душа и умъ*—это мы!» Душа же и умъ у него, не какъ одно въ другомъ, а тождественны» (т. 5, стр. 390). Слѣд. то, что сознаетъ себя въ насъ, или что дѣлаетъ насъ нами, а не другимъ чѣмъ, отличительная, характеристическая часть наша—это есть душа—умъ. Но кто когда считалъ умъ тѣломъ, или чѣмъ либо вещественнымъ? По Василію же великому что есть умъ?—«Умъ есть, говоритъ, нѣчто прекрасное, есть то, что дѣлаетъ

насъ *созданными по образу Божію»* (т. 7, стр. 155). А Богъ развѣ тѣло, чтобъ думать, что и душа—умъ есть тѣло?! Почему,—когда Василій вел. вообще опредѣляетъ человѣка такими словами: «вотъ что человѣкъ,—умъ, тѣсно сопряженный съ приспособленною къ нему и приличною плотію» (т. 4, стр. 330),—никому и въ голову не придетъ, чтобъ онъ подъ словомъ умъ—душа разумѣлъ что либо тѣлесное и вещественное.—Почитая умъ—душу духовною, св. Василій и пищу ей назначаетъ духовную. «Какъ человѣкъ, говоритъ, двойственъ, состоитъ изъ души и тѣла; такъ и пища у него двоякая!!.. Пища души—подвиги благочестія, догматы вѣры, уроки нравственности. Отъ нихъ ростетъ и крѣпнетъ душа. Напротивъ, кто не вкушаетъ спасительныхъ и животворныхъ ученій; тотъ изнуряетъ свой умъ—душу» (т. 2, стр. 54, 55). Скажите, какъ вещество, какъ бы тонко оно ни было, питать духовною, умовою пищею?!

Кажется бы и довольно. Но мнѣ очень желательно указать вамъ еще одно мѣсто, которое, какъ только прочитаете, сами согласитесь, что не слѣдовало пропускать его. — Найдите т. 5, стр. 391.

Я. Нахожу и читаю. «*Душевная сила двояка, хотя душа одна и таже;* именно же *одна*—собственно жизненная сила тѣла, а другая—сила, созерцающая, которую называютъ также *разумною*...... Но душа, поелику соединена съ тѣломъ *естественно*, вслѣдствіе сего соединенія, а *не произвольно*, сообщаетъ тѣлу жизненную силу. Ибо какъ солнцу, возсіявъ, невозможно не освѣщать того, на что простерло лучи: такъ невозможно душѣ не оживлять тѣла, въ которомъ пребываетъ. А сила созе-

производятся немедленно расчеты, по удовлетворенію увольняемыхъ нижнихъ чиновъ жалованьемъ и всѣмъ слѣдующимъ имъ по положенію, артельными и собственными ихъ деньгами, также годовыми и мундирными вещами.

Примѣчаніе. При расчетахъ надлежитъ имѣть въ виду, что увольняемые въ отставку и въ отпуски нижніе чины подлежать будутъ удовлетворенію жалованьемъ и всѣмъ слѣдующимъ по положенію *по день исключенія ихъ* изъ списковъ, приказами по полкамъ, батареямъ и другимъ отдѣльнымъ частямъ, какъ объ этомъ объясняется ниже въ § 44-мъ.

О ПОЛУЧАЮЩИХЪ ПЕНСІИ ПО ЗНАКУ ВОЕННАГО ОРДЕНА.

§ 29.

Тѣмъ нижнимъ чинамъ, назначеннымъ къ увольненію въ отставку, безсрочный или временной отпускъ, которымъ производилась на службѣ пенсія по знаку военнаго ордена Св. Георгія, изготовляются аттестаты, съ объясненіемъ, по какое именно время они удовлетворены пенсіею. Форма аттестатовъ при семъ прилагается *подъ № 8-мъ.*

Аттестаты сіи выдаются пенсіонерамъ на руки, какъ документы, для полученія пенсій изъ Казначействъ.

Я. Можетъ быть, какъ нибудь послѣ нападемъ на него, а теперь поспѣшимъ докончить пересмотръ свидѣтельствъ изъ св. Отцевъ, приводимыхъ брошюрою.

Стар. Да, надо поспѣшить. Протянулось дѣло. Какъ-то не утерпишь, — все хочется до конца договорить. Впрочемъ вѣдь мы, кажется, не изъ пустаго въ порожнее пересыпаемъ. — Кто тамъ еще слѣдуетъ?

Я. Слѣдуетъ Аѳанасій великій. Но мы его уже пересматривали и нашли, что онъ совсѣмъ не на сторонѣ брошюръ, поминали и о томъ, что мѣста, приводимыя брошюрою изъ св. Аѳанасія, именно — отрывки изъ рѣчи Антонія вел., помѣщенной св. Аѳанасіемъ въ житіи сего св. отца, ничего не доказываютъ. Они изображаютъ явленія злыхъ духовъ и козни ихъ, о природѣ же ихъ не говорятъ ничего. Одна какая-то есть фраза и та не въ пользу брошюръ.

Стар. Такъ на этомъ мѣстѣ нечего и останавливаться. Пойдемте далѣе. — Кто тамъ?

Я. Слѣдуетъ св. Іоаннъ Златоустый. Читать?

Стар. Нѣтъ; дайте-ка мнѣ брошюру, я самъ буду пересматривать и замѣчать, что нужно.

Стр. 31. Первое мѣсто св. Златоуста, неизвѣстно откуда заимствованное, говоритъ, что воздухъ наполненъ Ангелами, которые защищаютъ насъ отъ злыхъ духовъ — враговъ мира. — Этого и мы не отвергаемъ; но, исповѣдуя, что они посылаются въ служеніе къ хотящимъ наслѣдовать спасеніе, признаемъ ихъ чистыми духами. Какъ это мѣсто брошюры обращаютъ въ свою пользу, не понимаю. Оно не говоритъ о природѣ Ангеловъ.

Второе свидѣтельство Златоуста, изъ 22 бесѣды на кн. Бытія, приведено не словами Златоуста, а перифразировано. Но и въ перифразѣ удержано, что св. Златоустъ называетъ Ангеловъ *безплотными*. Какъ же брошюра хочетъ этимъ доказать свою мысль, что Ангелъ — тѣло? Поистинѣ непостижимо. Ужъ когда они безплотны, стало, — не плоть и не тѣло. — Прінщите-ка, посмотримъ, какъ стоитъ у св. Златоуста.

Я. Ищу и читаю (на кн. Б. т. 1. бесѣд. 22. стр. 396). «Не безумно ли говорить, будто *Ангелы* низошли до сожительства съ женами, и *безтѣлесная природа* унизилась до совокупленія съ тѣлами?... Развѣ не слышишь, что говоритъ Христосъ о *естествѣ Ангельскомъ: въ воскресеніе ни женятся, ни посягаютъ; но яко Ангели Божіи суть* (Мо. 22, 30). Да и невозможно, чтобъ безтѣлесная (Ангельская) природа возымѣла когда нибудь такое (плотское) вожделѣніе.»

Стар. На мой взглядъ это рѣшительно говоритъ противъ брошюръ. Очевидно, что св. Златоустъ признаетъ Ангеловъ безтѣлесными; безтѣлесными? — стало, невещественными; а невещественное — духъ. Намъ остается только благодарить брошюру за указаніе свидѣтельства Златоуста въ нашу пользу.

Я. Но смотрите-ка, что дальше-то писано? - Это побѣдоносное свидѣтельство св. Златоуста въ противность мнѣнію брошюръ: Вѣдь онѣ постоянно твердятъ, что видимое въ Ангелахъ являющихся, — это и есть ихъ естество, что они являются въ своемъ естествѣ, что видимые въ нихъ члены суть ихъ собственные. А Златоустъ говоритъ совсѣмъ напротивъ. Слушайте. (Тамъ же да

лѣе) — «Сверхъ того должно подумать, что принять такое мнѣніе было бы величайшею нелѣпостію. Ибо если святые и Духа Святаго удостоенные мужи не въ силахъ были переносить даже явленія Ангеловъ; если и мужъ желаній, узрѣвъ *присутствіе Ангела, не самое существо* (ибо *какъ можно видѣть безтѣлесное существо?*), но воспринятый имъ образъ, лишился силъ и едва не самой жизни, если и столь великій и высокій мужъ упалъ почти бездыханнымъ: то кто, и самый легкомысленный, согласится съ этими лукавыми и крайне безумными словами, будто *безтѣлесная* и *духовная природа* имѣла совокупленіе съ тѣлами?»

Стар. Рѣшительно побѣдоносно. Св. Златоустъ называетъ Ангеловъ *безтѣлесною* и *духовною* природою; а брошюра говоритъ, что они—тѣло. Св. Златоустъ говоритъ, что ангелы, являясь, принимаютъ образъ, а брошюры учатъ, что у Ангеловъ свой образъ и видъ, какой имѣетъ человѣкъ въ своемъ тѣлѣ. Св. Златоустъ говоритъ, что когда видятъ Ангела, зрятъ только присутствіе Ангела, а не самое естество, котораго, какъ безтѣлеснаго, видѣть нельзя; а брошюра утверждаетъ, что Богъ отверзаетъ очи достойныхъ,—и видятъ Ангеловъ въ естествѣ ихъ. (См. приб. къ сл. о см. стр. 26 и 27.)—Но я помню, что у св. Златоуста есть еще мѣсто, объясняющее явленіе Ангеловъ не по мыслямъ брошюры. Это, кажется, въ 7-мъ словѣ противъ аномеевъ. Тамъ говорится, что Ангелы часто на землѣ являлись въ человѣческомъ образѣ, и даже—самъ Богъ: но являемое не было *истина плоти*, а снисхожденіе. Т. е. являемое было не истинная плоть, а такое явленіе, которое устроялось изъ снисхожденія къ немощи человѣка (См.

по изд. Migne t. 1. стр. 765.)—Вотъ и здѣсь св. Златоустъ говоритъ, что являемое не есть истинная плоть: а брошюра говоритъ: нѣтъ это есть истинное тѣло—самъ Ангелъ.

Третье свидѣтельство изъ св. Златоуста говоритъ о явленіяхъ Ангеловъ добрыхъ и злыхъ, при одрѣ умирающихъ.—Мы уже видѣли, что выводить изъ явленія Ангеловъ въ тѣлесномъ образѣ заключеніе, что они суть тѣло, значитъ грѣшить противъ логики, допуская неправильное умозаключеніе—petitio principii.

Четвертое свидѣтельство Златоуста изъ Слова о непостижимомъ. Описывается явленіе Ангела Даніилу тоже самое, которое приведено впереди изъ бесѣдъ на кн. Бытія. Но по особымъ цѣлямъ, какія имѣлъ св. Златоустъ, въ Словѣ о непостижимомъ опущены, при описаніи явленія Даніилу, тѣ пояснительныя мысли, которыя находятся въ бесѣдѣ на книгу Бытія, и которыя такъ сильно опровергаютъ мнѣніе брошюръ. Стало, здѣсь одно описаніе явленія Ангела, которое ничего не доказываетъ.

Пятое свидѣтельство изъ Златоуста говоритъ, что бѣсы носятся въ воздухѣ и могутъ показать намъ свой страшный образъ (изъ толк. на 41-й псаломъ).—Что изъ того? И Ангелы наполняютъ воздухъ. Быть въ воздухѣ возможно и для безтѣлесныхъ и невещественныхъ. И показать образъ свой привлекательный могутъ Ангелы. Но намъ уже извѣстно, какъ Златоустъ понимаетъ этотъ образъ. Они принимаютъ его. Но если добрые Ангелы принимаютъ пріятный образъ; то что мѣшаетъ бѣсамъ принимать образъ страшный?—Вотъ это мѣсто ничего не говоритъ въ пользу мнѣнія

ни плети вокругъ садовъ, луга коси господскіе, дороги починяй; пришла пора рабочая, хоть бы вотъ теперича,—идти бы убирать свой хлѣбъ,—нѣтъ, сюда ступай… Дни вишь такіе выговорили!.. Сосчитай-ка эти выговоренные дни,—много-ли время на свое дѣло останется?.. Право, барщина сходнѣе…

— Знамо такъ; Филиппъ правду сказываетъ.. Это точно какъ есть!.. отозвались ближайшіе мужики.

— Поди-ка столкуй съ управителемъ, поговори ему, что онъ тебѣ скажетъ, произнесъ Гаврило съ сердцемъ:—ужъ было такое дѣло, изъ другихъ вотчинъ пріѣзжали, говорили ему,—съ тѣмъ и уѣхали! Ты свое,—онъ свое: „знать, говоритъ, ничего не хочу; мое дѣло, говоритъ, было-бы прежде всего исправно!..“ А что на счетъ работы, какую теперь справляемъ, продолжалъ разсудительно Гаврило:—надо правду сказать,—браниться да жаловаться не за что: поле не господское, „мірское“ *)—стало, все единственно, для себя трудимся!

— Главная причина, дядя Гаврило, заговорилъ опять мужичокъ съ веснушками: не во времени работа,—вотъ что! Этимъ пуще всего народъ обижается; у самихъ хлѣбъ сыплется, а ты здѣсь валандайся; оно хоть и мірское дѣло,—а свое все жалчѣе упустить.

— Потому и говоришь вамъ: братцы, велѣно! какъ ни бейся, сдѣлать надо; работай дружнѣй, не тормози рукъ; здѣсь скоро отдѣлаемся, за свое скорѣй примемся… Ну, дружнѣй, ребята, подкашивай, подкашивай,—къ вечеру, чтобы совсѣмъ убраться!.. подхватилъ Гаврило, возвышая голосъ и принимаясь снова ходить по полю.—Эй-вы, бабы,—полно вамъ безперечь къ люлькамъ бѣгать!.. Охъ, эти бабы пуще всего!.. Авдотья, ты никакъ съ самаго обѣда торчишь у люльки, ни одного снопа не связлала… Брось, говорю!.. Эки, право, ни стыда въ нихъ нѣтъ, ни совѣсти!..

---

*) Мірскимъ полемъ называется часть земли, которая отрѣзывается крестьянамъ для посѣва хлѣба, поступающаго потомъ въ такъ называемые магазины. Такой запасъ ржи и овса дѣлается на случай неурожая, недостатка зеренъ для посѣва. Въ деревняхъ, гдѣ существуетъ порядокъ, строго наблюдаютъ, чтобы въ магазинѣ всегда находился запасъ зеренъ, который обезпечивалъ бы въ случаѣ несчастія все населеніе деревни.

что *Богъ вдуну въ лице его* (человѣка) *дыханіе жизни*,— разумѣй, что Онъ какъ произвелъ *безтѣлесныя силы*, такъ благоволилъ, чтобъ и тѣло человѣка созданное изъ персти, имѣло *разумную душу*, которая могла бы пользоваться тѣлесными членами. Св. Златоустъ внушаетъ здѣсь, что разумная душа въ тѣлѣ есть безтѣлесная сила.—Безтѣлесное въ тѣлѣ конечно уже и не тонкое какое либо тѣло.»

Тутъ же далѣе, на стр. 205. «Усматривай и различіе между созданіемъ этого чуднаго разумнаго животнаго и созданіемъ безсловесныхъ. Объ нихъ Богъ говоритъ: *да изведутъ воды гады душъ живыхъ*,—и тотчасъ произошли изъ водъ одушевленныя животныя. И о землѣ опять такимъ же образомъ: *да произведетъ земля душу живу*. Съ человѣкомъ было не такъ; но прежде созидается тѣло изъ персти, а потомъ дается ему жизненная сила, которая и составляетъ существо души. Вотъ почему и сказалъ Моисей о безсловесномъ, что *кровь его души его есть* (Лев. 17, 11). А въ человѣкѣ есть *безтѣлесная и безсмертная сущность*, имѣющая великое преимущество предъ тѣломъ, и именно такое, какое прилично (имѣть) безтѣлесному предъ тѣломъ». Опять безтѣлесное въ тѣлѣ. Какъ можно понимать подъ нимъ что либо тѣлесное? Ибо тогда слѣдовало бы сказать: въ грубомъ тѣлѣ тонкое тѣло, а не безтѣлесная сила. Отсюда видно, что слово—безтѣлесный у Златоуста означаетъ совершенную безтѣлесность и невещественность, или что тоже, чистую духовность. Поелику Златоустъ столько разъ именовалъ Ангеловъ безтѣлесными, то во всѣхъ тѣхъ случаяхъ не допустимъ йного смыслъ, какъ тотъ, что онъ понималъ

Ѳедоту, звучала веселость; каждый почти, заговаривая съ нимъ, прищуривалъ глаза и осклаблялъ зубы. Случалось, что иной мужичокъ,—особенно изъ молодыхъ и которые были попроще,— видя, какъ осклаблялись другіе,—схватывался попросту за бока и громко начиналъ смѣяться. Въ такихъ случаяхъ Ѳедотъ выше только подымалъ голову, весь какъ словно отъ макушки до пятокъ преисполнялся чувствомъ собственнаго достоинства и шелъ мимо, сохраняя такой видъ, какъ будто на пути попался муравей, не стоющій никакого вниманія.

Приближаясь къ мѣсту, гдѣ сосредоточивалась главная дѣятельность и куда сошелся почти весь народъ, Ѳедотъ спросилъ, какъ бы найти ему дядю Карпа? Карпъ, оказалось, косилъ въ числѣ передовыхъ косарей и находился на дальнемъ концѣ поля. Ѳедотъ медленно, какъ бы желая похвастать своей неторопливостію, направился въ указанную сторону. Проходя мимо подводъ, которыя пріѣхали за снопами, мимо бабъ, вязавшихъ снопы, и мужиковъ, шумѣвшихъ косами,—Ѳедотъ снова освѣдомился, гдѣ отыскать дѣдушку Карпа.

Признавъ наконецъ того, кого отыскивалъ, Ѳедотъ встрепенулся и ускорилъ шагъ; онъ словно вдругъ вспомнилъ о чемъ-то; лицо его выразило озабоченность, суетливость; онъ пошелъ такъ скоро, и началъ такъ размахивать руками, что потъ выступилъ на лицѣ и даже шеѣ; подойдя къ Карпу, который продолжилъ усердно косить, не замѣчая приближающагося,—Ѳедотъ, и безъ того запыхавшійся, старался еще показать видъ, что едва переводитъ духъ отъ усталости.

VI.

— Дядя Карпъ, здорово! Къ тебѣ... озабоченнымъ тономъ проговорилъ Ѳедотъ, снимая картузъ и отирая плоскій бѣлый лобъ съ прилипнувшими къ нему жиденькими кудрями.

— А, Ѳедотъ! воскликнулъ сѣдой, какъ лунь, старичокъ, быстро поворачивая къ Ѳедоту сухощавое лицо, изрытое глубокими морщинами:—какъ ты здѣсь?..

— Къ тебѣ, дядя Карпъ... Ухъ, умаялся!—дай духъ переведу, сказалъ Ѳедотъ, стараясь показать вдвое больше усталости,

чѣмъ было на самомъ дѣлѣ:—примѣрно, такое дѣло... переговорить надо...

Тутъ Ѳедотъ нахмурилъ брови, покосился на стороны и замѣтивъ, что ближайшіе мужики остановились и посматривали въ его сторону, началъ мигать Карпу на сосѣднюю ниву, гдѣ не было еще ни одного косаря.

— Говори здѣсь,—все одно, сказалъ старикъ.

— Нельзя, суетливо перебилъ Ѳедотъ:—никакимъ то-есть манеромъ... дѣло такое... Отойдемъ, говорю...

Онъ дернулъ старика за руку рубахи и силою почти отвелъ его шаговъ за десять.

— Аксенъ Андреевъ прислалъ, произнесъ онъ, быстро оглядываясь и какъ бы желая убѣдиться, что никто не слушаетъ.

— Это за чѣмъ?

— Насчетъ избы; ты избу приторговалъ... Прислалъ: „скажи, говоритъ, Карпу,—онъ тебѣ родственникъ, часто видаетесь,—скажи! задатку надо прибавить!..“

— Вѣдь я далъ ему задатокъ: и дѣло совсѣмъ порѣшили; чего-жъ еще? произнесъ старикъ нетерпѣливо.

— Говоритъ, много на избу охотниковъ...

— Ну...

— Много очень народу избу торгуютъ и деньги сейчасъ отдаютъ... „Коли, говоритъ Карпъ прибавитъ задатку, я обожду, пожалуй, а то, говоритъ, несходно!“ Я затѣмъ и пришелъ къ тебѣ; ты, дяди нынче же безпремѣнно сходи къ Аксену. Онъ такъ и наказывалъ: сегодня переговори съ нимъ; дѣло примѣрно такое, никакимъ манеромъ нельзя оставить! примолвилъ разсудительнымъ тономъ Ѳедотъ и даже зажмурилъ глаза.—Избу я видѣлъ: изба знатная; и цѣна не большая... упустить никакъ невозможно!..

Старикъ не слушалъ послѣднихъ словъ Ѳедота; съ досадливымъ, безпокойнымъ выраженіемъ лица смотрѣлъ онъ въ землю.

— Когда видалъ ты Аксена? спросилъ онъ.

— Нынче утромъ, въ самый обѣдъ. Какъ сказалъ онъ объ этомъ,—„дѣло такое, думаю себѣ, упустить нельзя; Карпъ Иванычъ сродственникъ, оставить негодиться“,—прямо къ тебѣ бросился...

— Какъ же попалъ ты туда къ Аксену? спросилъ Карпъ, медленно направляясь къ прежнему своему мѣсту.

естества. Человѣкъ грѣшникъ не становится скотомъ. Почему же у духовъ такъ вышло?! Пусть брошюры толкуютъ это какъ хотятъ; а я держусь словъ Златоуста, что Ангелы видятся не въ своемъ естествѣ, а въ принятомъ ими образѣ. Но въ такомъ случаѣ исчезаетъ всякая возможность доказать что нибудь видѣніями и явленіями, на которыя указываютъ. Брошюры лучше бы сдѣлали, если бы потрудились поискать у св. Кирилла прямаго ученія о природѣ душъ и Ангеловъ. Тогда и спорить было бы нечего. Но какъ не сдѣлано это существенное; то и поднимается споръ и — небезосновательный. Давайте-ка восполнимъ этотъ недостатокъ и поищемъ въ писаніяхъ св. Кирилла такихъ мѣстъ, которыя бы опредѣляли природу душъ и Ангеловъ. У васъ есть св. Кириллъ. Несите-ка его сюда.

Я. Да что — какъ нибудь сократить бы это дѣло. Ужъ уморились. Роешься, роешься, — голова заболитъ.

Стар. Пожалуй. Полѣниться и я не прочь. Но вѣдь ужъ и довольно понашли въ свою защиту. Всѣ Отцы за насъ. Вѣрно и св. Кириллъ не будетъ противъ. У меня впрочемъ есть три-четыре вымѣтки. Укажу ихъ, и довлѣетъ намъ.

Сколько помню, какъ ни случится Св. Кириллу говорить объ Ангелахъ, вездѣ онъ ихъ называетъ разумными. Такъ т. II. стр. 23. на кн. Быт. по изд. Migne. Ангелы названы святыми и разумными тварями. Равно въ Thesaurus t. VIII. стр. 187 называются они разумными высшими тварями. Тоже самое и во многихъ другихъ мѣстахъ. Разумность, такимъ образомъ, поставляемая отличительнымъ какъ бы свойствомъ естества Ангельскаго,

конца краю не видно, глазомъ не обведешь!.. Мѣсяцъ цѣлый косимъ; весь міръ коситъ, а все остается верстъ на десять нескошеннаго мѣста... такъ и оставляемъ... скотъ травить!..

Сказавъ это, Ѳедотъ снова поправилъ картузъ, снова поплевалъ въ ладонь и молодецки махнулъ косою; но луга косить, видно, не то что рожь; подъ косою Ѳедота жнивья осталось въ двое больше, чѣмъ слѣдовало, и колосья, захваченные имъ, легли не въ-рядъ, а раскидались на стороны.

Два молодые парня, работавшіе слѣва, громко засмѣялись.

Ѳедотъ повернулся къ нимъ спиною и осмотрѣлъ косу.

— Ну, ужъ коса! сказалъ онъ съ усмѣшкою, обращаясь къ мужику, который началъ разговоръ:—диковинное дѣло, какъ только Карпъ управляется... Какъ есть, ничего не беретъ! Дай-ка, братецъ ты мой, точило... Эхъ, была у меня коса,—вотъ такъ ужъ точно коса! подхватилъ Ѳедотъ, принимаясь водить бруском по лезвѣю:—и теперь еще двѣ такія же дома остались,—вотъ такъ косы! Случается, найдешь на такое мѣсто—копытникомъ заросло,—такія мѣста есть,—махнешь косою—словно трава валится! Въ нашихъ мѣстахъ в е такія-то косы; по два рубля платимъ; этихъ, какими вы косите, у насъ въ заводѣ нѣтъ, впервые вижу...

— Слышь, братъ, сказалъ словоохотливый мужичокъ:—ты этакъ по одной-то половинѣ не води точиломъ... этакъ совсѣмъ косу затупишь...

— Ничего, ладно, живетъ! возразилъ Ѳедотъ, возвращая ему точило.

Не поворачиваясь къ двумъ смѣявшимся парнямъ, Ѳедотъ снова принялся за работу; но дѣло по прежнему не клеилось; чѣмъ больше онъ храбрился, чѣмъ сильнѣе махалъ косою, тѣмъ дѣло меньше спорилось,—выходило и криво и косо.

— А, Ѳедотъ! отколь Богъ принесъ? неожиданно спросилъ Гаврило.

— Къ Карпу за дѣломъ пришелъ... Онъ отошелъ кваску испить; подсобить попросилъ...

— Да что ты, братъ, косы, что-ли, въ руки не бралъ? сказалъ Гаврило.—Смотри-ка, что натворилъ!..

Молодые парни опять засмѣялись; даже словоохотливый мужичокъ началъ ухмыляться.

— Натворишь непозолѣ! возразилъ Ѳедотъ, тыкая съ серд-

кончили разсмотрѣніе св. Отцевъ, на которыхъ хотѣли опираться брошюры. Но мнѣ думается, что надо обратить вниманіе на св. Іоанна Кассіана, который приводится въ Словѣ о смерти, въ примѣчаніи на стр. 15.

Стар. Объ немъ что много разсуждать?—Самое содержаніе выписки, которая значится въ указанномъ вами мѣстѣ, показываетъ, что у св. Кассіана не та мысль, которой держится брошюра. Св. Кассіанъ говоритъ, что Ангелы, Архангелы и прочія силы имѣютъ соотвѣтственное тѣло, въ которомъ существуютъ, хотя несравненно тончайшее нашего тѣла; и къ этимъ-то тѣламъ, въ которыя облечены Ангелы, и относитъ тѣла небесныя, о которыхъ поминаетъ Апостолъ, говоря: и *тѣлеса небесная, и тѣлеса земная*... и проч.. А брошюры утверждаютъ, что Ангелы суть тѣла тонкія, —сами Ангелы суть тѣла, такъ что кромѣ тѣла у нихъ ничего нѣтъ. Но это два мнѣнія, по моему, совершенно противоположныя. Еслибъ брошюры говорили только, что Ангелы имѣютъ тѣла, можно бы и не спорить. Я совершенно убѣжденъ, что Ангелы суть чистые духи, не имѣютъ тѣла; но спорить съ допускающими эту мысль не стану. Ибо при этомъ главною господственною стороною у Ангеловъ поставляется все же разумно-свободный духъ. Но когда говорится, что Ангелъ есть тѣло; тогда надобно отрицать у него разумно-свободность и сознаніе; ибо сіи качества не могутъ принадлежать тѣлу, какое ни придумай. Допустивъ это, и не могши, однакожъ, не видѣть въ Ангелахъ разумности и свободы, для объясненія ихъ остается сказать: это Богъ въ нихъ дѣйствуетъ, и придемъ прямою дорогою къ пантеизму. Ибо послѣ

распросы сосѣдей, желавшихъ узнать, зачѣмъ былъ Ѳедотъ, старикъ отдѣлывался, говоря, что родственникъ приходилъ безо всякой цѣли, а чаще всего отмалчивался. Онъ точно такъ же усердно продолжалъ косить, хотя уже видно было, что работа шла теперь машинально и косою водило не столько сознаніе, сколько привычка такого занятія. Потъ лилъ съ него ручьями; онъ оставался однакожъ къ этому менѣе прежняго чувствительнымъ; онъ рѣже даже останавливался, чтобы дать себѣ отдыхъ, остыть и порасправить спину.

Несмотря на то, что солнце совсѣмъ уже скатилось къ горизонту, въ полѣ было почти также душно, какъ въ полдень. Воздухъ, напитанный испареніями, былъ недвиженъ; самые тонкіе стебельки, приходившіе въ колебаніе безъ всякой видимой причины, стояли теперь какъ околдованные; облако пыли, поднятое стадомъ, которое полчаса назадъ прогнали въ деревню по отдаленному холму, стояло также высоко и только постепенно мѣняло свой цвѣтъ, превращаясь изъ золотистаго въ багровое, по мѣрѣ того, какъ ниже опускалось солнце.

Наконецъ солнце скрылось.

— Дядя Карпъ, народъ по домамъ пошелъ! сказалъ сосѣдній мужичокъ.

— Шабашъ! послышалось въ отдаленіи:—шабашъ, домой! подхватили ближайшіе косари.

Карпъ молча подбросилъ косу на плечо и поднялъ голову.

Въ разныхъ концахъ поля народъ направлялся къ деревнѣ; то тутъ, то тамъ раздавался скрыпъ навьюченныхъ снопами телѣгъ, которыя тяжело покачивались, пробираясь по пашнѣ.

Карпъ направился ускореннымъ шагомъ, въ надеждѣ догнать сноху свою; но ея нигдѣ не было; она не кормила ребенка, и какъ всѣ бабы, избавленныя отъ такой заботы, успѣла, вѣроятно, отойти очень далеко. Попадались только тѣ бабы, которыя поневолѣ должны были отставать, потому что еле-еле передвигали ногами, неся на спинѣ люльку, а въ рукахъ серпъ и кувшинчикъ.

При поворотѣ съ поля на дорогу, Карпъ встрѣтился съ Гаврилой.

— Ну, братъ, Карпъ Иванычъ, разобидѣли мы твоего Ѳедота, смѣясь, заговорилъ староста:—пошелъ отъ насъ—никому даже слова не промолвилъ; что за человѣкъ такой уродился!

Сказываютъ, опять перемѣнилъ мѣсто; на люблинской мельницѣ нанялся теперь... Зачѣмъ это приходилъ онъ? Тебя, что-ли, провѣдать?

— Эхъ! произнесъ старикъ, махнувъ рукою.

— Развѣ что неладно?

— Такое дѣло, совсѣмъ даже въ сумлѣнье приводитъ; зарѣцкой Аксенъ, что лѣсомъ торгуетъ, прислалъ его ко мнѣ...

— Зачѣмъ?

— Сказывалъ я тебѣ, приторговалъ я у него избу, началъ Карпъ такимъ голосомъ, какъ будто у него накипѣло въ сердцѣ и онъ радъ былъ наконецъ высказаться:—задатку взялъ онъ съ меня семьдесятъ рублевъ; дѣло совсѣмъ сладили; теперь прислалъ Ѳедота, говоритъ: „прибавить надо къ прежнему задатку“; очень, вишь, много народу на ту избу охотятся и деньги всѣ сейчасъ отдаютъ; „не сходно, говоритъ, ждать до осени!“ Самъ суди, Гаврило Леонычъ, откуда взять теперь денегъ? Хлѣбъ не убранъ, и хошь бы и убранъ былъ,—все одно не время его продавать; только въ убытокъ продашь... Вотъ дѣло какое,—шутъ его возьми! Я третій годъ за избой гоняюсь; такъ было обрадовался; моя совсѣмъ плоха; насилу прозимовали... Коли Аксенъ заартачится, не знаю, право, гдѣ ужъ искать избу; въ своей зиму никакъ не проживешь; вся кругомъ какъ есть промерзаетъ... Эхъ, шутъ его возьми! скрутилъ онъ меня этимъ по рукамъ и ногамъ...

— Почемъ за избу-то проситъ?

— Уговоръ былъ двѣсти-тридцать рублевъ, совсѣмъ ужъ было поладили...

— Сходно; по теперешнимъ цѣнамъ на что сходнѣе.

— Объ томъ и сокрушаешься; сходнѣе не найти; потому больше и жаль, Гаврило Леонычъ... вымолвилъ старикъ, насупивая брови.

Немного погодя, сквозь сѣрѣющія сумерки открылась деревня; войдя въ околицу, Карпъ и Гаврило разстались.

IX.

Антоновка выстроена была подъ самымъ скатомъ на плоской луговинѣ, которую огибала небольшая рѣчка; во всякое время на улицѣ стояла топь непроходимая; только теперешнее лѣто

приходить къ отрицанію бытія того существа, въ которомъ они отрицаются; то по такому ходу умствованія надо будетъ отрицать и бытіе Бога; ибо извѣстно, что Божеское естество *безплотно и не имѣетъ вида.* Если же послѣднее нелѣпо, то и первое.»

Отсюда выводится недоумѣніе, что при такомъ послѣдованіи мыслей, мы придемъ въ другую крайность, — должны будемъ признать умъ, (или душу) однимъ и тѣмъ же съ естествомъ Божіимъ.

Возраженіе брошюръ, такъ рельефно у нихъ выставляемое! и вотъ отвѣтъ св. Отца! —

Стр. 224 — 5. «Не говори: признать однимъ и тѣмъ же; потому что рѣчь сія нечестива, но, какъ наученъ Божественнымъ словомъ, скажи: признать одно подобнымъ другому. Ибо сотворенное по образу, конечно, во всемъ имѣетъ уподобленіе первообразу, *умственное — умственному и безплотное — безплотному,* свободно отъ всякаго времени, какъ и первообразъ, подобно ему *избѣгаетъ всякаго пространственнаго измѣренія,* но по свойству природы есть нѣчто иное съ нимъ, потому что не было бы образомъ, еслибъ во всемъ было одно и тоже съ первообразомъ; напротивъ того, *какими чертами* въ несозданномъ естествѣ отличается первообразъ, съ *тѣми же* самыми созданная природа показываетъ *образъ;* и какъ часто въ маломъ осколкѣ стекла, когда случится лежать ему подъ лучемъ, бываетъ видимъ цѣлый кругъ солнца, показываясь въ немъ не въ собственной своей величинѣ, но въ какомъ объемѣ круга вмѣщаетъ въ себѣ его малость осколка, такъ и въ *малости нашей природы сіяютъ образы невыразимыхъ оныхъ*

дѣній и *по полученіи на нихъ какъ маршрутовъ, такъ и кормовыхъ денегъ*, тотчасъ дѣлаются слѣдующія распоряженія:

а.) Уволенные люди собираются *къ назначенному* Командирами полковъ, батарей и другихъ отдѣльныхъ частей *дню* въ штабъ-квартиры, и удовлетворяются причитающимися *по этотъ день* каждому жалованьемъ и всѣмъ слѣдующимъ по положенію сполна, также артельными деньгами, равно годовыми и мундирными вещами.

б.) *Въ тотъ же день* удовлетворенные всѣмъ отставные и отпускные нижніе чины *исключаются изъ списковъ* приказами по полкамъ, батареямъ и по другимъ отдѣльнымъ частямъ, съ прекращеніемъ симъ людямъ, по день этого приказа, дальнѣйшаго производства всякаго содержанія, въ томъ числѣ и провіанта.

в.) *Со дня приказа*, объ исключеніи уволенныхъ въ отставку и отпуски нижнихъ чиновъ изъ списковъ, т. е., со дня прекращенія выдачи на нихъ провіанта въ-натурѣ, продовольствіе помянутыхъ людей начинается на счетъ кормовыхъ денегъ, на основаніи 290 статьи 4 части 5 книги Свода Военныхъ Постановленій.

Объ этомъ должно быть означено въ тетради о кормовыхъ деньгахъ, съ засвидѣтельствова-

(часть 1-я, по Моск. из. пер.) Приведу только такія, которыя имѣютъ какой либо новый оттѣнокъ. Здѣсь напр. говорится, что въ основаніе устройства полагаетъ (Богъ) въ человѣкѣ *сугубое начало*, смѣшавъ *съ земнымъ Божественное*, чтобъ ради того и другаго имѣть ему наслажденіе, какое сродно и свойственно тому и другому, наслаждаясь *и Богомъ по естеству Божественному*, и земнымъ по однородному съ нимъ чувству» (стр. 85); что душа показываетъ въ себѣ далекость отъ матеріи, тѣмъ самымъ, что, *не подчиняясь, свободно, полновластно* располагаетъ своими желаніями» (стр. 88); что какъ Божество есть умъ и слово, такъ недалеко отъ этого *и естество человѣческое* (стр. 90); что стремиться къ *совершенству житія въ Богѣ* есть принадлежность духа (стр. 100); что *безплотное естество* не объемлется *какими либо мѣстными очертаніями* (на вопросъ: въ сердцѣ, или въ мозгу — умъ? (стр. 113); что (у насъ не три души) — *душа* по естеству одна, *умная, невещественная*, посредствомъ чувствъ соединенная съ естествомъ вещественнымъ (стр. 132) и проч. и проч......

Все это въ совокупности не требуетъ толкованій. Ясно, какъ день, что св. Григорій Нисскій признавалъ душу чистымъ духомъ. Можно и не жалѣть, что мы не можемъ привесть изъ него особыхъ мѣстъ о природѣ Ангеловъ. Ибо если душа — духъ; то тѣмъ паче — Ангелъ. Впрочемъ одна мысль его прямо объ Ангелахъ мимоходомъ высказана имъ и нами приведена уже. Подобная же мысль содержится и въ 4-мъ словѣ о молитвѣ (т. 1 стр. 436. Моск. Ак. перев. (гдѣ говорится, что вся *разумная тварь* дѣлится на естество *безплотное* и на облеченное плотію; *безплотное естество есть*

Ангельское, а другой видъ естества — мы люди. Рѣшительная опредѣленность ученія св. Григорія Нисскаго о духовности души — одной разумной твари отнимаетъ всякую возможность кривотолковать безплотность тонкоплотностію. — Но вотъ одно мѣсто, гдѣ онъ прямо Ангеловъ называетъ не безтѣлесными только, но и совсѣмъ невещественными! «Тебя, человѣкъ, Ангелъ касается, и, будучи *безтѣлеснымъ и невещественнымъ*, не гнушается тебя, изъ плоти и крови составленнаго.»

Этимъ кончимъ наше разсмотрѣніе втораго доказательства, употребленнаго брошюрами въ подтвержденіе своей мысли, разсмотрѣніе, т. е. ряда свидѣтельствъ св. Отцевъ и учителей св. Церкви. Всякій непредубѣжденный безспорно согласится, что на сторонѣ брошюръ не остается ни одного св. Отца. Малая тѣнь ихъ мнѣнія виднѣется у св. Макарія, но очень неопредѣленная. Св. Іоаннъ Дамаскинъ совсѣмъ не имѣлъ въ мысли того, что изъ него выводятъ брошюры. Прочіе св. отцы прямо противоположно стоятъ брошюрамъ. Имѣя теперь сей облакъ свидѣтелей, и во главѣ ихъ великихъ учителей и святителей — Василія великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, кто изъ православныхъ согласится, хоть на одну минуту допустить мысль, будто Ангелъ тѣло и душа — тѣло? Намъ остается только приложить: сего здраваго образа отеческихъ словесъ и держитесь всегда, братіе и отцы, матери и сестры!

Я. Благодареніе Господу, просвѣщающему немощь нашу и ограждающему насъ отъ уклоненій въ тьму великими свѣтилами Церкви, подобно солнцу, освѣщающему земные пути для незаблуднаго по нимъ шествія!

Стар. Благодареніе Господу! Самое трудное дѣло нами кончено. Осталось еще легонькое — разобрать соображенія ума, которыя дѣлаютъ въ защиту свою брошюры. Легонькимъ называю его по малозначительности его въ дѣлѣ познанія истины св. православной Вѣры. Не умъ — учитель въ Церкви, а Господь, — Господь, изрѣкшій истину самъ и чрезъ Апостоловъ, Духомъ Святымъ исполненныхъ, и изрекающій ее устами св. Церкви и единодушнымъ голосомъ всѣхъ Отцевъ, кои суть въ такомъ случаѣ истинные хранители Богооткровенно преданнаго ученія. — Хотя бы мы и ни слова не могли сказать противъ сихъ соображеній, можно сказать: Церковь такъ не учитъ, — отойди съ своими соображеніями, — и остаться спокойными.

Я. Ужь не оставить ли разсмотрѣніе ихъ? Растянулась рѣчь наша. Скорѣе бы конецъ.

Стар. Нѣтъ, нельзя. Они могутъ смущать не только умствующихъ при изученіи истинъ вѣры; потому что сіи соображенія имѣютъ своего рода хитросплетеніе, которое не всякій разберетъ; но, — и паче, — простыхъ, потому что сіи соображенія обставлены обращеніями къ такимъ предметамъ, которыми всякій дорожитъ, — напр., къ религіозному чувству, что-де станешь иначе думать, въ богохульство впадешь и пр. — Нѣтъ ужь надобно и ихъ вывесть на арену и учинить съ ними посильную борьбу.

Я. Хорошо. Но не отложить ли этого до другаго времени? Голова освѣжится отъ утомленія, и рѣчь пойдетъ живѣе.

Стар. Пожалуй, отдохнемъ, хоть надъ этимъ не долго копаться намъ придется.

Такъ мы и еще разошлись на время.

Но потомъ старецъ заболѣлъ, и бесѣдамъ нашимъ угрожала опасность—остаться недоконченными. Между тѣмъ и у меня самого возросъ интересъ видѣть разрѣшеніе недоумѣній, возбуждаемыхъ соображеніями брошюръ. Это и заставило меня, не дожидаясь выздоровленія старца, чтобъ начать снова бесѣды, просить его—изложить на бумагѣ свои замѣчанія объ умственныхъ соображеніяхъ брошюръ, какими хотятъ онѣ подтвердить свое мнѣніе, будто Ангелъ—тѣло и душа—тѣло. Старецъ охотно согласился. И вотъ его отвѣтъ!

---

3. ПИСЬМО СТАРЦА, ГДѢ РАЗБИРАЮТСЯ УМСТВЕННЫЯ СООБРАЖЕНІЯ БРОШЮРЪ.

Съ удовольствіемъ принимаю ваше предложеніе, тѣмъ болѣе, что моя болѣзнь не мѣшаетъ работать головѣ. Это избавитъ меня и отъ скуки, за неимѣніемъ дѣла сидѣть поджавши руки, и сократитъ срокъ выздоровленія. За дѣломъ не видишь какъ летитъ время.—Не буду, однакожъ, распространять рѣчей въ этомъ родѣ,—и скорѣе къ дѣлу.

Буду вести свои замѣтки строка за строкою брошюръ. Полнѣе соображенія ихъ *о тѣлесности Ангеловъ и душъ* помѣщены въ *Прибавленіи къ слову о смерти*. Съ нимъ и поведу рѣчь.

Здѣсь первое слово начинается (стр. 12) изображеніемъ безконечной высокости Божескаго естества, безконечнаго разстоянія Его отъ тварей, Его непостижимости и неприступности. Брошюра хочетъ какъ бы сказать: видишь, какъ высоко и далеко отъ тварей Богъ. Но Богъ есть духъ. Какъ

же ты хочешь, чтобъ душа и Ангелъ—твари были духъ? Говоря такъ, ты тварь ставишь на одну линію съ Богомъ, ни съ чѣмъ несравнимымъ.—Въ этомъ умствованіи похвально благоговѣніе предъ величіемъ Божіимъ; но выводъ, дѣлаемый изъ того, нельзя считать основательнымъ.

Тварь всякая, и самая высшая, не имѣетъ ничего своего. Все, что есть въ ней, есть даръ Божій. Но всякое благо, видимое въ тваряхъ, есть частичка блага полнаго, сущаго въ Богѣ. Что въ Богѣ безконечно совершенно и полно, то въ твари является въ многоразличной степени ограниченности. Такъ Богу вся возможна суть; и тварь можетъ дѣлать, но только кое-что, въ своемъ кругу, въ мѣрѣ силъ своихъ. Богъ всевѣдущъ; и тварь разумная вѣдаетъ, не не много и не всегда безошибочно. Богъ всеблагъ; и тварь бываетъ блага, но очень необширною и не всегда разумною благостію. Если перебрать, такимъ образомъ, все доброе въ тваряхъ, окажется, что все оно есть въ ограниченной степени причастіе безконечнаго добра Божескаго. Богу угодно было даровать тварямъ отъ Себя все добро, какого онѣ способны быть причастными и даровать независтно; такъ что ничего не осталось не дарованнымъ, что могло быть даровано. Такъ видишь, что очень многому, безконечному въ Богѣ, сія безконечность не препятствовала явиться въ тваряхъ въ ограниченной степени.

Теперь, чтобъ имѣть права основательно заключить къ отрицанію ограниченной духовности въ тваряхъ изъ представленія безконечной духовности въ Богѣ, надлежало доказать, что духовность есть такое благо между другими Божескими

благами, котораго невозможно сообщить тварямъ, когда онѣ содѣлались причастными прочихъ Божескихъ благъ. Но этого-то никакъ сказать и нельзя. Ибо естество Божеское непостижимо. Не можетъ быть постигнуто и то, какое изъ безконечныхъ добротъ Божескаго естества можетъ быть сообщено тварямъ въ ограниченной степени, и какое нѣтъ. Если же говорить что, то слѣдуетъ склониться на возможность сообщенія ограниченной духовности тварямъ, а не на отрицаніе ея. Ибо, съ одной стороны, извѣстно намъ, что благость Божія въ твореніи хотѣла излить въ тварь всякое вмѣстимое въ ней благо: а съ другой видимъ слѣды духовныхъ явленій въ тваряхъ, коихъ именуемъ мы разумными. Имѣя сіе въ мысли, не можемъ отрицать возможности сообщенія и естества духовнаго. И еще то надо сказать, что дать бытіе труднѣе, нежели окачествовать бытіе. Если безконечная полнота Божескаго бытія не положила преградъ, а напротивъ послужила источникомъ тому, чтобъ даровать бытіе конечнымъ тварямъ, то какое основаніе полагать, что безконечная его духовность будетъ преградою къ тому, чтобъ явились твари съ ограниченною духовностію? Напротивъ того, не слѣдуетъ ли заключить, что поелику есть безконечная духовность, то должна быть и духовность конечная?

Смотрите, какъ далеко отдалилъ отъ насъ Тріединаго Бога св. Григорій Богословъ? «Троица, говоритъ, премірная и превысшая времени,... невидима. Единая входитъ во святая святыхъ, всякую же тварь оставляетъ внѣ, и отдѣляетъ иныхъ первою, а другихъ второю завѣсою. Такъ первою отдѣлены отъ Божества существа небесныя и Ан-

гельскія, а второю же отдѣлено наше естество отъ существъ небесныхъ»... (1 ст. 239. сл.).

Видите, какъ далеко.—И Ангелы оставлены внѣ, а мы даже внѣ Ангеловъ.—Между тѣмъ однакожъ, не смотря на созерцаніе сей отдаленности и сокровенности Божескаго естества отъ тварей, когда сталъ онъ изображать сотвореніе тварей, не усомнился сказать, что Богъ во вторыхъ творитъ сродныя Себѣ твари, то есть разумныхъ духовъ. Его умъ, столько благоговѣйный и высокосозерцательный, не видѣлъ невозможности существовать конечнымъ по дару единаго Духа безконечнаго, безконечная духовность не поглощала у него возможности духовности конечной. Какъ ни высокъ и ни отдаленъ Богъ отъ тварей, однакожъ это не попрепятствовало, по мыслямъ св. Богослова, быть между тварями, сродными Ему тварями. Сродны же Богу природы умныя. Мы уже видѣли это мѣсто (т. 3, стр. 240, и 4, стр. 157-8) при разсматриваніи ученія св. Богослова объ Ангелахъ.

Посмотримъ теперь, какъ обставляетъ свою мысль брошюра (стр. 12. Приб. къ сл. о см.). «Богъ говоритъ, есть существо всесовершенное, неимѣющее ничего общаго съ существами сотворенными.» Можно ли такъ рѣзко отрѣзывать тварь отъ Творца? Высоко естество Божіе, но любообщительна благость. Возможно ли, чтобъ Творецъ не былъ видѣнъ въ твари? А если видѣнъ, какъ нѣтъ въ ней ничего общаго съ Творцемъ! Есть твари, о которыхъ Самъ Творецъ сказалъ, что онѣ созданы по образу Божію. Неужели же и тутъ ничего нѣтъ общаго, гдѣ образъ? Опять, когда возстановляются падшіе, Самъ Возстановитель поставля-

какъ взимать обывательскія подводы подъ свозъ больныхъ и квартирьеровъ; какимъ порядкомъ сдавать больныхъ въ госпитали и больницы; какъ поступать въ случаѣ безпорядка въ командахъ; какъ передавать мѣстному Воинскому Начальству отпускныхъ въ уѣздныхъ и губернскихъ городахъ Имперіи и особо по Царству Польскому; какой должны отдать отчетъ сопровождавшіе команды Штабъ и Оберъ-Офицеры, какъ въ людяхъ, такъ и въ суммахъ, которыя были выданы имъ на продовольствіе людей.

в.) Прогонныя деньги, на счетъ Коммисаріата, какъ до мѣста привода командъ (считая этимъ мѣстомъ губернскій городъ, въ которомъ находится Командиръ Гарнизоннаго батальона, долженствующій принять послѣдній отчетъ въ приводѣ команды), такъ въ обратный путь, если офицеръ, не пожелавъ воспользоваться отпускомъ, долженъ будетъ, по исполненіи возложеннаго порученія, возвратиться на службу въ свой полкъ или въ иную дѣйствующую часть.

г.) Именные списки нижнимъ чинамъ особо по каждой губерніи,—по формѣ подъ № 25-мъ.

Примѣчаніе. По этимъ спискамъ люди распускаются по домамъ, съ надлежащими отмѣтками, какъ требуется формою, и по роспускѣ всѣхъ людей самые списки въ

дѣлать наведенія, противныя мнѣнію брошюры. Св. Іоаннъ Дамаскинъ говоритъ: «Благій, всеблагій и преблагій Богъ, будучи весь благость, по безмѣрному богатству Своей благости, не потерпѣлъ, чтобъ благо, то есть, Естество Его, пребывало одно и никто не былъ причастникомъ его». Если естество Божеское духовно: то чего, посему, не потерпѣла благость Божія? Не потерпѣла, чтобъ никто не былъ причастникомъ сей духовности. Если не потерпѣла, то какъ же не быть между тварями духовнымъ тварямъ, съ Богоподобною духовностію? Онѣ и есть, какъ далѣе говоритъ св. Дамаскинъ: «Для сего Онъ сотворилъ умныя и небесныя силы (чисто духовныя), потомъ—видимый и чувственный міръ, наконецъ—человѣка изъ умнаго и чувственнаго (духъ—въ плоти) естества».!!

Это мѣсто почти слово въ слово взято изъ св. Григорія Богослова. А у него, какъ мы видѣли, умныя и небесныя силы называются сродными Богу, или Богоподобными естествами.

Далѣе слѣдуетъ (на стр. 13—16) пространная выписка изъ св. Іоанна Златоуста и св. Макарія о неприступности и непостижимости Божескаго естества. Но не объ этомъ у насъ рѣчь. Изъ неприступности слѣдуетъ только, что Богъ, любя разумныя твари и желая приблизиться къ нимъ, употребляетъ снисходительныя приспособленія, чтобъ онѣ возмогли вступить въ общеніе съ нимъ. Но чтобъ твари сіи не могли быть духами, — не слѣдуетъ. Скорѣе, удостовѣряясь въ благоснисхожденіи неприступнаго Бога и желаніи Его доставить общеніе съ Собою Ангеламъ и людямъ, надо допустить въ сихъ послѣднихъ духовность, чтобъ была у нихъ сторона способная къ общенію съ Бо-

ствомъ Внутренней Стражи, обыкновеннымъ этапнымъ порядкомъ, съ передачею оной всѣхъ подлежащихъ письменныхъ свѣдѣній.

О ШТАБЪ И ОБЕРЪ-ОФИЦЕРАХЪ, КОТОРЫЕ БУДУТЪ СОПРОВОЖДАТЬ КОМАНДЫ.

§ 57.

Штабъ и Оберъ-Офицерамъ, которымъ поручено будетъ препровожденіе командъ отставныхъ и отпускныхъ, дозволяется, буде пожелаютъ, по исполненіи возложеннаго на нихъ порученія, воспользоваться продолжительнымъ отпускомъ, на одинъ годъ, или менѣе того. Объ этомъ они должны объявить при отправленіи своемъ съ командами, а ближайшіе Начальники обязаны представить объ этомъ по командѣ установленнымъ порядкомъ; въ противномъ случаѣ Штабъ и Оберъ-Офицеры должны будутъ возвращаться на службу въ свои дѣйствующія части немедленно по сдачѣ въ губерніяхъ людей.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ИЗГОТОВЛЕНІЯ ВЪ ВОЙСКАХЪ ПИСЬМЕННЫХЪ СВѢДѢНІЙ НА НИЖНИХЪ ЧИНОВЪ.

§ 58.

Послѣ отправленія отставныхъ и отпускныхъ нижнихъ чиновъ въ губерніи, продолжается

го средоточнаго пункта: «если духовность сотворенныхъ духовъ ограничена: то они по необходимости должны имѣть извѣстную степень вещественности, свойственную ихъ природѣ.» Спрашивается теперь, какимъ образомъ ограниченная духовность необходимо должна быть въ извѣстной степени вещественна?—Откуда вытекаетъ эта необходимость? Здѣсь этого не видно. Дополнимъ сіе соображеніе изъ Слова о смерти. Тамъ въ примѣчаніи, на стр. 16, читаемъ: «Ангелы *подчинены* времени и пространству. Понятіе о подчиненіи пространству неразлучно отъ понятія о подчиненіи формѣ. Отринувъ понятіе о подчиненіи Ангеловъ пространству, должно или вовсе *отвергнуть ихъ существованіе, или признать ихъ безпредѣльными*, то есть, приписать имъ вездѣсущіе Божеское. Только двѣ *неопредѣленныя* величины—ничто и безконечное—не подчиняются никакой формѣ, всякая напротивъ того, опредѣленная величина, какъ бы ни была велика или мала, непремѣнно имѣетъ форму, по самой опредѣленности своей. Согласившись, что Ангелы ограничены, необходимо должно принять и то, что они по отношенію къ пространству имѣютъ форму, а по отношенію къ тонкости естества имѣютъ извѣстную степень этой тонкости, то есть неизбѣжно суть тѣла, какъ бы эти тѣла ни были тонки. Форма ограниченнаго существа непремѣнно обрисовывается, такъ сказать, самыми его предѣлами, оконечностями; обрисованное такимъ образомъ существо имѣетъ свой видъ. *Безконечное не подчинено никакой формѣ, какъ не имѣющее ни въ какомъ направленіи никакаго окончанія;* по этой же причинѣ оно не можетъ имѣть никакого вида. *Бога никтоже видѣ нигдѣже* (Іоан.

1, 18). Безконечное Существо не можетъ быть тѣломъ, потому что Оно *тоньше всякой превосходнѣйшей тонкости*, Оно — вполнѣ духъ.»

Вотъ доказательство!—Доказательно ли оно? Если, говоря о Богѣ, что Онъ есть Существо безконечное, нельзя иного разумѣть, какъ то, что Божеское *естество ни въ какомъ направленіи не имѣетъ окончанія*, то есть, что оно безконечно по протяженію; то само собою будетъ слѣдовать, что и конечное конечно по протяженію, то есть имѣетъ окончанія по всѣмъ направленіямъ; слѣдовательно, занимаетъ извѣстное пространство, по тремъ измѣреніямъ, имѣетъ свою форму и есть потому тѣло. Но если безконечное не означаетъ этого неокончанія ни въ какомъ направленіи, не означаетъ, то есть, безконечности по протяженію, то никакъ не будетъ слѣдовать, что конечное необходимо уже есть тѣло.

Теперь опредѣлить надобно намъ точный смыслъ слова—безконечный.

Въ латинскомъ нарѣчіи есть два слова: infinitus и indefinitus. И у насъ тоже два имъ соотвѣтствующія слова: безконечный или безпредѣльный, и неопредѣленный. Два термина, выражающіе понятія совершенно различныя. Неопредѣленный — значитъ—неимѣющій точныхъ границъ и очертаній, а безпредѣльный и безконечный — значитъ— неимѣющій степеней совершенства, или всесовершенный во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ;—полнота бытія, жизни, совершенства. Отношеніе къ пространству и времени тутъ не берется во вниманіе. Ибо безпредѣльный внѣ сихъ отношеній. Нельзя о немъ говорить—ни безконечно продолжающійся во времени, ни безконечно протяженный

въ пространствѣ.—Онъ есть вѣчный, чѣмъ и отрицается временность, и вездѣсущій, чѣмъ отрицается пространственность. Еслибъ въ брошюрахъ поимѣлось бы сіе послѣднее въ мысли, не было бы тѣхъ выводовъ, какіе выведены. Вся ошибка ихъ состоитъ въ неправильномъ понятіи о безконечности Божескаго существа. Если безконечное понять такъ, что оно ни въ какомъ направленіи не имѣетъ окончанія, то есть во всякомъ направленіи протяженно безъ конца; то оно исчезнетъ въ неопредѣленности, какъ то, о чемъ у насъ говорятъ: разлетѣлось въ воздухѣ. Почему, если брошюра, говоря, что безконечное не подчинено формѣ.. или далѣе,—что оно не имѣетъ вида, разумѣетъ подъ симъ эту неоконченность въ протяженіи, то она, превознося Бога на словахъ, по смыслу уничтожаетъ Его бытіе. Математическая величина неопредѣленная — тоже есть ничто.

Вижу даже, что и о духовности Божеской брошюра имѣетъ неправильное понятіе. Ибо говоритъ о безконечномъ: «безконечное не можетъ быть тѣломъ.» Почему? Потому что оно тоньше всякой превосходнѣйшей тонкости, оно—вполнѣ духъ. Выходитъ, что Божеское существо потому Духъ, что оно тоньше всякой превосходнѣйшей тонкости,—то есть, высочайшая, совершеннѣйшая тонкость, выше и совершеннѣе которой уже и быть никакая тонкость не можетъ. На такія мысли наводятъ термины брошюры. Какъ тонкость вообще есть принадлежность вещества; то и высшая —послѣдняя степень тонкости тоже будетъ указывать на вещество. Отсюда прямо будетъ слѣдовать, что, по понятію брошюры, и Богъ есть вещественъ. Брошюра, конечно, откажется отъ такаго вывода;

но онъ прямо вытекаетъ изъ ея терминовъ и, слѣдовательно, понятій; такъ у ней — два исходныхъ понятія неправильныхъ. И выводы у ней въ отношеніи къ Ангеламъ дѣлаются изъ того и другаго, то есть, какъ изъ понятія о безконечности, какъ неимѣніи окончанія ни въ какомъ направленіи, или безконечномъ протяженіи, такъ и изъ понятія о духовности, какъ о послѣдней степени тонкости. Именно это дѣлается въ слѣдующемъ положеніи: «Согласившись, что Ангелы ограниченны, необходимо должно принять и то, что они по отношенію къ пространству, имѣютъ извѣстную форму, а по отношенію къ тонкости естества имѣютъ извѣстную степень сей тонкости, то есть, неизбѣжно суть тѣла, какъ бы тѣла эти ни были тонки.» Не явно ли, что неограниченность разумѣется какъ неограниченная, безформная пространственность, и духовность, какъ совершеннѣйшая тонкость?

Изъ такихъ-то неправильныхъ понятій исходя, брошюры и построили все свое толкованіе о тѣлесности Ангеловъ и душъ. Но если законъ непреложенъ, что какъ скоро неправильны исходныя понятія, то и все выводимое изъ нихъ неправильно; то все построеніе брошюръ фальшиво. Если неограниченное безконечное существо не означаетъ неограниченности пространственной; то и ограниченность существа не означаетъ необходимо ограниченности по отношенію къ пространству, не требуетъ, потому, чтобъ существо сіе необходимо имѣло форму, чтобъ обрисовывалось своими предѣлами и оконечностями, и имѣло видъ. Все сіе можетъ быть умѣстно въ ограниченномъ, только не вытекаетъ изъ понятія о безконечномъ, не какъ

о неограниченной пространствености. Равнымъ образомъ, не вытекаетъ и слѣдующее положеніе: «отвергнувъ понятіе о подчиненіи Ангеловъ пространству, должно или вовсе отвергнуть ихъ существованіе, или признать ихъ безпредѣльными, то есть, приписать имъ вездѣсущіе.» Если неограниченность или безпредѣльность есть безконечная протяженность, или занятіе неопредѣленнаго какаго, а всевозможнаго протяженія и пространства; то будетъ необходимо слѣдовать, что коль скоро Ангелы не подчинены опредѣленному пространству, а всего пространства по ограниченности занимать не могутъ; то ихъ нѣтъ. Но если они есть и опредѣленному пространству не подчинены; то остается одно допустить, что они все исполняютъ пространство, или суть (по брошюрамъ) вездѣ. Все таки выходитъ, коль скоро возьмемъ въ основу неправильное понятіе о безконечномъ, будто оно есть существо, ни въ какомъ направленіи неимѣющее окончанія. Поставьте вначалѣ другое понятіе о безконечномъ, весь выводъ этотъ рушится самъ собою.

Вотъ я прошелъ всѣ предложенія или выводы брошюры изъ ея понятія о безконечномъ; но какъ понятіе сіе у ней не вѣрно; то не вѣрны и всѣ выводы. Изъ правильнаго понятія о безконечномъ нельзя сдѣлать такихъ выводовъ. Изъ правильнаго понятія о безконечномъ, какъ о всесовершенномъ, выходитъ, что всякое ограниченное существо можетъ имѣть только извѣстную долю совершенства и притомъ въ извѣстной степени. Но чтобъ оно необходимо занимало пространство, имѣло всѣ три измѣренія, имѣло свою форму и видъ, и было потому тѣло, сего никакъ не слѣдуетъ. Сіи

принадлежности выводятся изъ другихъ положеній о тварныхъ существахъ—именно, изъ положенія о тваряхъ вещественныхъ. Съ понятіемъ о веществѣ необходимо соединено понятіе о протяженіи; понятіе о протяженіи ведетъ къ понятію о формѣ; форма протяженнаго вещества есть тѣло. Изъ понятія же о тваряхъ невещественныхъ выходятъ другія положенія: вмѣсто протяженія, или, какъ говорятъ, количества екстенсивнаго, въ нихъ качествуетъ количество интенсивное, степень напряженія духовныхъ силъ и умственно-нравственныхъ качествъ. Такое свойство духовныхъ существъ не требуетъ, чтобъ они непремѣнно оформлялись въ пространствѣ, хотя дѣятельность ихъ непремѣнно должна проявляться гдѣ либо (*). Они существуютъ гдѣ либо, но не занимаютъ пространства, какъ занимается или наполняется оно тѣломъ; а только являютъ свое въ немъ присутствіе дѣятельностію духовныхъ или умныхъ силъ, составляющихъ ихъ сущность. Не оформляясь въ пространствѣ, они не имѣютъ очертаній; не имѣя очертаній, не имѣютъ вида. Вотъ прямыя слѣдствія изъ правильнаго понятія о безконечномъ и конечномъ!—слѣдствія, діаметрально противоположныя выводамъ брошюръ. Спора въ выводахъ не можетъ быть. Весь споръ, если ему умѣстно быть, долженъ быть въ кругѣ понятія о безконечномъ. Чье понятіе о безконечности вѣрно, на сторонѣ того и правда.

Въ Пространномъ Хр. катихизисѣ такъ сказано о существѣ Божіемъ: «Богъ есть духъ, вѣчный,

(*) Василій Великій т. 6 стр. 28. Ограниченнымъ называю не только естество, объемлемое мѣстомъ, но и... которое можно обнимать познаніемъ.

всеблагій, всевѣдущій, всеправедный, всемогущій, вездѣсущій, неизмѣняемый, вседовольный, всеблаженный» (ч.1 стр. 26). Все же сіе въ совокупности однимъ словомъ сказать: всесовершенный, или безконечно совершенный.

Въ Богословіи преосв. Макарія говорится: «Называя Бога *безпредѣльнымъ*, мы разумѣемъ, что Онъ не только свободенъ отъ всякаго ограниченія и недостатка, въ какомъ бы-то ни было отношеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ обладаетъ всѣми возможными совершенствами (существенностями — (realitatibus) и притомъ въ высочайшей степени, или безъ всякой степени и мѣры» (т. 1, стр. 76). На стр. 78 значится: «Должно помнить, что безпредѣльность или всесовершенство въ Богѣ не есть какое либо частное свойство Божіе, а общее, объемлющее собою всѣ прочія: Богъ, говоритъ св. Кириллъ Іерусалимскій, совершенъ во всемъ..., совершенъ въ вѣдѣніи, совершенъ въ силѣ, совершенъ въ величіи, совершенъ въ предвѣдѣніи, совершенъ въ благости, совершенъ въ правосудіи, совершенъ въ человѣколюбіи (Огл. поуч. VI п. 8. стр. 105 въ рус. пер.).

Вотъ такъ надо понимать безпредѣльность Божескаго естества! Нигдѣ тутъ не помянуто, хоть бы намекомъ какимъ, что оно потому безконечно, что не имѣетъ окончанія ни въ какомъ направленіи. Слѣдовательно, Ангеловъ и души не слѣдуетъ понимать такъ, какъ понимаютъ ихъ брошюры, основываясь на послѣднемъ неправильномъ понятіи о безпредѣльномъ. Не должно думать, чтобъ Ангеламъ и душамъ, поколику они конечны, необходимо должно принадлежать очертаніе, фигура, видъ, опредѣленное протяженіе въ простран-

ствѣ по тремъ измѣреніямъ.

Какъ Ангелы и душа суть въ пространствѣ, пониманію сего научились мы у св. Іоанна Дамаскина, по которому они такъ суть въ пространствѣ, что отъ этого не получаютъ вида или образа, и необходимости имѣть три измѣренія. А что души не имѣютъ ни очертанія, ни количества, ни протяженія по тремъ измѣреніямъ, ни мѣстнаго положенія,—сему научилъ насъ св. Григорій Нисскій, котораго ученіе надо считать не единоличнымъ, но совмѣщающимъ въ себѣ согласіе и Василія Великаго, и Григорія Богослова. Св. же Григорій Нисскій устранилъ и то недоумѣніе, которое рождается изъ отрицанія сихъ качествъ въ душѣ (и прибав. Ангелѣ), будто, то есть, поэтому должно считать ее одного естества съ Богомъ — безконечнымъ,—устранилъ, объяснивъ, что Богоподобіе не есть единосущіе.

Такимъ образомъ желаніе брошюръ — изъ ограниченности Ангеловъ и душъ вывесть, что они суть тѣло, можно считать очень неудачнымъ. Почему слѣдующее за тѣмъ (на 20 стр. Прибав. къ сл. о см.) обращеніе къ религіозному чувству, что-де смотрите, приписывая и тварямъ,—Ангеламъ и душамъ,—духовность, вы свойства Творца усвояете тварямъ и, слѣдовательно, впадаете въ богохульство (такой смыслъ должно имѣть это мѣсто),— оказывается излишнимъ, послѣ сдѣланныхъ предъ симъ объясненій. Даже можно съ подобною же рѣчью обратиться къ брошюрамъ, что-де смотрите, вѣдь вы, желая Бога защитить, указъ Ему предписываете, что Онъ можетъ и что не можетъ создать, и тогда какъ Онъ самъ свидѣтельствуетъ, что Имъ созданы твари, подобныя Ему, вы сво-

имъ отрицаніемъ говорите какъ бы Ему: гдѣ Тебѣ создать?! Равно, почитая Ангеловъ духами, не думаемъ впасть въ излишество почитанія; напротивъ опасаемся, какъ бы, назвавши ихъ тѣломъ, не оскорбить ихъ, ниже о нихъ думая, нежели что они есть. За излишекъ почитанія кто оскорбится? А за невоздаяніе должнаго, можетъ быть, и негодовать станутъ они на насъ.

Третьимъ соображеніемъ считаю то, что читаемъ на 41 стр. Приб. къ сл. о смер...., именно: «Связь души съ тѣломъ доказываетъ, что, не смотря на значительное различіе между тѣломъ и душею, тѣло и душа имѣютъ и нѣчто общее, имѣютъ — употребимъ выраженіе химіи — сродство. Если бъ не было сродства, не могло бы быть никакой связи. Если же есть сродство; то душа необходимо должна имѣть нѣкоторую свойственную себѣ вещественность.»

Всегда почти слышится возраженіе, вызывающее психологовъ, признающихъ душу духовною субстанціею, на объясненіе: какъ душа соединена съ тѣломъ, и какъ дѣйствуютъ они взаимно другъ на друга? Слишкомъ велико кажется разстояніе между духомъ и тѣломъ. И вотъ, чтобъ сблизить ихъ и тѣмъ ослабить силу предлагаемыхъ вопросовъ, говорятъ: и духъ—тѣло, только тонкое. Облегчается ли этимъ затрудненіе?—Кто какъ взглянетъ. Иной можетъ думать, что недоумѣніе остается въ прежней силѣ, и сверхъ того, не облегчая объясненія одной стороны (союза и взаимодѣйствія души и тѣла), непреодолимыя воздвигаетъ затрудненія съ другой (духовныхъ дѣйствій души — сознанія, свободы мысли и проч.). И я къ таковымъ пристаю. Но не объ этомъ теперь слѣ-

уволенныхъ Л.-Гв. изъ Гарнизоннаго баталіона и Гвардейскихъ Инвалидныхъ и Фурштатскихъ частей.

2.) По Пѣхотѣ Гренадерской.

3.) — ——— Армейской, считая въ оной и уволенныхъ изъ Линѣйныхъ баталіоновъ.

4.) По Артиллеріи Гвардейской.

5.) — ——— Гренадерской.

6.) — ——— Полевой, считая и уволенныхъ изъ парковъ.

7.) По Кавалеріи Гвардейской.

8.) — ——— Армейской, показывая въ оной и уволенныхъ изъ Корпуса Жандармовъ и Пограничной Стражи.

9.) По Стрѣлковымъ частямъ Гвардіи, Гренадеръ и Арміи.

10.) По Саперным частямъ Гвардіи, Гренадеръ и Арміи.

11.) Объ отпускныхъ, уволенныхъ:

Изъ Гарнизоновъ.

— Инвалидныхъ командъ и ротъ.

— Этапныхъ командъ.

— командъ, при Кадетскихъ Корпусахъ состоящихъ.

емъ, что душа—тѣло. Припомните одну нашу выписку изъ св. Василія Великаго о двоякой силѣ души — жизненной и разумной, и согласитесь, что моя мысль не собственно моя. Приведу и здѣсь то мѣсто. «Душевная сила, говоритъ онъ, двояка, хотя душа одна и та же; именно же: *одна* собственно жизненная сила тѣла, а другая — сила созерцающая, существующая, которую называемъ также разумною. Но душа, поелику соединена съ тѣломъ, *естественно*, вслѣдствіе сего соединенія, а не *произвольно,»* сообщаетъ тѣлу жизненную силу. А сила созерцательная приводится въ движеніе *по произволенію* (т. 5, стр. 391). Вотъ источникъ и особенная форма сродности тѣла душѣ, по которымъ никакъ не требуется, чтобъ они оба необходимо были тѣло.

Не говорю, чтобъ этимъ объясненіемъ секретъ союза души съ тѣломъ былъ раскрытъ. Но не могу не настаивать, что при немъ не настоитъ необходимости въ другихъ предположеніяхъ, тѣмъ паче въ такихъ странныхъ, по которымъ и душу слѣдовало бы признать тѣломъ. Душа прикасается къ тѣлу и дѣйствуетъ на него естественно, и обратное дѣйствіе тоже принимаетъ естественно.

Этимъ бы можно было окончить разсмотрѣніе третьяго соображенія брошюръ. Но меня особенно останавливаетъ въ немъ слово *сродство*, взятое изъ химіи, по которому можно означить и четвертое соображеніе брошюры. Оно испугало меня, когда встрѣтилъ я его здѣсь въ первый разъ, возродивъ опасеніе, не состоитъ ли теорія брошюръ въ союзѣ съ началами химіи. Опасеніе не было напрасно. Чрезъ двѣ страницы читаю (стр. 44): «Тѣло пребываетъ тѣломъ до той минуты, до которой не

оставила его жизнь. Оставленіемъ *его жизни* начинается *разложеніе его*. Болѣе: этимъ *оставленіемъ разложеніе совершается;* дальнѣйшее разложеніе есть только послѣдствіе главнаго, существеннаго разложенія. *Разложеніе вещества,* по законамъ химіи, не иначе можетъ совершиться, какъ отдѣленіемъ отъ него *одной, или многихъ составныхъ частей его. Здѣсь указаніе науки на вещественность души:* отдѣленіе чего либо *невещественнаго, отвлеченнаго,* не произвело бы на вещество никакаго вліянія. Но душа невидима. Что до того? Невидимъ и теплородъ. Онъ не взвѣшиваемое начало, но *отдѣляется онъ химически* отъ воды отдѣленіемъ незамѣтнымъ и непостижимымъ для чувства, и вода обращается въ *другое вещество* — въ ледъ». Читаешь, и глазамъ не вѣришь! Что ни слово, то неслыханная новость! Подумаешь, одно слово, вырвавшееся, можетъ быть, невзначай, разумѣю сродство, вотъ къ чему привело! Душа попала въ химическіе элементы тѣла!!! Кто когда слыхалъ, или читалъ подобную новость?! Перероййте всѣ химіи, новѣйшія, конечно, достигшія величайшаго развитія (таже стр. въ нач.), и намека не найдете на это. Вѣрно, это самое новенькое открытіе, невошедшее еще ни въ какую печатную химію. У меня есть подъ руками физика Писаревскаго, въ которой очерчены и начала химіи (ч. 1 съ 539 стр.). Хоть бы тебѣ словечко какое въ этомъ родѣ. Но то было вѣдь давно. Мой экземпляръ изданія 1854 года. Въ этотъ промежутокъ времени куда можно шагнуть. Приходитъ на мысль, ужъ не открытіе ли это самихъ брошюръ, и самымъ химикамъ еще не вѣдомое?! Если такъ, то есть надежда, что не всѣ химики примутъ его; расколъ между ними про-

стыда нѣтъ, ни совѣсти! Вѣдь черезъ тебя ссоры только въ семьѣ да брань: и то сегодня, черезъ тебя, братья ее таскали... Да и тебѣ такъ не сойдетъ... Воробей съ братомъ сами мнѣ сказывали: попадись только имъ,—тутъ тебѣ и голову положить! Они и день и ночь на сторожкѣ, какъ бы только поймать тебя; можетъ, и теперь ужъ укараулили...

— Все это сплетки одни; какъ предъ Богомъ, сплетки... неувѣренно и даже плаксиво проговорилъ Ѳедотъ.

— Ладно, сплетки!.. А пока ступай отъ меня! проваливай! чтобъ духу твоего здѣсь не было!..

— Дядя Карпъ, пусти переночевать,—сдѣлай милость... Что-жъ я, чужой тебѣ, что ли? робко промолвилъ Ѳедотъ.

— Вонъ ступай, бестыжіе твои глаза! Вонъ!

— Дядя Карпъ, сдѣлай милость...

— Не пущу! заключилъ Карпъ, выталкивая Ѳедота, который пятился назадъ:—вонъ ступай, говорю; вонъ,—и на глаза мнѣ не показывайся!..

Карпъ заперъ ворота и возвратился на солому. Шуму никакого не было теперь слышно за плетнями; изрѣдка,—и то едва примѣтно,—раздавался трескъ сухихъ стеблей, ломавшихся подъ ногами, которыми очевидно переступали съ большой осторожностію. Наконецъ все замолкло, кромѣ пѣтуховъ, которые начали вдругъ драть горло, почуявъ полночь.

XXI.

Но не успѣлъ Карпъ заснуть, шумъ въ воротахъ снова привлекъ его вниманіе; на этотъ разъ кто-то смѣло стучался.

— Кто тутъ? съ досадою крикнулъ старикъ.

Я, дядя Карпъ! отозвался голосъ Филиппа.

Карпъ поднялся на ноги и отворилъ ригу.

— Я затѣмъ къ тебѣ въ такую пору,—не видать теперича... Не станутъ, значитъ, болтать... сказалъ Филиппъ:—слышь, дядюшка, вотъ дѣло какое: я, почитай, ужъ со всѣми перемолвилъ, всѣ въ одномъ утвердились: до Кузьмы-Демьяна не отдавать оброка! Тутъ толковать нечего; знамо, не барину нужно; господа люди понятные; одна тутъ управительская воля

нному началу, отъ котораго сообщается чувство, движеніе, смышленость. А въ человѣкѣ видимъ и еще высшее начало, надъ всѣмъ этимъ господствующее, и всего того высшее. Такова лѣствица силъ! За что же это сталкивается душа на послѣднюю ступеньку? Чѣмъ провинилась? Кажется, у ней все по старому!

Чтобъ не подумали, что это я самъ такъ разсуждаю о постепенности въ лѣствицѣ жизненной, и потому не сочли сего слова за ничто, привожу ученіе св. Григорія Нисскаго о семъ предметѣ. «Едва не забыли мы того порядка въ твореніи, по которому предшествуетъ прозябеніе растеній изъ земли, и за симъ послѣдуютъ безсловесныя животныя, и потомъ по устроеніи ихъ—человѣкъ.... Мнѣ кажется, что Моисей излагаетъ въ этомъ нѣкое сокровенное ученіе, и таинственно сообщаетъ любомудріе о душѣ, о которомъ мечтала и внѣшняя ученость, но не уразумѣвала его въ ясности. Ибо Слово учитъ насъ, что въ трехъ различіяхъ усматривается жизненная и душевная сила. Есть нѣкая *сила растительная* только *и питательная*; пріемля годное къ приращенію питаемаго, называется она естественною, и усматривается *въ растеніяхъ*, потому что и въ произрастающемъ можно примѣчать нѣкую *жизненную силу, лишенную чувствъ*. Но кромѣ сего, есть другой *видъ жизни*, которому принадлежитъ и первый, и къ нему присоединена способность управлять собою по чувству; такова жизнь въ естествѣ безсловесныхъ: они не питаются только и растутъ, но имѣютъ *чувственную дѣятельность и чувственное пониманіе*. Совершенная же жизнь въ тѣлѣ усматривается въ естествѣ словесномъ, разумѣю естество человѣческое;

питаемое, чувствующее, имѣющее даръ слова и управляемое разумомъ...... Посему Законодатель (то есть Моисей) говоритъ, что послѣ неодушевленнаго вещества, какъ бы въ нѣкое основаніе существъ одушевленныхъ, прежде всего образована эта естественная жизнь, осуществившаяся въ прозябеніи растеній, потомъ вводитъ въ бытіе тварей, управляемыхъ чувствомъ.... Послѣднимъ послѣ растеній и животныхъ устроенъ человѣкъ. Всякаго вида души срастворены въ этомъ словесномъ животномъ — человѣкѣ..... Онъ питается, съ растительною же (питательною) силою соединена чувствительная. .. Потомъ съ тѣмъ, что есть тонкаго и свѣтоноснаго въ естествѣ чувствующемъ, совершается нѣкое освоеніе и срастворение умопредставляемой сущности, чтобы *человѣкъ составленъ былъ изъ сихъ трехъ естествъ.*

«Такъ подобное сему дознали мы отъ Апостола, когда говорилъ онъ Солунянамъ, желая имъ, *да сохранится всесовершенная благодать и тѣла и души и духа въ пришествіе Господа* (1 Сол. 5, 23), и питательную часть называя тѣломъ, чувствующее означая словомъ: душа, а умопредставляемое словомъ: *духъ*....... Отсюда Апостолъ знаетъ три различныя произволенія, и именуетъ *плотскимъ* то, которое занимается чревомъ и его услажденіями; *душевнымъ*, которое, въ срединѣ между добродѣтелію и порокомъ, возвышается надъ порокомъ, но не вполнѣ причастно добродѣтели, и *духовнымъ*, которое имѣетъ въ виду совершенство житія по Богу» (Ч. 1. стр. 97 — 100. Тоже есть въ 4 ч. стр. 239 — 40).

Таково полное изображеніе силъ, дѣйствующихъ въ тваряхъ!..... Подобное же ученіе можно

видѣть въ 166 пунктѣ увѣщанія Антонія вел., что помѣщено въ *Добротолюбіи* и у Исаака Сиріанина — въ статьяхъ о трехъ степеняхъ разума. Нарочно привожу все это и указываю, чтобъ сказать, что мой взглядъ на лѣствицу жизней есть не одного моего скуднаго ума взглядъ!

Это я мимоходомъ помянулъ о лѣствицѣ силъ, за тѣмъ только, чтобъ рельефнѣе видна была неправость брошюры, столкнувшей душу нашу въ разрядъ химическихъ элементовъ. Если уже не хочешь признать души тѣмъ, что она есть, молчи по крайней мѣрѣ; молчи потому, что «современная наука ничего объ этомъ не понимаетъ». «Жизнь тѣла, говоритъ сама брошюра, недоступна для постиженія нашего» (на той же стр.). И это еще органическая жизнь — растительная; тѣмъ больше недоступна жизнь животнаго, имѣющая, сверхъ первой, еще чувство и движеніе произвольное и смышленность; и еще несравненно болѣе недоступна жизнь человѣка, у коего душа или духъ, способный къ Боговѣдѣнію, къ Богоощущенію, къ совершенно свободной дѣятельности, не зависящей ни отъ чего внѣшняго, къ составленію обозрѣній всего сущаго, къ стремленіямъ, отъ всего отрѣшающимъ сознаніе и сердце. Если все это невѣдомо; то законъ велитъ не составлять никакихъ положеній о невѣдомомъ, ни объ органической жизни, ни о животной, ни тѣмъ паче о жизни человѣческой. И вотъ, однакожъ, составляется положеніе, и составляется именемъ науки, — что наша душа вещественна, — и именно есть въ насъ въ качествѣ химическаго элемента, отдѣленіе котораго полагаетъ начало, или даже совершаетъ разложеніе нашего тѣла.

— Стегнѣй,—выходи! крикнулъ Филипъ другому мужику съ оживленнымъ, рѣшительнымъ выраженіемъ лица.

Живое и рѣшительное лицо быстро скрылось въ толпѣ.

— Кумъ Демьянъ, поѣдемъ! опаски никакой нѣтъ; удастся,—ладно,—не удастся, письмо написать можно; поѣдемъ! выходи, становись въ кругъ!..

Но кумъ Демьянъ, шумѣвшій до сихъ поръ столько же, сколько самъ Филипъ,—былъ повидимому другаго мнѣнія. Онъ глухо проборматалъ что-то, и съ этой минуты никто уже не слыхалъ его голоса.

Филипъ, у котораго побѣлѣли губы, обратился еще къ тремъ-четыремъ человѣкамъ, но также безуспѣшно.

Толпою, гдѣ плечо одного чувствовало плечо другаго, всѣ надсаживали горло, выказывали смѣлость, рѣшимость,—и, казалось, готовы были города брать; но странное дѣло, какъ только дѣло касалось каждой личности порознь,—едва требовалось провѣрить силу убѣжденій цѣлаго общества по силѣ убѣжденія каждаго лица отдѣльно,—каждый, къ кому ни обращались, напрямикъ отказывался дѣйствовать и даже назадъ пятился.

— Полно, Филипъ! ничего изъ того не будетъ, проговорилъ Гаврило, поглядывая на Филипа, который, казалось, съ трудомъ удерживалъ кипѣвшее въ немъ негодованіе.

— Извѣстно, ничего не будетъ, когда сначала всѣ за одно, какъ пришло къ дѣлу,—всѣ врозь, сказалъ Филипъ:—испугались, что-ли?!. примолвилъ онъ, мрачно озираясь вокругъ.

— Что ты храбришься-то! ѣхалъ бы самъ, коль охота есть! иронически замѣтилъ Гаврило.

Въ толпѣ многіе засмѣялись.

Это окончательно взорвало Филипа.

— Что-жъ,—и поѣду, сказалъ онъ, обмѣривая глазами Гаврилу:—ты, можетъ, ничего этого не сказалъ,—какъ надобно, управителю... добре́ ужъ очень страхъ взялъ!.. Потомъ пріѣхалъ, разсказываешь: такое-то молъ рѣшеніе,—а тутъ тебѣ и повѣрили...

— Повѣрили! повѣрили! перебилъ староста, передразнивая Филипа, но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ предосторожности отодвигаясь назадъ:—поѣзжай самъ, говорю,—авось сладишь...

Вмѣсто отвѣта, Филипъ снова обратился къ толпѣ.

Съ помощію современной-то науки какъ-то выходитъ удобнѣе, а изъ писанія и св. Отцевъ не такъ ясно выходитъ. Но тогда химіи чай совсѣмъ не было, а если и была, что за химія?! Нынѣ она, — такъ уже такъ!.. Такъ и забираетъ радость, что наше (брошюръ) ученіе о духахъ, яко тѣлахъ, нисколько непротивно химіи и математикѣ; но совпадаетъ и согласуетъ съ положительною теоріею этихъ наукъ (стр. 46—начало).

Такъ какъ же тутъ быть-то?! Химіи не знаешь, математикѣ на мѣдный грошъ учился. Стало, на основаніи ихъ говорить что нибудь въ свою пользу страшно. Брошюра пишетъ: «вводить человѣковъ въ обманъ именемъ науки—недобросовѣстно» (стр. 45 — съ нач.). Вѣдь это про насъ написано, которые признаемъ духовъ — духами чистыми, невещественными, не справясь съ химіею и математикою. Стать поперечить, больше и больше будешь погрязать въ недобросовѣстности. Со всѣхъ сторонъ бѣда! И уступить не хочется.

Попробую себѣ смахнуть на современность. Провозглашаю, что химія и математика не компетентные судьи въ духовныхъ предметахъ. Компетентный и не компетентный — вѣдь это современное слово: авось вывезетъ. Но ужъ — вырвалось. Вывози! Такъ говорю: судьи некомпетентные, эти науки въ нашемъ дѣлѣ. Впрочемъ математика тутъ подстала ни къ селу, ни къ городу. Главное у насъ дѣло съ химіею. Такъ химія не компетентно судитъ о духовномъ. По старымъ законамъ такъ надо сказать; отвожу этого свидѣтеля и доказывателя: онъ состоитъ въ родствѣ, кумовствѣ и хлѣбосольствѣ съ моимъ противникомъ. Да. Химія вѣдь ничего не знаетъ, кромѣ вещественнаго. Ка-

— Хорошо, какъ послушаетъ; сказываютъ, не такой человѣкъ...

— Вретъ, Гаврило! нетерпѣливо перебилъ Филипъ: — отсохни правая моя рука, коли не вретъ! Самъ разсуди: статочное-ли дѣло, чтобы человѣкъ, какой онъ ни есть, слушать не сталъ, коли толкомъ, настоящее говорить? Побожиться радъ,— Гаврило ничего этого, что надо было, не сказалъ управителю; такая ужъ душа соломенная! Не токмо передъ управителемъ, другой разъ и передъ своимъ-то братомъ,— кто побойчѣе,—и то молчитъ... Ты ничего этого не опасайся. Пріѣду, скажу: такъ и такъ, повременить только просимъ до срока, — какъ по положенью... цѣна уставится,—къ Кузьмѣ-Демьяну все какъ есть представимъ...

— Дѣлай, какъ знаешь; я бы не поѣхалъ, сказалъ братъ.

— Это почему?

— Потому, если и ладно сойдетъ, послушаетъ тебя управитель, — не стоятъ они того, чтобы хлопотать...

— Думаешь, за міръ просить ѣду?!. съ живостію произнесъ Филипъ: — нѣтъ, подождутъ теперича! Пускай опять Гаврилу посылаютъ, — чортъ съ ними! Какъ знаютъ, такъ пускай сами раздѣлываются... Какъ только къ дѣлу пришло, всѣ одинъ за однимъ отступились... Ѣду за себя просить,—за семью свою. Намъ всего накладнѣе приходится; хлѣба продашь вдвое, — деньги выручишь тѣ же; по семейству по нашему, давай Богъ, чтобъ при настоящей-то цѣнѣ, на зиму хлѣба достало, покупать не пришлось; потому больше я ѣду. Нѣтъ, раздѣлывайся они какъ сами вѣдаютъ!.. Я теперь, что хошь мнѣ давай, — пальца не согну для міра, — шабашъ!..

Братъ, побѣжденный отчасти такими доводами, не старался болѣе удерживать Филипа и помогъ ему даже запречь лошадь.

XXIV.

Какъ только узнали въ деревнѣ объ отъѣздѣ Филипа, мнѣніе объ немъ тотчасъ-же перемѣнилось. Даже тѣ, которые на сходкѣ подтрунивали надъ нимъ заодно съ Гаврилой и говорили, что Филипъ только храбрится и хвастаетъ, не переста-

леніемъ вамъ именемъ моимъ зводить человѣковъ въ обманъ, не хочу пятнать моей совѣсти, и протестую противъ вашихъ утвержденій.

1, Откуда вы взяли, будто я потворствую распространенію мнѣній о существованіи такихъ веществъ, которыя не имѣютъ дѣйствія на наши чувства, или если имѣютъ *дѣйствіе*, то такое, которагo *замѣтить нельзя*. Это совершенная ложь! Что лежитъ за предѣлами нашихъ чувствъ и *чего дѣйствія не замѣчаемы*, этого ни я, ни всѣ мои сестры (естественныя науки) знать не знаемъ и знать не хотимъ. Касаться того, не наше дѣло. Наше дѣло замѣчать, что поддается замѣчанію, подводить подъразныя чувства, дѣлать опыты, сличать, обобщать, дѣлать наведенія, и проч. Но все это въ области замѣчаемой если не всѣми, то хоть однимъ чувствомъ. Что до моего дѣла то у меня кислородъ, водородъ, азотъ — самыя тонкія, тоньше ихъ нѣтъ у меня, не имѣютъ ни цвѣта, ни запаха, ни вкуса, но все же они не суть не замѣчаемы. Я ихъ добываю, закупориваю въ банки, взвѣшиваю, соединяю, опредѣляю паи, въ какихъ они съ какимъ веществомъ соединяются, и проч. Они въ моихъ рукахъ, подъ непрестанными моими замѣтками; я слѣжу за ихъ дѣйствіями всюду и тѣмъ опредѣляю ихъ. Вообще (*) же предметъ мой — явленія, производимыя силою сродства. Слагала я и разлагала, и нашла 62 основныхъ элемента. Вотъ мои дѣтища, и моя область. А въ числѣ ихъ смотрите-ка какія есть: сѣра, фосфоръ, мышьякъ, желѣзо, кобальтъ, цинкъ, мѣдь, свинецъ, ртуть,

(*) Химическія понятія и термины взяты изъ Физики Писаревскаго ч. 1.

олово, серебро, золото, платина и проч. (*) Какова тонкота, невидимость, и неосязаемость. Вотъ мои духи! А какихъ вы тамъ придумываете, пожалуста мнѣ ихъ не навязывайте. Объ нихъ я, ни да, ни нѣтъ.

Подслушавши эту рѣчь, могу только прибавить отъ себя, что существованіе духовъ въ томъ видѣ, какъ проповѣдуетъ брошюра, не противно химіи, вѣрно потому только, что сей послѣдней до нихъ дѣла нѣтъ. Будь они, не будь, ей все равно.

2) (Химія продолжаетъ). Вы, брошюры, сказали, будто теплородъ по моему (химически) отдѣляется отъ воды, и вода обращается чрезъ то въ другое вещество—въ ледъ. Въ своемъ вы умѣ, или нѣтъ?!! Теплородъ ни соединяется, ни отдѣляется по моему (химически). Онъ—великій мой сотрудникъ, (**) такъ что безъ него мнѣ шагу сдѣлать нельзя. Но къ моей области онъ не принадлежитъ, и я никакъ не могу опредѣлить, сколько паевъ его входить бы должно въ то, или другое соединеніе. Не дается. Стало, за чѣмъ же его навязывать мнѣ, или ему навязывать мои пріемы? А это что такое: ледъ — другое вещество, а не вода, замерзшая только? Кто когда такъ говорилъ? По вашему и опилки будутъ не желѣзо. Лучше бы вы меня не хвалили. Отпуская такія сентенціи, вы подаете поводъ думать, что и похвала ваша мнѣ — такая же очевидная ложь.

3) Судя по этимъ двумъ такъ очевиднымъ ошибкамъ, всякой и безъ меня пойметъ, что вѣрно и главный вашъ силлогизмъ тоже криво сто-

(*) Физика Писар. ч. 1. стр. 540.

(**) Стр. 550.

итъ. Вы смѣшали, и смѣшали совершенно незаконно, разложеніе тѣлъ въ неорганической природѣ, гдѣ мои процессы полные господа, съ разложеніемъ тѣлъ органическихъ, гдѣ они состоятъ въ услугахъ у другой наибольшей госпожи, которую зовутъ жизненнымъ началомъ. Эта госпожа сама есть прехитрый химикъ. Органическое тѣло у ней— лабораторія. Беретъ она мои же элементы, весьма немногіе впрочемъ, и изъ нихъ ухитряется устроять всѣ разнообразныя части, напр. тѣла человѣческаго. Какъ оно это дѣлаетъ, уму моему не постижимо. Пока въ тѣлѣ эта госпожа, она держитъ всѣ свои издѣлія въ организмѣ въ своемъ видѣ и составѣ и не дастъ имъ разлагаться. Когда же она выйдетъ изъ тѣла, тогда части организма, (*) лишась производящей ихъ и поддерживающей жизнедѣятельности, подчиняются внѣшнему вліянію воздуха, теплоты и влаги, и начинаютъ разлагаться на составляющіе ихъ элементы. Отдѣленіемъ жизненнаго начала не совершается разложеніе; ибо сіе начало не есть составная часть организма, а есть производящая его и поддерживающая сама. По исходѣ его тѣло все бываетъ цѣло въ своемъ составѣ; но какъ оно оставляется самому себѣ, остается безъ охраны и поддержки; то и начинаетъ разлагаться. Разложеніе тутъ только и начинается. Исходъ же жизненнаго начала не есть разложеніе, а только дарованіе свободы и простора разлагающимъ процессамъ. Вотъ тутъ начинаютъ выдѣляться составныя части и совершаться чрезъ то разложеніе. Вотъ тутъ собственно вступаютъ въ силу мои законы, о коихъ вы говорите; въ исходѣ жизненнаго начала они

(*) У Писар.. стр. 594.

неучаствуютъ. То — невѣдомая для меня область. Въ неорганической природѣ другое дѣло. Здѣсь не предшествуетъ разложенію исходъ какого либо высшаго начала, а прямо самый актъ отдѣленія какого либо элемента есть разложеніе, за которымъ тѣло тотчасъ пропадаетъ. Нагрѣвайте смѣсь сѣры и ртути, (*) выйдетъ киноварь, тѣло химически составленное. Положите въ киноварь желѣзо и нагрѣвайте, — сѣра соединится съ желѣзомъ, а ртуть отдѣлится, и киноварь не станетъ. Это въ самый актъ отдѣленія составныхъ частей. А тамъ не такъ.... Жизненное начало отойдетъ, а тѣло остается цѣло, какъ было.

Химія кончила свою апологію. Прибавлю и съ своей стороны одно-другое слово. Такъ какъ же вы, брошюры, насъ браните, что мы недобросовѣстно, именемъ науки, вводимъ въ обманъ, говоря, что душа—духъ, а сами на десяти строкахъ напутали столько ошибочныхъ положеній?! И это за тѣмъ, чтобъ именемъ науки ввести простыхъ въ заблужденіе, будто душа вещественна!—Добросовѣстно это?!!

Предложу вамъ еще одинъ вопросъ отъ своей простоты: если исходомъ души изъ тѣла разложеніе тѣла совершается, совершается, то есть, тлѣніе; то какъ есть у насъ нетлѣнныя мощи?! Если въ нихъ тлѣніе уже совершилось, скажите, чего ради славятся они, яко нетлѣнныя?! По вашему нечего сказать. А по нашему такъ бываетъ: душа праведная отходитъ ко Господу; тѣлу же оставшемуся, но еще такому, въ которомъ не совершилось разложеніе—тлѣніе, слѣдовало бы по закону естества разлагаться и тлѣть; но дѣйствіе

(*) Писар. стр. 539—40.

сіе природы силою Божіею пріостановляется, и тѣло остается нетлѣннымъ.

Предложу вамъ еще одно! По вашимъ словамъ въ приведенномъ мѣстѣ выходитъ, что вы полагаете, будто всякое отдѣленіе чего либо отъ другаго есть химическое разложеніе. Исходя изъ такого понятія, вы и отдѣленіе тепла назвали химическимъ. Но если всякое отдѣленіе есть химическое; то и всякое соединеніе тоже есть химическое. Ни то, ни другое не вѣрно. Химія уже оговорила, что тепло входитъ въ тѣло и выходитъ изъ него безъ всякаго химическаго при семъ процесса. Тоже можно сказать и объ электричествѣ, что онъ является въ тѣлѣ и изчезаетъ; химическаго же при семъ ничего не бываетъ. Если въ осязаемыхъ веществахъ сіе бываетъ; не тѣмъ ли паче законно предположить сіе въ душѣ, которая есть самое, по вашему, тонкое вещество? Такъ слѣдовало бы вамъ по вашимъ же мыслямъ заключить. Нѣтъ, вамъ хочется бѣдную душу какъ можно глубже заковать въ вещество, срастворить съ этими грубыми элементами тѣла — химически, и химически освобождать его. Непонятно, какъ вяжется эта мысль въ вашей головѣ! Вѣдь состоящіе въ химическомъ соединеніи элементы каждый теряетъ свои природныя свойства, и изъ соединенія ихъ слагается совсѣмъ новое тѣло, непохожее ни на тотъ, ни на другой элементъ. Если душа химически соединена съ тѣломъ; то она тутъ не душа, а становится душею только по выходѣ изъ тѣла. Какъ же мы зовемъ ее душею? Если же она душа здѣсь въ химическомъ соединеніи съ организмомъ; то по освобожденіи изъ него уже не душа, а другое что либо. И вамъ слѣдовало о-

заботиться дознанiемъ ея собстевеннаго имени по выводѣ изъ тѣла?

Приложу и еще одно! Вамъ кажется, что душа становится отвлеченiемъ какимъ-то, когда признаютъ ее духовною. Нѣтъ, признавая ее духовною, мы никакъ не думаемъ, что она есть какая либо идея, а есть дѣйствительная сила, реально существующая. Отдѣленiе ея отъ тѣла производитъ влiянiе на организмъ потому, что она оживляетъ тѣло. Отходитъ душа, жизни уже нѣтъ. Чтобъ отдѣленiемъ своимъ произвесть ей такое дѣйствiе на организмъ, нѣтъ, слѣдовательно, никакой нужды быть ей вещественною, и тѣмъ менѣе быть въ химическомъ сродствѣ и союзѣ съ организмомъ.

Не помиритесь ли вы съ нами, если мы выставимъ вамъ о душѣ и ея отношенiи къ тѣлу ученiе св. Григорiя Нисскаго?

Вотъ что говоритъ онъ о душѣ: «Душа есть сотворенная сущность, сущность *живая*, разумная, органическому и чувствительному тѣлу *сообщающая* собою *жизненную* и воспрiемлющую чувственную силу, до тѣхъ поръ, пока способное къ прiятiю сего естество оказывается состоятельнымъ» (ч. 4. стр. 214).

Это онъ говоритъ о душѣ, пока она въ тѣлѣ. Что происходитъ, когда она выходитъ изъ тѣла?

«Когда..... эта жизненная причина, которая находилась нѣкогда въ тѣлѣ, вдругъ дѣлается невидимою и непримѣтною, подобно тому, какъ въ погашенномъ свѣтильникѣ горѣвшiй дотолѣ пламень (там. стр. 203); тогда по расторженiи сродства стихiй въ тѣлѣ, въ каждой изъ нихъ происходитъ стремленiе къ состоящему съ нею въ свойс-

твѣ, такъ какъ самое естество стихій по какому-то необходимому влеченію возвращаетъ однородному свойственное ему...» (там. стр. 206.).

Если таково слѣдствіе отдѣленія души отъ тѣла, то не есть ли потому она сама стихія тѣлесная?

Нѣтъ, душа «существуетъ сама по себѣ, особымъ естествомъ, отличнымъ отъ тѣлесной дебелости» (стр. 212). Она невещественна, безплотна, дѣйствуетъ и движется сообразно съ своею природою, и свойственныя ей дѣйствія обнаруживаетъ тѣлесными органами. *Органическое устройство тѣла въ полной мѣрѣ тоже и въ умершихъ;* но остается неподвижнымъ и дѣятельнымъ, по отсутствію въ немъ душевной силы» (стр. 212—23).

Желалось бы знать какъ же она существуетъ въ тѣлѣ?

«Умъ (душа, духъ) у насъ не заключается въ какихъ либо частяхъ, а равно есть во всѣхъ и по всѣмъ, и не объемля ихъ отвнѣ, и не содержась внутри ихъ. Общеніе же ума съ тѣлеснымъ составомъ состоитъ въ какомъ-то невыразимомъ и непримыслимомъ соприкосновеніи; оно и не внутри происходитъ, потому что безтѣлесное не удерживается тѣломъ; и не объемлетъ отвнѣ, потому что безтѣлесное не окружаетъ собою чего либо. Напротивъ того, чуднымъ и недомыслимымъ какимъ-то способомъ умъ, приближаясь къ естеству и соприкасаясь съ нимъ, примѣчается и въ немъ и около него, но не въ немъ возсѣдая и не объемляя его собою, а такъ, что сего сказать, или представить умомъ невозможно» (ч. 1. стр. 135).

Выписываю все это въ надеждѣ, что и брошю-

ры не станутъ этому поперечить; но ужъ конечно, въ полной увѣренности, что всѣ любители отеческихъ ученій никакъ не согласятся оставаться на сторонѣ брошюръ, пока онѣ будутъ упорствовать въ своемъ предубѣжденіи.

Но позвольте и еще одно слово! Вы заключаете откровенное признаніе своего побратимства съ химіею и математикою слѣдующимъ замѣчаніемъ (стр. 46): «Эти науки, отдѣливъ Бога отъ тварей безконечною разницею, какъ бы отворяютъ дверь вѣрѣ, объясняя необходимость откровеннаго Богопознанія. Отвергнуть его онѣ не могутъ, по причинѣ признаннаго ими всемогущества Божія и независимости дѣйствій Его отъ сужденія человѣческаго». Химія и математика отодвинули идею о Богѣ подальше, чтобъ совсѣмъ обойтись безъ Бога. Помышленіе о Богѣ они забросили за себя назадъ. Химія не знаетъ ничего кромѣ вещества; математика тоже въ приложеніяхъ своихъ выкладокъ все упираетъ только на вещественное. Плохіе онѣ руководители къ вѣрѣ въ Бога. Не отворяютъ, а затворяютъ они дверь сію. Къ нимъ точь въ точь идетъ то, что св. Григорій Нисскій говоритъ объ Епикурѣ.., что «предѣломъ естества существъ было у него видимое, и мѣрою постиженія вселенной полагалъ онъ ощущеніе, совсѣмъ смѣживъ чувствилище души, и не имѣя возможности обратить взоръ на что либо умственное и безплотное, какъ заключенный въ какой либо хижинѣ, остается невидящимъ небесныхъ чудесъ, потому что стѣны и потолокъ препятствуютъ ему видѣть, что внѣ хижины. Ибо все чувственное, что только усматривается во вселенной, подлинно, есть какая-то земляная стѣна, которая людямъ несильнаго

ума преграждаетъ собою путь къ воззрѣнію на умственное. Таковый видитъ только землю, воду, воздухъ и огнь; а откуда каждая изъ сихъ стихій, или въ чемъ она состоитъ, или чѣмъ содержится въ своемъ мѣстѣ, не можетъ этого усмотрѣть по низости ума. И хотя иной, увидѣвъ одежду, заключаетъ о ткачѣ, по кораблю уразумѣваетъ кораблестроителя, и вмѣстѣ со взглядомъ на зданіе въ мысли зрителей представляется рука здателя; однакожъ они, взирая на міръ, остаются слѣпыми для усмотрѣнія Указуемаго имъ» (ч. 4. стр. 208). Вотъ чего ожидать надо отъ этихъ наукъ. Особенно химія воткнулась въ стихіи, и гдѣ ей приподнять голову, чтобъ возрѣть на небо! Есть у меня стихіи, говоритъ она, да законъ сродства, чего еще хотѣть? Ни въ какой сторонней силѣ не имѣю я нужды. Благочестивый химикъ и математикъ, изумляясь, какъ все премудро устроено мѣрою, вѣсомъ и числомъ, будетъ тѣмъ возгрѣвать въ себѣ религіозное чувство. Но самыя науки, какъ науки, въ производствахъ своихъ работъ совершенно обходятся безъ помышленія о Богѣ. «Бога отвергнуть они не могутъ»! Отъ чего же это нынѣ съ преобладаніемъ направленія къ естествовѣдѣнію развилось охлажденіе къ вѣрѣ въ Бога и Его промышленіе? Отъ того, что науки сіи не хотятъ знать могущества Божія. Для нихъ ничего нѣтъ могущественнѣе законовъ природы. Идею о Богѣ отодвинули онѣ въ сторону. Вотъ и вы вмѣстѣ съ ними.... ревнуете какъ можно подальше отъ насъ отдалить Бога. Поведетъ ли это къ чему либо хорошему?

Этимъ кончу мои замѣтки на умозрѣнія брошюръ. Кажется, на все стоющее вниманія обра-

щено вниманіе. Есть кое-гдѣ и еще оговорки, въ родѣ той, напр., что духомъ душа зовется отъ нашего дыханія, (стр. 41) тогда какъ, по св. Григорію Богослову, скорѣе отъ вдуновенія Божія (смот. 4. ч. стр. 240, 243), или что слово *духъ* о душѣ употребляется, не соотвѣтствуя дѣлу, подобно тому, какъ говорятъ, солнце восходитъ, не выражая того, что на дѣлѣ, чѣмъ залагается мысль, будто духовность душѣ придается въ словѣ семъ общенароднымъ повѣрьемъ, ученый же людъ слово тоже употребляетъ, а мысль другую держитъ. Но на этихъ и подобныхъ имъ выраженіяхъ не останавливаемся. Просмотрите впрочемъ сами повнимательнѣе, не слѣдуетъ ли еще о чемъ потолковать. Вотъ еще не много, я выду, и поговоримъ. Теперь же — довольно. Прошу извиненія, что, можетъ быть, по легкости мысли въ больной головѣ, слово не вездѣ соотвѣтствуетъ важности предмета. Что сдѣлаешь съ своеправіемъ помышленій?! Такъ формировались, и — не уладишь. До свиданія!—

4. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СОБЕСѢДОВАНІЕ СЪ СТАРЦЕМЪ.

Прошло нѣсколько дней; приходитъ старецъ. Началась опять рѣчь о томъ же.

Стар. Ну что, — просмотрѣли?

Я. Просматривалъ, и ничего не представилось, что бы еще стоило выставлять на видъ.

Стар. И мнѣ тоже думается. Но считаю нужнымъ приложить одно объясненіе о задушевномъ моемъ намѣреніи при разборѣ сихъ брошюръ.

Я. Да, ужъ надобно сдѣлать какой либо финалъ, чтобъ не казалась рѣчь наша конченною ex abrupto.

Стар. Нѣтъ, не этого ради дѣлаю приложеніе. Оно относится къ существу бесѣдъ нашихъ.

Я. Тѣмъ лучше. Что же это такое у васъ?

Стар. А вотъ что! Всѣмъ извѣстенъ авторъ брошюръ. Онъ значится на самихъ брошюрахъ, вошедшихъ потомъ въ составъ аскетическихъ опытовъ. Между тѣмъ мы всю рѣчь вели такъ, что и намека не дѣлая на автора, всю строгость свою изливали на безличныя брошюры. Это можетъ многимъ не показаться. Вотъ и надобно объяснить, чего ради такъ дѣлано.

Я. И я это зналъ, и мнѣ часто приходило на мысль спросить, чего ради такъ дѣлается? Тогда не спросилъ,—теперь прошу сказать; въ самомъ дѣлѣ, было какое преднамѣреніе въ этомъ, или такъ случайно пришлось?

Стар. Нѣтъ, не случайно это сдѣлалось, а намѣренно велъ я такъ рѣчь, чтобъ отдѣлить автора отъ брошюръ.

Я. Какъ отдѣлить?! Это вѣрно, чтобъ имѣть свободу говорить такъ рѣзко, какъ душѣ угодно.

Стар. Нѣтъ, нѣтъ. Отдѣлить за тѣмъ, что мысль брошюръ не есть полная мысль автора.

Я. Это что такое? Хитрите!

Стар. Помилуй Богъ. Говорю то, что дѣйствительно имѣю на душѣ.

Я. Въ самомъ дѣлѣ? Какъ я радъ. Признаюсь, мнѣ очень тяжело ложились на душу многія обличенія брошюръ, вами сдѣланныя, при глубокомъ уваженіи моемъ къ автору ихъ. Теперь прошу даже, отгоните ихъ отъ него подальше.

Стар. Объ этомъ нечего просить. Это должно сдѣлать. Въ благоговѣйномъ уваженіи къ автору, я поспорю съ самыми близкими къ нему учениками.

Самъ я ученикъ его, далекій, конечно, отъ него по обстоятельствамъ, но не по чувству. Поэтому можете судить, что когда говорилъ я что либо рѣзко противъ брошюръ, онѣ уже были отдѣльны у меня отъ автора: ибо иначе то чувство не позволило бы многаго, а пожалуй и всего.

Я. Какъ это будетъ пріятно для всѣхъ почитателей его!

Стар. Не одну пріятность или непріятность имѣю въ виду, говоря такъ. Самая истина того требуетъ. Безъ сего, можетъ быть, нечего было бы и объясненіе сіе прилагать. Ибо и язычники говорили: magis amica veritas. И намъ указуется *истинствовать при всей любви* (Еф. 4, 15).

Я. Особенно теперь это будетъ кстати, когда не стало самаго автора. Мнѣ даже приходило на мысль—прекратить разборъ брошюръ, или направить критику въ другую сторону, напр. на журналъ, который помѣщалъ нѣчто брошюрское.

Стар. Упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего, почившаго смертію праведника! Но не прекращать слѣдуетъ теперь подобной рѣчи, а теперь - то тѣмъ паче надо возвышать голосъ. Когда живъ былъ авторъ, онъ могъ всѣхъ вразумить самъ, а теперь, когда нѣтъ его, всякій знающій его, изъ уваженія къ нему, обязаннымъ себя сочтетъ умствоватъ по брошюрамъ, въ увѣренности, что тутъ изрѣчено послѣднее слово автора.

Я. Очень натурально. Но чего же ради онъ этого не сдѣлалъ самъ гласно?!

Стар. Не встрѣтилось вопроса. Никто не предложилъ своихъ недоумѣній. Онъ раскрывалъ одну сторону предмета, или лучше — полагалъ только начатки изслѣдованія о душѣ. Дальнѣйшія

изслѣдованія пресѣкла смерть. Тамъ, вѣроятно, раскрылся бы весь взглядъ автора — свѣтлый и чистый, какъ все, выходящее изъ подъ его пера. Теперь нашъ долгъ пресѣчь вредъ, могущій произойти отъ недосказанія авторомъ своихъ мыслей. Лучше бы всего, конечно, не споря, досказать ихъ. Но *кто вѣсть, яже въ человѣкѣ, точію духъ человѣка живущій въ немъ?* (1 Кор. 2, 11).

Осталось одно — разорить все пока высказанное, чтобъ пресѣчь могущее возникнуть отъ сего разномысліе въ средѣ христіанъ. Послѣднее, если оно, къ несчастію, случится, можетъ наложить вящшее пятно на почившаго. Долгъ уваженія моего къ нему руководилъ мною, когда я такъ строго судилъ брошюры. Когда я это дѣлалъ, у меня въ головѣ не было лица автора, а однѣ мысли брошюръ, и тѣ лица, которыя, неосновательно счетши ихъ законченными, начали уже будто слѣдовать имъ. Се истину говорю!

Я. И я совершенно съ вами согласенъ, что лучшаго пріема избрать нельзя. Но вамъ надо выставить основанія, почему вы считаете мысли автора недоконченными.

Стар. Конечно, надобно. Но вѣдь этого нельзя сдѣлать такъ осязательно, какъ бы иной желалъ. Довольно указать хоть слабые намеки на то. Намекъ же видѣнъ въ самой брошюрѣ.

Я. Въ чемъ же это именно?

Стар. Въ томъ, что въ обѣихъ брошюрахъ авторъ не коснулся существенныхъ чертъ, коими характеризуются свойства и дѣйствія духа. Всякому вѣдь извѣстно, что душа въ насъ не жизненное только начало, но есть по преимуществу то, что сознаетъ себя въ насъ, мыслитъ и свободно дѣйст-

вуетъ. Но эти,—сознаніе, мысль, свобода —характеристическія черты на челѣ души нашей, суть вмѣстѣ характеристическія черты и вообще всякаго духа, коими отличается онъ въ средѣ другихъ существъ. Авторъ брошюръ не раскрываетъ ихъ. Слѣдовательно ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ считать мысли въ брошюрахъ послѣдними мыслями автора ихъ о душѣ и духахъ. Ибо кто бы ни сталъ писать о душѣ и духахъ, если хочетъ написать вполнѣ все, непремѣнно долженъ коснуться и этихъ существенныхъ чертъ души и на основаніи ихъ восходить къ понятію о естествѣ ихъ. Если не дѣлаетъ этого, значитъ не имѣлъ намѣренія сказать все, а коснулся только одной стороны. Точь въ точь въ такомъ положеніи авторъ брошюръ. Вотъ это *первое основаніе*, почему я не считаю брошюры полнымъ выраженіемъ мыслей автора о душѣ и духахъ.

Второе мое основаніе то, что вѣдь авторъ вездѣ говоритъ, что душа—тѣло, ангелъ—тѣло, между тѣмъ сознанія, мысли, свободной дѣятельности никто изъ имѣющихъ умъ въ здравомъ состояніи не можетъ приписать никакому вещественному тѣлу, какъ бы оно тонко ни было. Эти качества несовмѣстимы съ вещественностію. Кто говоритъ —вещество, тотъ отрицаетъ эти качества, и кто говоритъ эти качества, тотъ отрицаетъ вещество. Отъ столь высокообразованнаго и такаго благоговѣйнаго мужа можете вы ожидать смѣшенія этихъ простыхъ понятій?! Конечно, нѣтъ. Такъ не считайте же брошюръ послѣднимъ его словомъ о душѣ и духахъ.

Третіе мое основаніе — то, что въ брошюрахъ не разъ упоминается, что душа и духъ имѣютъ, какъ о-

собое нѣчто, умъ, разумъ и даже духъ,—способность не только мыслить, но и ощущать духовно (см. стр. 18 Приб. сл. о см.). Спрашивается теперь, что это такое? Это суть силы чисто духовнаго свойства. Принадлежностію вещества или его способностію онѣ никакъ быть не могутъ. Что же онѣ? Въ брошюрахъ не объяснено. Стало, нерѣшеннымъ остается существенный вопросъ,—вопросъ, на который онѣ сами наводятъ. Какъ же теперь думать, что въ брошюрахъ авторъ все сказалъ, когда не досказана эта, такъ настойчиво требуемая, мысль?!

Я. Вы совсѣмъ перевернули мои мысли о брошюрахъ. Признаюсь, какъ ни хотѣлось иногда, чтобъ иныя мѣста не клали тѣни на автора, но все иногда и осудишь его. Теперь ясно, какъ день, что на все содержаніе ихъ надо смотрѣть иначе. Но скажите, неужели самъ авторъ не видѣлъ этой незаконченности, и того, къ какимъ превратнымъ мыслямъ она можетъ подать поводъ?!

Стар. Онъ не могъ этого не видѣть. Но почему не высказался вполнѣ, и почему особенно оставилъ послѣдній пунктъ необъясненнымъ, то есть, что такое умъ или духъ въ душѣ и духахъ, кои суть тѣло, этого мы можемъ не знать. Почему нибудь онъ счелъ нужнымъ такъ повести свой трактатъ о душѣ и духахъ. Вѣдь онъ не какой нибудь опрометчивый человѣкъ, дѣйствующій какъ попало. Должна быть какая нибудь тому причина — его субъективная, а какая — кто его знаетъ?! Онъ говоритъ, что душа — тѣло и духъ — тѣло; но, считая ихъ тѣлами, говоритъ вмѣстѣ, что въ нихъ есть, какъ нѣчто особое, умъ или духъ, способный мыслить и ощущать духовно. Натурально спросить, —въ какомъ же отношеніи онъ поставлялъ эти

особенности? Кому изъ двухъ принадлежитъ, по его мысли, господство? Душѣ ли, въ смыслѣ брошюръ, или уму и духу? Само собою очевидно, кому должно принадлежать господство, и сомнѣніе не должно быть, чтобъ авторъ понималъ его иначе, и считалъ возможнымъ подчинить духовное вещественному. А въ такомъ случаѣ мы вовращаемся къ помышленію о различіи внутренней и внѣшней стороны нашей разумносвободной жизни. Помнится, Третулліанъ, въ трактатѣ о душѣ, которую онъ называлъ тѣломъ (corpus), задавалъ себѣ вопросъ: въ душѣ есть умъ или духъ, что же между ними господственно? Отвѣтъ былъ тотъ, что господствуетъ душа, а умъ есть способность души. Но извѣстно, что у Тертулліана слово corpus (тѣло) означаетъ не вещественность какую, а вообще дѣйствительность. Когда говорилъ онъ, что душа — corpus, то разумѣлъ, что душа есть дѣйствительное —реальное существо, а не отвлеченная какая идея. Такъ толкуютъ Тертулліана всѣ ученые, говоря притомъ, что онъ и Бога называлъ corpus съ тою единственно мыслію, что Онъ дѣйствительно существуетъ. Нельзя ли и автору брошюръ приписать того же понятія о душѣ и духахъ, то есть, что онъ называетъ ихъ тѣломъ, разумѣя только подъ симъ, что они дѣйствительно существуютъ, а не суть отвлеченности? Можетъ быть, и онъ такъ же думалъ, какъ Тертулліанъ. Фраза его, нами уже разобранная, что отдѣленіе отъ тѣла чего либо отвлеченнаго не произвело бы никакого вліянія на тѣло (стр. 44), подаетъ поводъ думать, что точно онъ называлъ душу тѣломъ, изъ опасенія, будто, не смѣшать бы ее съ идеею отвлеченною, и не поставить бы ее въ рядъ явленій, самостоя-

тельной дѣйствительности не имѣющихъ. Это очень возможно, но такъ ли было, кто знаетъ. Или можетъ быть, у него мысли о составѣ естества нашего похожи на мысли св. Григорія Нисскаго, приведенныя нами. Но и это кто знаетъ? Я настаиваю только на томъ, что мысли брошюръ не представляютъ полнаго ученія автора о душѣ и духахъ, что онѣ оставляютъ многое недосказаннымъ, оставляютъ серьезные вопросы не рѣшенными. А какъ досказать недосказанное, и какъ рѣшить нерѣшенное по духу и началамъ автора, —кто можетъ взяться за это?

Я. Но въ такомъ случаѣ за чѣмъ же мы столько толковали? Объяснить бы въ началѣ что говорите вы теперь,—и конецъ.

Стар. О, нѣтъ. Брошюры надо разбить во всѣхъ пунктахъ, даже строже, чѣмъ сдѣлали мы. Для чего? Для того, чтобъ отбить у всякаго, неразумно читающаго ихъ всякое помышленіе понимать ихъ буквально. Вотъ вѣдь ужъ нашелся человѣкъ, который, злоупотребляя именемъ автора брошюръ, подтверждаетъ его авторитетомъ свою бредню, будто душа—тѣло и больше ничего. Вотъ противъ этого всѣ у насъ разсужденія и направлены. Такъ и просимъ всѣхъ понимать трудъ нашъ въ разъясненіи истины. Мы преслѣдуемъ ложную мысль, какую могутъ образовать въ себѣ читающіе брошюру, чистымъ и свѣтлымъ въ совѣсти своей содержа ликъ достоуважаемаго автора. Я думаю, что еслибъ онъ былъ присущъ при нашемъ спорѣ, непремѣнно одобрилъ бы пріемы наши.

Я. Тѣмъ кончимъ?!

Стар. Да. Все высказано.

Я. Премного вамъ благодаренъ.

Стар. Даруй Господи, чтобъ наши строки послужили дѣлу святой и безпримѣсной истины.

Я. Даруй Господи! Помолимся ко Владыкѣ!

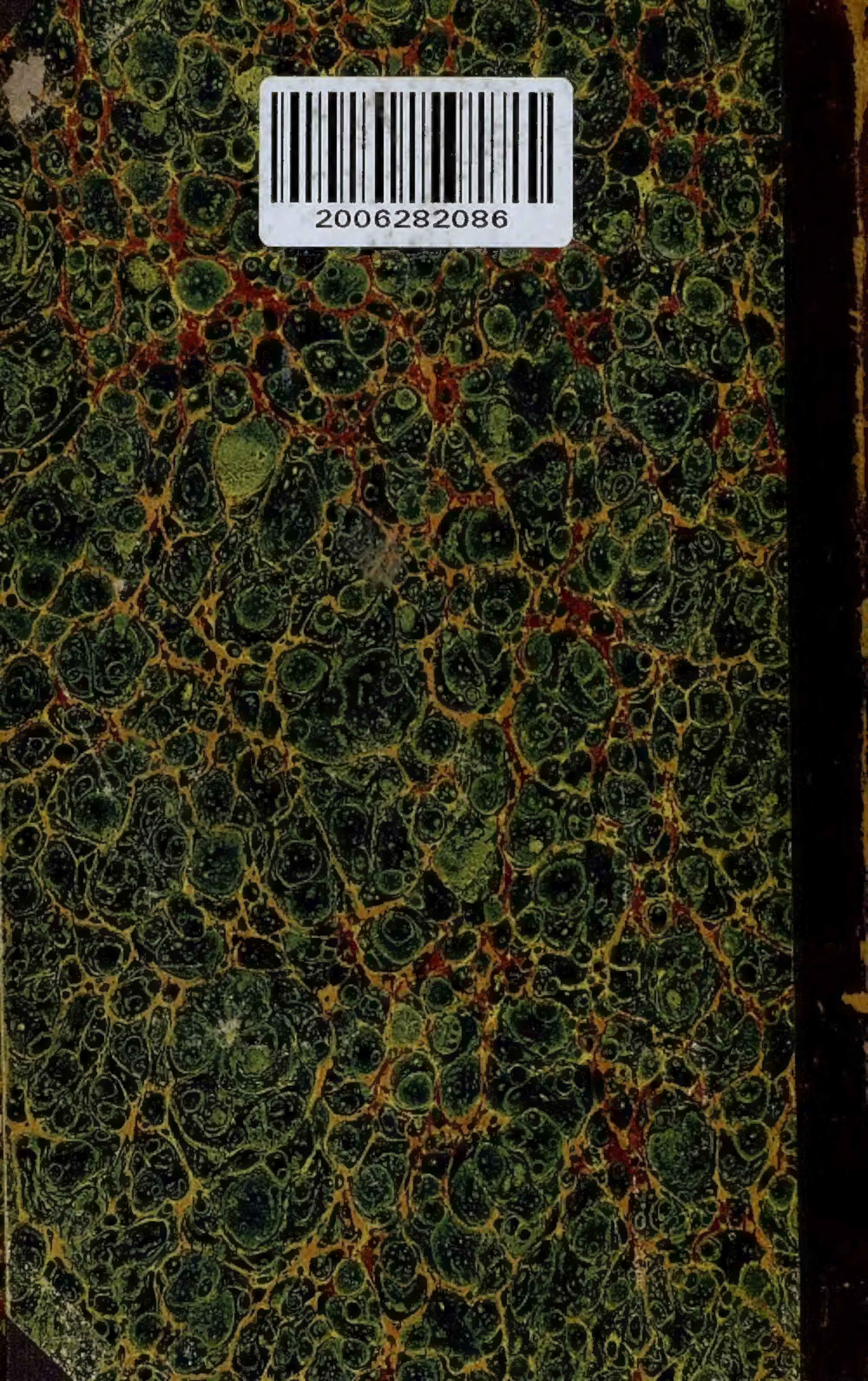
Старецъ и я. Упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего, преосвященнаго Игнатія, и всели его въ мѣста злачна, въ мѣста покойна, отонюду же отбѣже всяка болѣзнь, печаль и воздыханіе. Аминь.

Погрѣшности:

Стр.	строк.	напечатано:	должно читать:
I	3	разговоръ мой	разговоръ мой со старцемъ
II	8	приводитъ	привелъ
3	3	непредѣленность . . .	неопредѣленность
—	22	такъ	тамъ
5	15	нига	книга
10	14	дѣйствуемое	дѣйствительное
13	11	ушли	учили
14	12	theologia.	theologica
15	8	будучи	будутъ
—	28	колебанія	колебался
17	17	чѣму	чему
18	23	научающее	научающее разуму
—	28	одаренъ	одаренный
19	18	веществомъ	вещественъ
22	5	Викторій	Викторинъ
25	10	ангелы	ангела
—	12	штафъ.	штофъ
26	9	хваленій	хвальши
—	10	кашу.	чащу
31	5 сн.	непрерывной	непреложной
31	2	употребленный. . . .	пригодный
—	8 сн.	богословіе	богословію
33	13	объ ангелахъ не то, что . .	объ ангелахъ въ немъ говорится не то
35	2	противному	противно тому
36	22	и есть	есть
41	11 сн.	Игнатій	Антоній
44	13	ожидается.	ожидаютъ

Стр.	строк.	напечатано:	должно читать:
50	4	Commess.	comm. ess.
58	9 сн.	самолично	самочинно
64	17	тѣло отца. . . . . . . небеснаго.	Отца небеснаго
68	2	видитъ	видимъ
77	12 сн.	разгоряченную. . . .	разгоряченною
79	12	вещества.	существа
80	10 сн.	человѣка . . . . . . (стр. 13. сл. о см.) и если	человѣка (стр. 13 Сл. о смер.) если
—	6 сн.	и признаетъ.	не признаетъ
81	15	очертывались	очерчивались
83	2	укоряли	укоряли:
84	19	въ 3 сличеніяхъ	3) въ сличеніяхъ
—	9 сн.	Ѳеодорита испо- . . . . вѣдника	Ѳеодорита, Максима Исповѣдника
86	1 сн.	записывайте мои . . . . замѣтки въ текстѣ, . . . очеръ	Записывайте; мои замѣтки въ текстѣ очерчивайте
87	13 сн.	стр. 5	стр. 51
89	12 сн.	видится.	водится
93	19	душа и тѣло—эѳиръ. . .	душа—тѣло, эѳиръ
96	15	Гл. 6	сл. 6.
97	13	2 движеніе	2 движетъ
99	15 сн.	Самъ.	симъ
—	2 сн.	Восхотѣлъ и сіе . . . . показать:	Восхотѣвъ и сіе показать
110	15 сн.	въ дѣлу.	къ дѣлу
111	13 сн.	членомъ своимъ . . . . къ члену	членами своими къ членамъ
116	8 сн.	въ 6 гл	въ 1-мъ том.
117	5	умосозерцательныхъ . . .	умосозерцаемыхъ

Стр.	строк.	напечатано:	должно читать:
125	7 сн.	природѣ	о природѣ.
126	14 сн.	души	душа
—	1 сн.	иоин	иной
130	10	на Евр	ва Еван.
—	4 сн.	дѣлали	какъ
133	1	чувственную	чувственное
—	17	души	душа
—	5 сн.	таже стр. (отрицая.	(таже стр.) отрицая
133	3 сн.	его	ея.
—	2 сн.	отвергается	отвѣчается
137	2 сн.	освѣщающему	освѣщающими
140	9 сн.	видишь	видимъ
—	5	права	право
142	1	а второю же	второю же.
—	8	во вторыхъ	во первыхъ.
—	12	конечнымъ	конечнымъ духамъ.
—	18	сродными Ему природами.	сроднымъ Ему тварямъ.
145	16	и что	и наводитъ, что
148	1 сн.	чѣмъ и отрицаемыя	чѣмъ отрицается
150	4 сн.	поимѣлось бы	поимѣлось
—	18	таки.	такъ
151	6	форма протяженнаго вещества	оформенное протяженное вещество
156	8	созерцающая существующая	созерцающая существующее.
158	7	уловить?	уловишь?
—	17	выписываемая	выписанная

2006282086